С 18/142

СУЩНОСТЬ ХРИСТІАНСТВА

СЪ

НРАВСТВЕННОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

С 18/142

СУЩНОСТЬ ХРИСТІАНСТВА

СЪ

НРАВСТВЕННОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ОБЩЕСТВѢ ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

Ректора С.-Петербургской Духовной Академіи

Протоіерея І. ЯНЫШЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ѳ. Г. Елконскаго и К°. Невск. пр., № 140.
1877.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе 1

Чтеніе первое: о признакахъ нравственности, доступныхъ только самонаблюденію. Этимологическое значеніе слова «нравственность». Нравственное чувство. Нравственный законъ. Чувство долга. Нравственная свобода 3

Чтеніе второе: о содержаніи нравственности, являющемся—во внѣшней жизни. Основныя требованія нравственнаго закона. Что значитъ быть нравственнымъ 33

Чтеніе третье: Черты человѣческой нравственности въ лицѣ Богочеловѣка Христа Спасителя. 62

Чтеніе четвертое: Ученіе объ усвоеніи духа Христова падшимъ человѣчествомъ при дѣствіи благодати: а) призывающей къ вѣрѣ во Христа, б) оправдывающей и в) освящающей вѣрующихъ 98

Печатать дозволяется. 10-го сентября 1877 года. Экстро-ординарн. проф. С.-Петербургской духовной академіи *Андрей Предтеченскій*.

2007111528

(Изъ «Христіанскаго Чтенія» 1877 г. № 7—10).

Предлагаемыя вниманію читателей статьи «*о сущности христіанства съ нравственной точки зрѣнія*» суть тѣ самыя, которыя во время великаго поста текущаго года читаны были мною въ С.-Петербургскомъ Отдѣлѣ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія сначала въ обыкновенномъ помѣщеніи Отдѣла у Чернышева моста, въ домѣ бывшемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, а потомъ въ Соляномъ Городкѣ.

Въ своихъ чтеніяхъ, которыхъ было четыре, я предположилъ дать по возможности краткій, болѣе или менѣе опредѣленный, отвѣтъ на слѣдующіе *два вопроса: что значитъ быть нравственнымъ и что значитъ быть христіаниномъ?*

Въ программѣ этихъ чтеній, въ свое время опубликованныхъ въ с.-петербургскихъ духовныхъ газетахъ, содержаніе каждаго чтенія указано было такъ: «въ отвѣтъ на *первый* вопросъ, которому имѣютъ быть посвящены первыя два чтенія, будутъ указаны: 1) признаки нравственности, доступные только внутреннему самонаблюденію и 2) содержаніе нравственности, являющееся и во внѣшней жизни; въ отвѣтъ на *второй* вопросъ, которому имѣютъ быть посвящены другія два чтенія, будутъ изложены: 1) черты человѣческой нравственности въ Лицѣ Богочеловѣка Христа Спасителя и 2) ученіе объ усвоеніи духа Христова падшимъ человѣкомъ при дѣйствіи благодати: а) призывающей къ вѣрѣ во Христа, б) оправдывающей и в) освящающей вѣрующихъ».

Такую программу, равно какъ и самую мысль о чтеніяхъ, внушили мнѣ съ одной стороны мои занятія по преподаванію Нрав-

ственнаго Богословія въ с.-петербургской Духовной Академіи, убѣдившія меня, какъ не легко составить сколько нибудь отчетливое понятіе о нравственности, особенно имѣя въ виду отечественную богословскую и переводную — философскую литературу по этому предмету, съ другой—желаніе обратить вниманіе любителей духовнаго просвѣщенія въ дни великаго поста на предметъ, который, какъ мнѣ казалось, особенно отвѣчаетъ значенію этихъ дней въ Церкви. Въ послѣднемъ чтеніи *объ усвоеніи духа Христова падшимъ человѣкомъ при дѣйствіи благодати* мнѣ хотѣлось напомнить ученіе Слова Божія и Церкви объ этомъ предметѣ, который въ послѣдніе годы возбудилъ и доселѣ еще возбуждаетъ толки не только въ сектантскихъ движеніяхъ между простымъ народомъ, но и, какъ извѣстно, въ нѣкоторой части образованнаго православнаго общества.

Если я рѣшился напечатать чтенія, то единственно въ слѣдствіе неоднократно выраженнаго на этотъ счетъ желанія многихъ изъ тѣхъ любителей духовнаго просвѣщенія, которые удостоивали мои чтенія своимъ вниманіемъ.

Протоіерей **Іоаннъ Янышевъ.**

18-го мая 1877 года.
С.-Петерб. Духовная Академія.

Чтеніе первое:

о признакахъ нравственности, доступныхъ только внутреннему самонаблюденію.

Мм. Гг.

Христіанство, своимъ явленіемъ въ мірѣ раздѣлившее его исторію на двѣ великія половины—дохристіанскую и христіанскую, можетъ быть разсматриваемо въ разныхъ отношеніяхъ: и какъ *религія*, т. е. возстановленіе утраченнаго нѣкогда въ лицѣ прародителей союза между Богомъ и человѣкомъ,—и какъ *церковь*, т. е. видимое общество возсоединенныхъ съ Богомъ, отличающееся отъ всѣхъ другъ обществъ, среди которыхъ оно мало по малу заняло свое высокое мѣсто,—и какъ *источникъ новой культуры* въ той или другой ея сферѣ, или *новыхъ взаимныхъ отношеній между людьми:* семейныхъ и общественныхъ,—и даже какъ *государство*, насколько христіанскія начала успѣли проникнуть собою строй его. Изъ всѣхъ этихъ сторонъ я предпочелъ избрать для настоящихъ бесѣдъ ту, которая, непосредственно касаясь души каждаго изъ христіанъ, составляетъ сущность христіанства, и отъ которой получаютъ свою силу и значеніе всѣ прочія проявленія его въ мірѣ, т. е. я понимаю христіанство прежде всего какъ религію, или что тоже: возстановленное общеніе между Богомъ въ лицѣ Богочеловѣка Христа Спасителя и между отдѣльнымъ вѣрующимъ.

Но и самая христіанская религія, какъ возстановленный союзъ между Богомъ въ лицѣ Христа Спасителя и отдѣльнымъ человѣ-

комъ, можетъ быть разсматриваема опять преимущественно съ одной изъ двухъ сторонъ: или со стороны Бога, пріемлющаго падшаго человѣка въ общеніе съ Собою, или со стороны человѣка, вступающаго въ это общеніе; т. е. мы можемъ отвѣчать или на такіе вопросы: что можно и должно знать о Тріединомъ Богѣ, Его свойствахъ и дѣйствіяхъ въ мірѣ, въ частности —о приготовленіи Имъ падшаго рода человѣческаго къ принятію Искупителя, какъ понимать соединеніе Божества и человѣчества въ лицѣ Христа Спасителя, Его искупительныя заслуги, Его учрежденія на землѣ и т. п., или на такіе вопросы: что такое человѣкъ, который вступаетъ въ общеніе съ Богомъ въ лицѣ Христа Спасителя, что значитъ это общеніе, какъ и почему оно возникаетъ, въ чемъ проявляется и чѣмъ сопровождается. Совершенно раздѣлить обѣ эти стороны религіи, при ея разсматриваніи, конечно, нельзя; но можно разсматривать ее преимущественно съ первой стороны, и тогда это будетъ значить, что мы становимся преимущественно, выражаясь богословскимъ языкомъ, на догматическую точку зрѣнія; или со второй, и тогда это будетъ значить, что мы становимся преимущественно на нравственную.

Но и становясь на эту послѣднюю точку зрѣнія для того, чтобы уяснить себѣ сущность христіанства, мы не то хочемъ сказать, что христіанская религія, если ее разсматривать со стороны человѣка, есть тоже, что его нравственность,—понятіе нравственности, подъ содержаніе которой подходятъ между прочимъ всѣ возможные союзы человѣка, слѣдовательно и религіозный, очевидно, гораздо шире понятія о религіи,—а только то, что мы хотѣли-бы по мѣрѣ силъ уяснить себѣ нашъ союзъ съ Богомъ во Христѣ со стороны нашей, человѣческой, нравственной потребности. А для того, чтобы лучше уяснить сущность христіанства, какъ религіи, съ этой стороны, мы напередъ нуждаемся въ уясненіи себѣ понятія о томъ, что такое нравственность, что значитъ быть нравствен-

нымъ вообще? Только отвѣтивши на этотъ вопросъ, мы можемъ сказать, что значитъ быть нравственно-религіознымъ въ христіанскомъ смыслѣ, или что значитъ быть христіанином.

Въ настоящее и слѣдующее собранія постараюсь отвѣтить на первый вопросъ; въ остальныя два собранія—на второй. Отвѣчая на тотъ или другой вопросъ я не буду входить въ разборъ какихъ-либо теорій нравственности древнихъ или новыхъ философскихъ школъ и какихъ-либо воззрѣній той или другой западной богословской школы на Лице Христа Спасителя и на дѣло нашего спасенія во Христѣ. Не упуская однакожъ совсѣмъ изъ виду и этихъ теорій и воззрѣній, насколько они мнѣ знакомы, я постараюсь только, по мѣрѣ крайняго моего разумѣнія и руководясь нормами православнаго ученія, дать краткій, болѣе или менѣе опредѣленный отвѣтъ на поставленные вопросы. Пусть мой отвѣтъ и не удовлетворитъ христіанской любознательности общества, удостоившаго настоящее чтеніе своимъ вниманіемъ; я былъ бы очень радъ, если бы мои чтенія въ эти святые дни поста послужили кому-либо только поводомъ къ *размышленію* объ единомъ на потребу.

Что значитъ быть нравственнымъ? Что такое—*нравственность?* Это слово, равно какъ и производныя отъ него почти не встрѣчаются въ священномъ Писаніи; они не объясняются и въ символическихъ церковныхъ книгахъ; мнѣ не случалось встрѣчать связнаго объясненія понятія о нравственности въ нашей и не духовной литературѣ. Сколько нибудь выяснить это понятіе естественнѣе всего, кажется, въ томъ порядкѣ, на который наводитъ непосредственный смыслъ самого слова: *нравственность.* Это прекрасное русское слово отчасти соединяетъ въ себѣ, отчасти восполняетъ собою тѣ черты, на которыя указываютъ слова, означающія нравственность въ другихъ европейскихъ языкахъ, каковы: грече-

ское—ἦθος, латинское—moralitas, нѣмецкое—Sittlichkeit; первое, по толкованію филологовъ (хотя и не всѣхъ) означаетъ прежде всего *осѣдлость, постоянство*, затѣмъ *нравъ*, обычай, какъ нѣчто постоянное въ поведеніи человѣка; второе и третье указываютъ ближе всего на *движеніе*,—слѣдовательно и на силу движущую,—а затѣмъ уже на поведеніе и обычай; наше же слово нравственность своимъ сродствомъ съ глаголомъ *нравиться* указываетъ на *чувство*, которому что-то нравится, а своимъ сродствомъ съ словомъ *нравъ* или, что тоже, обычай—на постоянство, съ какимъ къ извѣстнымъ явленіямъ жизни человѣка такъ или иначе относится его чувство. Какъ скоро же есть въ насъ чувство, которому что-либо нравится или не нравится, то значитъ есть въ насъ и инстинктивное *влеченіе* къ тому, что нравится,—есть сила, ищущая себѣ пищи и удовлетворенія въ томъ, что называется нравственнымъ.

Какъ ни теменъ этотъ этимологическій намекъ на значеніе слова: *нравственность*,—онъ съ перваго раза заставляетъ предполагать, что нравственность не есть что-либо, что мы можемъ мыслить въ формѣ напр. извнѣ только предписаннаго намъ къ исполненію закона, къ которому мы въ глубинѣ души могли бы оставаться равнодушными. Уже законодатель Моисей, изложивъ данные Богомъ израильскому народу законы, говоритъ: *заповѣдь сія, которую я заповѣдую тебѣ сегодня, не недоступна для тебя и недалека. Она не на небѣ, чтобы можно было говорить: кто взошелъ бы для насъ на небо и принесъ бы ее намъ, и далъ бы намъ услышать ее, и мы исполнили бы ее? И не за моремъ она, чтобы можно было говорить: кто сходилъ бы для насъ за море, и принесъ бы ее намъ, и далъ бы намъ услышать ее, и мы исполнили бы ее? Но весьма близко къ тебѣ слово сіе; оно (не только) въ устахъ твоихъ, (но) и въ* сердцѣ *твоемъ, чтобъ исполнять его.* (Второз. XXX, 11—14). По названію своему такъ сродная съ нравами, обычаями, нравственность, какъ мы можемъ уже предъугадывать, едвали есть

что-либо мимолетное, непрестанно мѣняющееся, но подобно этимъ устойчивымъ нравамъ вѣроятно возрастаетъ постепенно внутри человѣка, какъ то дерево, о которомъ Спаситель говорилъ: *всякое дерево доброе приноситъ и плоды добрые; а худое дерево приноситъ и плоды худые. Итакъ по плодамъ ихъ узнаете ихъ.* (Матѳ. VII 17—20). Она не должна быть чѣмъ-либо и совсѣмъ безотчетнымъ, чего бы мы не могли живо чувствовать и слѣдовательно ясно сознавать; напротивъ внутри насъ есть какое-то чувство, послужившее корнемъ для названія всего нравственнаго, невольно напоминающее то внутреннее око, о которомъ говорится, что если этотъ свѣтильникъ погаснетъ въ человѣкѣ, или если это око потеряетъ свою чистоту, или даже само превратится въ мракъ, сдѣлается тьмою, то какова же будетъ тьма въ человѣкѣ? (Мато. VI, 22—23). Короче: слово нравственность, для своего разъясненія, обращаетъ наше вниманіе на нашу собственную природу и въ ней прежде всего на наши чувствованія, въ основѣ которыхъ лежатъ всегда такія или другія, сознательныя или безсознательныя влеченія или стремленія. Чувствованія же наши, равно какъ и ощущенія, различаются между собою смотря, главнымъ образомъ, потому: чѣмъ, *какимъ предметомъ они возбуждаются*, и что, *какое содержаніе относительно этого предмета они вносятъ въ наше сознаніе*. Что же такое нравственное чувство, т. е. чѣмъ оно возбуждается и какое содержаніе относительно своего предмета вноситъ въ наше сознаніе?

Говоря о сознаніи и содержаніи сознанія мы уже отличаемъ сознаніе, какъ содержащее, какъ форму отъ того, что въ нее входитъ и въ ней содержится, подобно тому, какъ свѣтъ мы отличаемъ отъ тѣхъ предметовъ, которые имъ освѣщаются или которые онъ дѣлаетъ видимыми. Это содержаніе сознанія, эти предметы, освѣщаемые имъ, какъ всякій изъ насъ испытываетъ въ себѣ, безконечно разнообразны, непрестанно смѣняются одни другими, то

появляются, то исчезаютъ въ сознаніи, хотя и никогда не уничтожаются, составляя то, что называется памятью; но самое сознаніе, самый свѣтъ, въ которомъ являются наши внутреннія состоянія, остается неизмѣннымъ и только бываетъ то шире, то уже, то свѣтлѣе, то темнѣе. Но, что для насъ особенно важно, сознаніе или этотъ духовный свѣтъ не возможны въ насъ не только безъ сознанія *чего-либо*, что возникаетъ въ немъ, какъ его содержаніе, но и вмѣстѣ безъ *самосознанія*, безъ того, чтобы, сознавая что-либо, мы въ тоже время не сознавали и того, что это *мы* сознаемъ, что наше *я есть дѣйствующее въ этомъ сознаніи*, что оно есть какъ бы неизмѣнный *центръ* въ этомъ свѣтѣ и *энергія* его движенія; такъ что для насъ сознаніе невозможно не только безъ чего либо сознаваемаго, безъ содержанія сознанія, но и безъ сознающаго *я*. Сознавая что-либо, мы всегда вмѣстѣ съ тѣмъ сознаемъ и себя самихъ, какъ дѣятелей своего сознанія. А отъ этого выходитъ, что и всѣ чувствованія, какъ сознательныя наши состоянія, выражающія удовлетвореніе или неудовлетвореніе тѣхъ или другихъ потребностей нашей природы, называются *нашими* чувствованіями,—тогда какъ далеко не всѣ они возбуждаются этимъ нашимъ *я* или нами самими. Когда мы сознаемъ и говоримъ: это тѣло твердо или мягко, эта пища вкусна или не вкусна, этотъ запахъ пріятенъ или отвратителенъ, колоритъ этой картины, звукъ этой музыки грубъ или нѣженъ, эта наружность привлекательна или безобразна, это ученое изслѣдованіе ясно, правдиво, безпристрастно, или спутанно, фальшиво,— во всѣхъ этихъ случаяхъ мы выражаемъ о разныхъ предметахъ *наши* ощущенія и чувствованія,—но эти ощущенія и чувствованія относятся не къ нашему *я*, а къ тѣмъ предметамъ, которыми они возбуждены; отъ того и всѣ эти свойства тѣлъ, вкусовъ, запаховъ, цвѣтовъ, изящества, истинности, хотя они выражаютъ наши состоянія, мы приписываемъ не себѣ самимъ, но тѣмъ предметамъ, ко-

торые повліяли на насъ. Таковы и суть всѣ ощущенія тѣлесно-органическія и чувствованія эстетическія и умственныя. Всѣ они относятся къ тому, что существуетъ, или по крайней мѣрѣ можетъ мыслиться, какъ существующее внѣ нашего *я*,—служатъ для его дѣятельности и состоянія, какъ говорятъ, объектомъ; всѣ они, составляя наши пріятныя или непріятныя состоянія, лишенія и страданія или наслажденія, даютъ безконечно-разнообразный и богатый матеріалъ для представленій и понятій о свойствахъ предметовъ и явленій міра, даже о тѣхъ или другихъ независящихъ отъ нашего *я* свойствахъ нашей собственной души, которыя въ этомъ случаѣ наблюдаются нашимъ *я*, какъ его объектъ, лежащій внѣ центра сознанія, — но не о самомъ этомъ *я*, не о самомъ центрѣ нашего сознанія, который самъ для себя никогда не можетъ сдѣлаться объектомъ, т. е. не можетъ раздвоиться.

Не тѣмъ возбуждается и не о томъ даетъ знать наше нравственное чувство. Потребности моей природы живутъ во мнѣ и я не могу отдѣлить ихъ отъ своего *я*,—но чтобы удовлетворить имъ, я вынужденъ *самъ* такъ или иначе дѣйствовать, совершать движенія, смотрѣть, слушать, мыслить; чтобы слушать напр. чтеніе, или узнать содержаніе книги, нужно придти на чтеніе, или достать книгу, нужно вниманіе, соображеніе и т. д. Для эстетическаго наслажденія, особенно же для художественнаго творчества требуется не только извѣстная степень эстетическаго развитія, но и такое или другое *самодѣятельное* отношеніе къ изящнымъ предметамъ, *вниманіе* къ ихъ свойствамъ, *усиліе* въ идеальномъ воспроизведеніи ихъ и т. под. Тоже должно сказать и объ удовлетвореніи тѣлесныхъ потребностей нашей природы. Для удовлетворенія всѣхъ ихъ нуженъ исходящій отъ меня самаго такой или другой процессъ внутренней или внѣшней дѣятельности, — и вотъ *эта-то дѣятельность, поскольку она сознается зависящею*

отъ меня самого, и составляетъ тотъ предметъ, которымъ возбуждается мое *чувство*, называемое *нравственнымъ*.

Нравственное влеченіе и чувство не проявляется помимо стремленія къ удовлетворенію моихъ органическихъ, умственныхъ, эстетическихъ, общежительныхъ потребностей,— но тѣмъ не менѣе въ моемъ сознаніи отнюдь не смѣшивается съ ними. Сознательно удовлетворяя или не удовлетворяя всѣмъ прочимъ своимъ потребностямъ, я *въ тоже время* самымъ процессомъ дѣйствій, *поскольку онъ отъ меня зависитъ*, удовлетворяю или не удовлетворяю и своему нравственному чувству, — и потому, испытывая тѣ или другія пріятныя или непріятныя состоянія, возбуждаемыя удовлетвореніемъ прочихъ потребностей моей природы, я въ тоже время испытываю такое или другое нравственное состояніе; при чемъ очень часто случается, что дѣйствія наши, направленныя къ удовлетворенію какой-либо органической или духовной потребности и доставляющія свойственныя этимъ потребностямъ удовольствія, въ тоже время оскорбляютъ нравственное чувство, и на оборотъ, идя въ разрѣзъ противъ той или другой потребности, вполнѣ удовлетворяютъ нравственной; отъ чего и происходитъ то, что мы въ страданіяхъ можемъ радоваться, или среди органическихъ или эстетическихъ наслажденій смертельно страдать въ глубинѣ души. Такъ мы видимъ предъ собою два міра, служащіе источникомъ нашихъ чувствованій,—одинъ міръ объективный въ обширномъ смыслѣ сего слова, къ которому вольно или невольно-наше *я* ставитъ себя въ такія или другія отношенія и отъ котораго возникаютъ въ немъ такія или другія ощущенія и чувствованія; другой міръ субъективный, *міръ отъ меня исходящей дѣятельности*, моихъ собственныхъ намѣреній и дѣйствій, служащій источникомъ другаго рода чувствъ, называющихся *нравственными*.

Отличаясь отъ прочихъ предметныхъ чувствованій тѣмъ, что оно возбуждается не объективнымъ міромъ, а отъ насъ исходящею,

нашею собственною дѣятельностію, нравственное чувство отличается отъ нихъ и по тому содержанію, которое оно вноситъ въ наше сознаніе. Тамъ мы испытываемъ лишенія и страданія, или удовольствія и наслажденія болѣе или менѣе топкаго или грубаго, духовнаго или матеріальнаго свойства, къ которымъ можетъ не примѣшиваться никакое чувство *относительно нашего собственнаго достоинства* при этихъ состояніяхъ. Здѣсь наоборотъ, какія-бы ни были наши состоянія, зависящія отъ свойствъ вліяющихъ на насъ предметовъ, мы невольно испытываемъ въ себѣ изъ глубины нашего духа возникающую въ сознаніи, *инстинктивную оцѣнку* нашихъ собственныхъ намѣреній и дѣйствій, которыя мы невольно или одобряемъ или порицаемъ въ себѣ, уважаемъ или презираемъ, которыя желаемъ укрѣпить или истребить въ себѣ; въ этихъ-то внутреннихъ состояніяхъ испытывается нами, помимо нашей воли, настоящее наше, существенное достоинство или недостоинство, или другими словами: наше нравственное добро или зло; при чемъ и самый элементъ пріятнаго или непріятнаго, который одинъ только и служитъ признакомъ этой оцѣнки, сознается нами не какъ лишеніе чего-то, что не вполнѣ въ нашей власти, или наслажденіе чѣмъ-то, что привзошло отвнѣ въ наше сознаніе, а—или какъ глубокое внутреннее самодовольство, миръ съ самимъ собою, духовная радость, блаженство, истинное счастіе души; или же какъ нѣчто похожее на уколъ, пронзеніе какимъ-то внутреннимъ жаломъ, какъ угрызеніе, мученіе, истинное бѣдствіе души, котораго ничто внѣшнее усладить не можетъ. Говоря все это, я обращаюсь къ внутреннему самонаблюденію каждаго. Только тотъ, кто испыталъ самъ эти внутреннія состоянія, можетъ понимать, о какихъ явленіяхъ внутренняго міра идетъ здѣсь рѣчь, и только онъ въ доступномъ ему одному смыслѣ предполагаетъ эти состоянія въ другихъ людяхъ по поводу ихъ намѣреній и дѣйствій, которыя также съ необходимостію одобряетъ или порицаетъ, уважаетъ или презп-

растъ, словомъ считаетъ *нравственно-добрыми* или *нравственно-злыми*.

Вникая ближе въ это загадочное чувство; мы можемъ усмотрѣть, что его движенія, пріятныя и непріятныя, отражаясь въ нашемъ сознаніи, служатъ источникомъ основныхъ нравственныхъ понятій, степень развитія которыхъ свидѣтельствуетъ о степени нравственнаго развитія человѣка, и смыслъ которыхъ опять доступенъ только нашему внутреннему самонаблюденію. Я разумѣю понятіе о *нравственномъ законѣ* и соединенномъ съ этимъ понятіемъ *чувствѣ долга, о совѣсти* и *о свободѣ человѣка*.

Нравственное чувство, какъ чувство, возбуждаемое нашими собственными намѣреніями и дѣйствіями, даетъ о себѣ знать нашему сознанію, вмѣшивается въ ходъ нашихъ мыслей и желаній тогда, когда мы приступаемъ къ какому-либо отдѣльному дѣйствію, или совершаемъ, или уже совершили его и вспоминаемъ о немъ, иногда возникаетъ даже при слабомъ проблескѣ сознанія объ этихъ дѣйствіяхъ, напр. въ дремотѣ или во снѣ. Но всякій разъ оно является въ отношеніи къ *отдѣльнымъ* нашимъ намѣреніямъ или дѣйствіямъ, и своимъ одобряющимъ или порицающимъ движеніемъ *отмѣчаетъ* только эти намѣренія и дѣйствія, — отмѣчаетъ при томъ не въ формѣ какого-нибудь логическаго сужденія,—чувство не мыслитъ, — и не въ формѣ акта воли, — этотъ именно актъ, дѣйствіе, оно и подвергаетъ своей оцѣнкѣ, а какъ непосредственная и непроизвольная очевидность достоинства нашего дѣйствія, очевидность при томъ совершенно индивидуальная. Если это чувство тревожитъ, осуждаетъ, страшитъ отвѣтственностію, то только того, въ комъ оно возбуждено, не заботясь о томъ: испытываютъ ли его другіе при подобныхъ дѣйствіяхъ,—и не измѣняется въ томъ случаѣ, если другіе не имѣютъ его. Каждому приходится, правда, говорить и съ другими о своихъ внутреннихъ нравственныхъ состояніяхъ, учить добру и учиться, и при этомъ болѣе или менѣе

взаимно понимать другъ друга; но при этомъ взаимномъ обмѣнѣ мыслей у каждаго въ сердцѣ всегда оказывается нѣчто такое, что онъ не можетъ вполнѣ выразить другому и чего никто другой вполнѣ усвоить себѣ не можетъ, — есть предѣлъ, за которымъ въ концѣ обмѣна мыслей, каждый, подобно св. апостолу Павлу (2 Кор. I, 12; Римл. IX, 1), вынужденъ сослаться на свидѣтельство своего чувства, какъ на послѣднее доказательство достовѣрности своихъ словъ,—или подобно тому, какъ при нашемъ публичномъ судопроизводствѣ, въ концѣ всѣхъ судебныхъ разбирательствъ и преній, судъ предоставляетъ не сторонамъ, не логическимъ доказательствамъ и преніямъ сторонъ, а непосредственному нравственному чувству присяжныхъ сказать: да или нѣтъ, виновенъ или невиновенъ.

Внѣшнія вліянія на дѣтей и взрослыхъ путемъ примѣра и обученія обыкновенно предупреждаютъ первые зачатки сознательнаго нравственнаго саморазвитія и не позволяютъ прослѣдить переходъ сознанія отъ первыхъ возбужденій нравственнаго чувства до болѣе развитаго представленія о различіи между добромъ и зломъ, до понятій о нихъ, и далѣе до установленія нравственной нормы, общей и взаимно понятной для многихъ людей, которая потомъ, видоизмѣняясь, переходитъ отъ одного поколѣнія къ другому. Но мы не можемъ не сознавать, что условіемъ этого перехода во всякомъ случаѣ служитъ опять тоже субъективно-индивидуальное обнаруженіе нравственнаго чувства. Ибо въ дѣлѣ нравственности нѣтъ и не можетъ быть такихъ примѣровъ, внушеній, законовъ и преданій, которые могли бы вліять на насъ *только какъ нѣчто внѣшнее*, не имѣя за себя свидѣтельства нашего чувства и собственнаго нашего внутренняго опыта; только эти собственные опыты и чувства составляютъ основу нашего сочувствія слову и примѣру другихъ и дозволяютъ имъ вліять на насъ. А эти собственные опыты суть всегда отрывочные, только по поводу отдѣльныхъ нашихъ дѣйствій

возникающія возбужденія нашего нравственнаго чувства. Только тогда, когда такихъ отдѣльныхъ опытовъ накопляются въ сознаніи *цѣлые ряды*, возможно обобщеніе ихъ по закону душевной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и образованіе общаго, первоначально темнаго, инстинктивнаго правила, по которому одного рода дѣйствія относятся къ одобряемымъ, нравящимся, т. е. *добрымъ* или *нравственнымъ*, другаго рода дѣйствія—къ порицаемымъ, *злымъ*, *безнравственнымъ*. Чрезъ общеніе же съ другими *посредствомъ слова*—этого условія всякаго отчетливаго *мышленія*, и чрезъ сравненіе самонаблюденія съ наблюденіями другихъ, общее неясное правило становится въ сознаніи болѣе яснымъ и твердымъ, болѣе удобосообщаемымъ и удобопріемлемымъ для другихъ; а съ этимъ вмѣстѣ открывается путь къ пониманію, признанію и установленію *общей* для многихъ, удобополагаемой въ *словѣ* и *письменѣ*, и въ этомъ смыслѣ *объективной нравственной нормы*, *нравственнаго масштаба* или, что тоже, *нравственнаго закона*. Но всѣ эти дальнѣйшіе переходы нравственнаго сознанія и ихъ результаты, очевидно, не суть дѣло одного нравственнаго чувства, какъ чувства; они возможны не иначе, какъ *чрезъ процессы мышленія подъ вліяніемъ нравственнаго чувства* и потому *къ первоначальному обнаруженію нравственнаго чувства относиться не могутъ*. Всякій внѣшній или объективный законъ только потому получаетъ общее признаніе и силу, что ему предшествовали не только субъективно-индивидуальныя свидѣтельства нравственнаго чувства, но и работа мысли надъ содержаніемъ, доставляемымъ этимъ чувствомъ. Поэтому *нравственность можетъ до извѣстной степени не нуждаться въ законѣ*, нравственное чувство можетъ до извѣстной степени замѣнять законъ; но *законъ никогда не можетъ обойтись безъ нравственнаго чувства*; ибо только оно дастъ предписаніямъ или требованіямъ его жизненную силу и внутренній авторитетъ истины; гдѣ нѣтъ свидѣтельства нравственнаго чувства въ пользу

закона, тамъ не онъ господствуетъ, а его буква и внѣшняя физическая сила, тамъ не можетъ быть рѣчи о нравственной жизни. А это свидѣтельство или движеніе чувства всегда есть нѣчто, что оно только имѣетъ, что ему одному доступно, чего ничто не можетъ замѣнить и за что оно одно ручается. Итакъ нравственный законъ, или правило внутренняго и внѣшняго поведенія человѣка, есть результатъ работы мысли надъ содержаніемъ многократнаго проявленія нравственнаго чувства и на столько имѣетъ силы надъ волею человѣка, на сколько свидѣтельства чувства подкрѣпляютъ его требованія; это суть тѣже одобренія или порицанія, мученія или радости отъ нравственнаго чувства, возникавшія при отдѣльныхъ дѣйствіяхъ человѣка,—только сгруппированныя и отвлеченныя въ общія понятія объ этихъ дѣйствіяхъ и выраженныя не въ формѣ прошедшаго времени изъявительнаго наклоненія, а подъ вліяніемъ способности человѣка заботиться о будущемъ и о своихъ будущихъ предполагаемыхъ дѣйствіяхъ,—въ формѣ повелительнаго наклоненія, какъ требованія, относящіяся къ будущему, какъ правила жизни вообще.

Но если отдѣльныя добрыя или злыя намѣренія и дѣйствія человѣка, отмѣченныя соотвѣтственными имъ движеніями нравственнаго чувства, наша логическая сила группируетъ и, въ виду будущаго поведенія человѣка, подводитъ подъ общія правила поведенія,—то и слѣды движеній нашего нравственнаго чувства не остаются потерянными для этихъ общихъ понятій добра и зла, а обобщаясь между собою составляютъ одно общее чувство по отношенію къ закону вообще, называемое *чувствомъ долга*, или *чувствомъ законности*, т. е. чувствомъ уваженія къ требованіямъ закона вообще, къ какимъ-бы отдѣльнымъ намѣреніямъ и дѣйствіямъ они ни относились. Слово—*законъ*, или *требованіе закона*, въ сознаніи нравственно-развитаго человѣка отзывается широкимъ и глубокимъ чувствомъ не только уваженія, но и долга исполнять это требованіе, не смотря ни на какіе противостоящіе мотивы, вытекающіе не изъ

нравственной потребности. Это священное чувство есть ничто иное, какъ общій единовременный и осмысленный резонансъ всѣхъ тѣхъ отдѣльныхъ движеній нравственнаго чувства, которыми сопровождались отдѣльныя дѣйствія человѣка, составившія содержаніе нравственнаго закона.

Поелику же нравственный законъ, какъ выраженіе правилъ всего поведенія человѣка, вырабатывается подъ вліяніемъ нравственнаго чувства не вдругъ, а цѣлыми столѣтіями, и не однимъ человѣкомъ, а цѣлыми поколѣніями людей, то понятно, почему онъ даже и тамъ, гдѣ не было истиннаго—богооткровеннаго закона, входя въ сознаніе каждаго отдѣльнаго человѣка, представляется ему съ признаками *высшаго* происхожденія, является *идеаломъ*, къ осуществленію котораго нужно стремиться, масштабомъ того, чѣмъ долженъ быть человѣкъ. А это значитъ, что присутствіе нравственнаго закона въ сознаніи человѣка вынуждаетъ его сознавать себя съ двухъ сторонъ,—со стороны дѣйствительнаго своего нравственнаго достоинства, со стороны своихъ дѣйствительныхъ намѣреній и дѣйствій,— вынуждаетъ его видѣть себя такимъ, какимъ онъ есть,—и со стороны того достоинства, которое онъ долженъ имѣть по независящему отъ него требованію нравственнаго закона, видѣть себя такимъ, какимъ онъ долженъ быть; первый образъ человѣка есть эмпирическій, взятый съ дѣйствительности, второй — идеальный, хотя живущій въ сознаніи эмпирическаго человѣка, но высшій его дѣйствительнаго достоинства.

Какъ-бы мало или велико ни было разстояніе между этими двумя образами одного и того же сколько-нибудь нравственно развитаго лица, все равно: они всегда живутъ въ немъ. До какой степени наше *я* стремится къ осуществленію въ дѣйствительности своего идеала, это зависитъ отъ него самого; но оно въ силу нравственнаго чувства и влеченія не можетъ не стремиться къ тому, чтобы уничтожить въ себѣ этотъ двойникъ свой, это раздвоеніе

свое. Всѣ дѣйствительно и стремятся къ этому уничтоженію, хотя совершенно противоположными путями: одни тѣмъ, что неодобряемыя качества свои усиливаются преобразовать по требованію идеала, другіе тѣмъ, что наоборотъ высшія нравственныя требованія своей природы усиливаются заглушить въ удовлетвореніи противо-нравственныхъ влеченій, помрачить и исказить въ себѣ благородныя черты своего идеала до совершенной неузнаваемости ихъ. Сознаніе возникающихъ при этой внутренней борьбѣ человѣка съ самимъ собою движеній нравственнаго характера, т. е. *сознаніе съ одной стороны отдѣльныхъ движеній нравственнаго чувства, какъ пріятныхъ и успокоивающихъ, такъ и мучительныхъ и тревожныхъ, съ другой: сознаніе нравственнаго закона и соединеннаго съ этимъ сознаніемъ чувства долга* и есть *совѣсть:* συνείδησις, conscientia, Gewissen, conscience, сознаніе (*совѣдѣніе, совѣсть*).

Итакъ, чтобы отвѣтить на вопросъ: что значитъ быть нравственнымъ? я прежде всего призналъ цѣлесообразнымъ обратить вниманіе не на содержаніе нравственности, а на ея психологическіе признаки, доступные только внутреннему самонаблюденію каждаго: кореннымъ внутреннимъ признакомъ нравственности служитъ существованіе въ насъ нравственнаго чувства, не умственнаго или чувства истины, не эстетическаго или чувства красоты, не тѣхъ пріятныхъ или непріятныхъ чувствованій, которыя возбуждаются удовлетвореніемъ или неудовлетвореніемъ разнородныхъ нашихъ потребностей, а того чувства, которое при каждомъ нашемъ отдѣльномъ намѣреніи и дѣйствіи, къ чему-бы оно ни относилось, указываетъ на наше внутреннее достоинство или недостоинство, даетъ намъ понять наше благородство или низость, возбуждаетъ въ насъ самоуваженіе или самопрезрѣніе и даже самоотвращеніе; а гдѣ вмѣстѣ съ этимъ чувствомъ развито и мышленіе,—тамъ, какъ дальнѣйшій признакъ нравственности, является сознаніе въ себѣ нравственнаго закона, правилъ поведенія, указывающихъ, что̀ въ этомъ

поведеніи есть добро и что́—зло, и соединенныхъ съ чувствомъ долга—осуществлять первое и искоренять второе. Когда же даны въ сознаніи вмѣстѣ, какъ это и бываетъ обыкновенно, не только наши такія или другія намѣренія или дѣйствія, но и представленіе должнаго по нравственному закону и движенія нашего нравственнаго чувства, одобряющія или порицающія намѣренія или дѣйствія,—тогда такое сознаніе и называется совѣстію. Все это я назвалъ признаками нравственности потому, что, говоря о присутствіи человѣку нравственнаго чувства, закона, чувства долга, совѣсти,—я не указываю на то, что́ же именно, какія именно намѣренія и дѣйствія требуются или и какія отвергаются имп? Отвѣтить на этотъ вопросъ значитъ указать содержаніе нравственности. Въ настоящій же разъ я желаю объяснить только то, что каково бы ни было содержаніе нравственнаго, — свидѣтелями и судьями его являются нашему самонаблюденію наше нравственное чувство, сознаніе нашихъ нравственныхъ правилъ или закона, наше чувство долга, наша совѣсть. Только тамъ, гдѣ развиты и сознаются эти внутреннія признаки добра и зла, существуютъ и дѣйствительно нравственныя намѣренія и дѣйствія, которыя, повторяясь при каждомъ случаѣ къ тому, образуютъ въ насъ тѣ внутреннія, болѣе или менѣе прочныя, разнообразныя настроенія, или лучше: *качества*, которыя, если они согласны съ нравственнымъ закономъ, называются *добродѣтелями*, если противны ему—*пороками*, и изъ которыхъ, смотря по своеобразному сочетанію этихъ добродѣтелей или пороковъ между собою въ каждой личности, слагается ея такой или другой *нравственный характеръ*.

Если бы нашелся человѣкъ, который бы сказалъ и сказалъ правду, что онъ не знаетъ въ себѣ никакого нравственнаго чувства, никакихъ правилъ, преступленіе которыхъ, хотя бы и никому невѣдомое, казнило бы его въ глубинѣ души,—никакой совѣсти,—то мы должны были бы сказать, что вся дальнѣйшая наша

рѣчь о нравственности не будетъ имѣть для него никакого значенія. Если же наше сознаніе напротивъ говоритъ намъ, что каковы бы ни были требованія нравственнаго закона, чтобы ни одобрило и ни порицало въ насъ нравственное чувство, какъ бы ни направлена была наша совѣсть,—по всѣ эти явленія нравственной жизни: чувство, законъ и совѣсть существуютъ, живы въ насъ, то мы не можемъ не сознавать въ себѣ еще одного послѣдняго и важнѣйшаго признака и вмѣстѣ главнаго дѣятеля нравственности, опять доступнаго только внутреннему нашему наблюденію. Я разумѣю—*свободу*, *нравственную свободу*, которая, именно какъ нравственная, одна только и заслуживаетъ этого великаго имени.

Мм. Гг. Только христіанство даетъ намъ возможность испытывать въ сердцѣ, что такое нравственная свобода. Ничто внѣшнее не объяснитъ намъ ее и не докажетъ. Внѣшніе плоды христіанскаго, нравственнаго освобожденія такъ разросшись, по крайней мѣрѣ, въ европейскомъ мірѣ, что многіе изъ наслаждающихся только этими внѣшними плодами, утративъ способность цѣнить ихъ корень, къ изумленію вѣрующихъ, подрываются подъ него, усиливаются на разные лады вытравить изъ человѣка сознаніе свободы и низвести его на степень или неразумныхъ животныхъ, или одушевленныхъ машинъ, съ механическою необходимостію заводимыхъ то вліяніемъ какихъ-то будто-бы непреложныхъ историческихъ законовъ, то дѣйствіемъ внѣшнихъ впечатлѣній и психическихъ процессовъ, то безсознательною, наслѣдственною преемственностію непреодолимыхъ предрасположеній и т. д. Сознавать свободу можетъ только тотъ, кто ею обладаетъ; и если мы позволяемъ себѣ говорить о ней, то только благодаря Тому, Чье слово, какъ истина, нравственно освобождающая пріемлющихъ и творящихъ ее, хранится неповрежденнымъ въ святой Церкви.

Говоря о нравственной свободѣ, прежде всего скажемъ, чего мы не подразумѣваемъ подъ этимъ словомъ, затѣмъ—что́ разу-

мѣемъ подъ нимъ и наконецъ коснемся возраженій противъ существованія свободы.

Часто говорятъ о свободѣ, разумѣя подъ нею не что-либо дѣйствительно существующее, а только отвлеченное, и притомъ чисто отрицательное понятіе, т. е. разумѣя *отсутствіе внѣшняго, со стороны другихъ людей, препятствія къ какимъ-либо внѣшнимъ же дѣйствіямъ*. Въ такомъ смыслѣ говорятъ о ней, когда говорятъ о свободѣ гражданской, т. е. объ отсутствіи препятствій со стороны другихъ людей такъ или иначе располагать своимъ имуществомъ, заключать договоры и т. п.; о свободѣ печати, т. е. объ отсутствіи внѣшнихъ же препятствій обнародывать такія или другія мысли; о свободѣ политической, т. е. объ отсутствіи препятствій къ такому или другому участію въ государственныхъ и международныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ; о свободѣ вѣроисповѣданій, т. е. объ отсутствіи опять внѣшнихъ же принудительныхъ препятствій такъ или иначе проявлять во внѣ свои вѣрованія. Все это говорится о свободѣ почти въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ говорятъ о *свободномъ* воздухѣ, коль скоро онъ не запертъ со всѣхъ сторонъ, о *свободныхъ* птицахъ или животныхъ, коль скоро они не въ клѣткѣ или не на цѣпи и т. п. Не о такой, конечно, свободѣ рѣчь, какъ объ одномъ изъ внутреннихъ признаковъ и вмѣстѣ какъ о главномъ дѣятелѣ нравственности.

Говорятъ также о свободѣ въ иномъ болѣе положительномъ смыслѣ, по отношенію къ живымъ существамъ и даже къ человѣку,— именно какъ о *послѣдней причинѣ ихъ дѣйствій*, не характеризуя однакоже далѣе ничѣмъ этой причины. Такое понятіе о свободѣ ближе къ существу дѣла, — но все же оно очень двусмысленно. Одна причина не походитъ на другую. Извѣстный цвѣтокъ, при вліяніи на него лучей солнца, какъ будто самъ раскрывается или обращается къ солнцу; домашнее животное, при вліяніи на него напр. запаха пищи, угрозы или ласки хозяина и т. п.,—само бѣ-

житъ въ ту или другую сторону; въ обоихъ случаяхъ причина движеній или дѣйствій лежитъ какъ въ солнцѣ, запахѣ, звукѣ, такъ и въ организаціи растенія или животныхъ. Если бы животное могло сознавать себя, то оно, безъ сомнѣнія, сознавало бы себя причиною своихъ дѣйствій, но это означало бы отнюдь не то, что оно есть *дѣйствительная причина* своихъ движеній и дѣйствій, а только то, что внѣшнія вліянія на него, благодаря его внутренней организаціи, заставляютъ его двигаться не непосредственно, чрезъ внѣшній толчекъ или соприкосновеніе, а чрезъ посредство нервной системы и присущей ему силы ощущеній и врожденныхъ влеченій. Изъ этихъ внутреннихъ влеченій и ощущеній и въ неразумныхъ животныхъ можетъ сложиться цѣлый строй такъ называемыхъ нравовъ животныхъ, который можетъ быть названъ даже волею ихъ и можетъ видоизмѣняться подъ вліяніемъ воспитанія и пр.,—но все же это будетъ не та свобода, о которой у насъ рѣчь. Если все это и можно назвать свободою, то только свободою психологическою или естественною, имѣющею тотъ смыслъ, что существо, сознающее свои влеченія и дѣйствія, вынуждается къ нимъ не матеріальною силою непосредственнаго толчка и не слѣпою физическою силою движенія, а чрезъ посредство ощущеній и соотвѣтствующихъ имъ представленій, движущихъ однако это существо съ такою же роковою необходимостію, съ какою и вода течетъ по наклонной поверхности или круглое тѣло движется отъ даннаго ему толчка. Такъ обыкновенно понимаютъ свободу детерминисты, т. е. тѣ, которые отвергаютъ ее въ человѣкѣ и потому справедливо приписываютъ существованіе ея въ человѣкѣ его самообольщенію. Но не о такой свободѣ свидѣтельствуетъ человѣку его собственное нравственное чувство.

Коренясь въ глубинѣ нашего духа, составляя послѣднее основаніе свидѣтельства добра и зла въ насъ, нравственное чувство въ тоже время составляетъ, какъ было говорено уже, явленіе, которое,

возникая по поводу нашихъ намѣреній и дѣйствій, само не поддается ихъ вліянію; незваною часто помѣхою оно вторгается въ естественный ходъ этихъ намѣреній и дѣйствій какъ бы изъ другой, высшей сферы; и этимъ своимъ характеромъ невольности и независимости отъ насъ заставляетъ каждый актъ рѣшимости на доброе или злое вмѣнять именно нашей, только отъ насъ и ни отъ кого и ни отъ чего другаго не зависимой инициативѣ; и какъ-бы мы ни извиняли эту инициативу вліяніемъ внѣшнихъ возбужденій, такихъ или другихъ законовъ внутренней психической и органической жизни, его голосъ: отъ тебя и только отъ тебя зависитъ твое нравственное достоинство,—не поддается никакой софистикѣ разсудка. *Безусловная невольность нравственнаго чувства* и *безусловная свобода нашей рѣшимости*—суть *два соотносительныя явленія и вмѣстѣ понятія*, изъ которыхъ одно не можетъ ни сознаваться, ни мыслиться безъ другаго. Такова сама природа нашего сознанія и мысли.

Съ той минуты, когда мы съ насиліемъ для своего самосознанія признали бы себя, свое самосознаніе и самоопредѣленіе — только пассивнымъ орудіемъ, или ареною иныхъ, независимыхъ отъ насъ силъ или психическихъ и органическихъ процессовъ, съ той минуты мы потеряли бы въ своихъ же собственныхъ глазахъ всякое достоинство, и порицанія и одобренія нравственнаго чувства сдѣлались бы въ насъ невозможными явленіями въ отношеніи какъ къ нашимъ собственнымъ качествамъ и дѣйствіямъ, такъ и въ отношеніи къ качествамъ и дѣйствіямъ другихъ людей. И наоборотъ, самостоятельность и величіе энергіи нашего *я*, въ какихъ-бы нравственныхъ качествахъ или дѣйствіяхъ она ни выражалась, сама по себѣ, какъ проявленіе независимой энергіи нашего духа, всегда, даже въ злодѣѣ, внушаетъ къ себѣ нѣкоторое невольное уваженіе. Такое свидѣтельство нравственнаго чувства подтверждается и другими фактами самонаблюденія. Какъ-бы ни пріятна была для насъ

какая-нибудь внутренняя или внѣшняя дѣятельность, какъ-бы ни сильны были мотивы и какъ-бы они ни увлекали насъ къ этой дѣятельности, все же она не возможна и не сознается нами безъ нашего соизволенія на эти мотивы и безъ нѣкотораго, хотя бы самаго легкаго усилія или *инициативы* (труда) съ нашей стороны, которыя мы всякій разъ и сознаемъ и чувствуемъ, какъ при внутренней напр. разсудочной работѣ, такъ и во всякой практической дѣятельности; гдѣ же такого самодѣятельнаго усилія или инціативы и соизволенія съ нашей стороны вовсе не сознается, тамъ не сознается также ни нашей собственной внутренней свободы, ни свободы нашихъ дѣйствій; тамъ нѣтъ мѣста и свидѣтельству совѣсти, если только отсутствіе энергіи въ ея голосѣ не есть опять свободно созданное дѣло. На основаніи такихъ фактовъ самонаблюденія нравственный человѣкъ вынужденъ сознавать себя *единственною дѣйствительною причиною своихъ дѣйствій какъ добрыхъ*, т. е. согласныхъ съ нравственнымъ закономъ и одобряемыхъ совѣстію, *такъ и злыхъ*, т. е. противныхъ нравственному закону и порицаемыхъ совѣстію; другими словами, вынужденъ сознавать, что онъ имѣетъ не только психологическую, мнимую, въ нравственномъ отношеніи безразличную, но и дѣйствительную, т. е. нравственную свободу, свободу въ отношеніи къ добру или злу [1]).

Нравственная свобода есть *ни отъ кого и ни отъ чего независящая сила или энергія самоопредѣленія въ отношеніи именно къ добру или злу*; а это есть совѣмъ не тоже, что

---

[1]) Предикатъ: *нравственный* въ примѣненіи къ свободѣ мы употребляемъ здѣсь въ широкомъ смыслѣ, т. е. по отношенію къ добру или злу вообще, не разграничивая, въ частности, понятій о нравственной свободѣ *формальной*, т. е. еще не осуществившейся ни въ добрѣ ни въ злѣ; объ *идеально-доброй* или *злой* т. е. достигшей степени нравственно-добраго или злаго характера, неспособнаго болѣе ко злу или къ добру; о *реально-доброй* или *реально-злой*, въ которой преобладаетъ или доброе или злое настроеніе, безъ утраты возможности подъ условіемъ извѣстныхъ вліяній обратиться въ противоположное состояніе.

какая-то пассивная воля или совокупность чьихъ-то хотѣній и наклонностей, имѣющихъ своимъ центромъ наше *я*, только какъ форму сознанія. Смѣшеніе той и другой, психологической и нравственной свободы объясняется во первыхъ тѣмъ, что тотъ моментъ въ процессѣ самоопредѣленія къ добру или злу, когда этотъ процессъ приближается къ концу, когда накопившимся въ душѣ желаніямъ остается дать только послѣдній толчекъ, передать волѣ энергію дѣйствованія, что этотъ моментъ трудно уловимъ для самонаблюденія; во вторыхъ тѣмъ, что, говоря о свободѣ, забываютъ, а, можетъ быть, по нравственному состоянію своему и не знаютъ и о неразрывно соединенномъ съ ея сознаніемъ невольномъ движеніи нравственнаго чувства, и относятъ ее къ такимъ хотѣніямъ и дѣйствованіямъ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ нравственностію; наконецъ особенно тѣмъ, что свобода или энергія самоопредѣленія въ чистомъ ея видѣ, какъ не отожествленная еще болѣе или менѣе съ добрыми или злыми наклонностями, въ возрастномъ состояніи человѣка не существуетъ. Свободныя намѣренія и дѣйствія, какъбы ни были они малосознательны и слабы, напр. въ дѣтскомъ возрастѣ, однажды состоявшіяся въ насъ, не остаются безъ послѣдствій для самой свободы. Каждымъ актомъ самоопредѣленія она чѣмъ дальше, тѣмъ больше дѣйствительно опредѣляетъ, слѣдовательно ограничиваетъ себя, даетъ себѣ нравственное содержаніе и направленіе, которое наконецъ и обнаруживается въ свободно созданныхъ, но потомъ уже едва одолимыхъ ею привычкахъ. Всякая личность, такимъ образомъ, своими дѣйствіями неизбѣжно уничтожаетъ свое нравственное безразличіе, свою неопредѣленность, и становится болѣе и болѣе нравственно-ограниченною, т. е. нравственно-*опредѣленною*. А эта нравственная опредѣленность необходимо вліяетъ на каждый актъ дальнѣйшаго самоопредѣленія личности, на каждую ея нравственную рѣшимость, хотя и не опредѣляетъ ея, какъ инициатива, какъ первый толчекъ ея; она является *однимъ*

изъ факторовъ при дальнѣйшихъ актахъ рѣшимости, но *не единственнымъ*; ея вліяніе есть относительное, но не абсолютное, которое бы само по себѣ производило рѣшимость; она сдѣлалась господствующею стихіею въ психическомъ организмѣ *я*, личности, но не самою личностію; ибо личность, *я*, отличаетъ себя отъ господствующей въ ея организмѣ наклонности, можетъ сдѣлать ее объектомъ своимъ и усиливаться противодѣйствовать ей, преобразовать ее. Въ такомъ видѣ представляется намъ свобода въ земной дѣйствительности, т. е. какъ воплотившаяся уже въ добрыхъ или злыхъ наклонностяхъ, слѣдовательно какъ болѣе или менѣе связанная ими, но въ тоже время всегда способная бороться съ ними. Въ той мѣрѣ, правда, въ какой личность свободно развивается въ нравственномъ, или уклоняется въ безнравственное направленіе, уменьшается и ея сила самоопредѣленія въ противоположную сторону, и это уменьшеніе, съ окончаніемъ развитія личности въ томъ или другомъ направленіи, должно наконецъ достигнуть безповоротнаго направленія, какъ это и представляется ученіемъ церкви о состояніи какъ чистыхъ, такъ и злыхъ духовъ; но пока она остается на землѣ и обладаетъ хоть малѣйшею силою развитія въ земныхъ условіяхъ, дотолѣ и свобода не можетъ считаться совсѣмъ утраченною. И при полной неспособности, или непобѣдимой наклонности ко злу для личнаго существа, пока оно не развилось всецѣло и исключительно въ зломъ направленіи, въ каждомъ данномъ случаѣ остается еще возможнымъ *выборъ между согласіемъ на свои неотвратимыя злыя хотѣнія и дѣйствія, и борьбою, хотя и безплодною, противъ этихъ хотѣній, противъ своей собственной злой воли*. Таково, какъ учитъ Слово Божіе, и есть нравственное состояніе человѣчества внѣ вліянія на него христіанской благодати.

Здѣсь все пониманіе дѣла зависитъ отъ яснаго понятія *о лицѣ*, о *я* и его отношеніи не къ тѣлесному только, а прежде всего къ душевному организму, т. е. къ совокупности его знаній, хотѣній,

наклонностей и къ сознанію ихъ. Совокупность нашихъ психическихъ образованій составляетъ периферію, но не центръ нашей внутренней жизни, составляетъ духовный организмъ нашего *я*, но не само *я*, организмъ нашей личности, но не сущность самой личности. Посему и то, что называется свободою, т. е. силою или энергіею самоопредѣленія, есть предикатъ не воли, какъ совокупности хотѣній, и не разсудка или ума, какъ совокупности знаній, и не сердца, какъ совокупности чувствованій, а только нашего *я*, центра нашей личности, для которой и хотѣній и знаній и чувствованія суть только орудія ея нравственной жизни. *Энергію, дѣйствующею* въ этихъ орудіяхъ, являются не тѣ или другія хотѣнія или чувствованія сами по себѣ, не тотъ или другой логическій процессъ мышленія, а наше *я*—такъ или иначе, т. е. согласно или несогласно съ нравственнымъ закономъ, воплощающее въ этихъ хотѣніяхъ, чувствованіяхъ и процессахъ энергію своего самоопредѣленія. *Степень* энергіи самоопредѣленія каждой отдѣльной личности въ томъ или другомъ направленіи, безспорно, зависитъ отъ развитія ея воли въ этомъ именно направленіи, отъ соотвѣтственнаго съ нимъ развитія ея разсудка, а равно и силы и глубины его чувствованій; но это не значитъ еще, чтобы отъ нихъ же зависѣла самая инициатива этой энергіи или силы самоопредѣленія, первоисточный, такъ сказать, пульсъ или толчекъ внутренней, а чрезъ него и внѣшней дѣятельности. Если нѣкоторые философы и богословы утверждаютъ, что „воля есть собственно *корень* человѣка“, или что „она есть *первооснова* всего человѣческаго существа“, то это справедливо относительно не воли, *а силы самоопредѣленія. Сила самоопредѣленія или свобода*, сознаваемая и потому существующая для насъ *не отдѣлимо отъ нравственнаго чувства*, и есть *сущность человѣческой личности или человѣческаго духа*, разсматриваемаго со стороны признаковъ, а не содержанія нравственности.

Говорятъ: но если свобода человѣка, или его духовная энер-

гія, опредѣляя себя къ добру или злу въ виду нравственнаго закона, сама ни чѣмъ не опредѣляется,—то ея дѣйствія суть чистый произволъ, случайность. Одно изъ двухъ, говорятъ: или свободныя дѣйствія имѣютъ достаточную причину,—и тогда они необходимы, и свободы не существуетъ; или они не имѣютъ такой причины,—и тогда они безпричинны, случайны, слѣдовательно, не логичны, не разумны. Да; если къ свободнымъ дѣйствіямъ примѣнять разумъ или законъ причинности въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ примѣняется къ внѣшнимъ, матеріальнымъ движеніямъ, которыя тогда только и понятны вполнѣ, когда доказана ихъ необходимость, которыя то-есть только *потому и понятны, что они необходимы*, то такого закона или разума мы не найдемъ въ нашихъ *свободныхъ* дѣйствіяхъ; жизнь духа, которая ничего не имѣетъ общаго съ движеніемъ нервныхъ матеріальныхъ частицъ, не подчиняется мѣрѣ, вѣсу и анализу, какимъ подчиняются движенія, наблюдаемыя внѣшними чувствами и матеріальными орудіями; и если мы взвѣшиваемъ, измѣряемъ и анализируемъ матеріальныя вещи и отыскиваемъ непреложные законы въ исторіи духа человѣческаго, домогаемся заковать въ эти законы и самую свободу, то вовсе не потому, что намъ нравится эта машинность всего совершающагося и существующаго предъ нами, увидѣвъ которую во всемъ мірѣ, мы сами ужаснулись бы предъ нею, а потому, что мы, какъ сами свободные, составляющіе сами для себя загадочную первопричину всѣхъ своихъ нравственныхъ дѣйствій, всюду, въ каждой вещи и во всемъ мірѣ ищемъ и конечно не можемъ ни въ чемъ матеріальномъ найти такой же или родственной намъ, по высшей насъ Первопричины, которая дала бытіе всему видимому. Духъ созерцается только духовно. Отрицать разумную причинность *свободныхъ* дѣйствій на томъ основаніи, что изъ всякой достаточной причины въ предметахъ видимыхъ *съ необходимостію* вытекаютъ ея дѣйствія, значитъ отрицать свободу на основаніи свободы. Эта свобода, какъ

сама ни отъ чего не зависящая въ отношеніи къ добру и злу, и есть *единственно достаточная причина* тѣхъ именно дѣйствій, за которыя человѣкъ сознаетъ и чувствуетъ себя, и только себя, отвѣтственнымъ въ своей совѣсти. Никакой другой причины для такого рода дѣйствій мыслить не возможно, не отказываясь отъ всякой логики.

Указываютъ, далѣе, на статистику, на постоянство извѣстныхъ нравственныхъ явленій въ родѣ человѣческомъ, каковы: число убійствъ, воровства, разводовъ, даже писемъ и тому подобныхъ дѣйствій, которыя, если-бы были свободными, то, говорятъ, не подчинялись бы съ такою точностію математически-непреложнымъ, напередъ вычисляемымъ цифрамъ. Но та-же статистика сама постоянно замѣчаетъ, что при измѣненіи извѣстныхъ и *преимущественно соціальныхъ* условій, непремѣнно замѣчается измѣненіе и въ цифрахъ нравственныхъ явленій; а на эти соціальныя измѣненія кто же опять вліяетъ какъ не самъ человѣкъ, слѣдовательно отъ него же исходящая, свободная инціатива?

Скажутъ: свобода въ такомъ случаѣ есть просто чудо? Да; она есть, если угодно, не только чудо, но чудо изъ чудесъ, которымъ и для котораго совершены всѣ физическія чудеса, начиная отъ сотворенія міра и до воскресенія Спасителя и ниспосланія Имъ Святаго Духа, — чудеса, имѣвшія цѣлію освобожденіе насъ отъ рабства злу и возстановленіе нашего нравственнаго достоинства и именно нашей, нами порабощенной злу, свободы.

Говорятъ наконецъ: если уже вы касаетесь понятія о Богѣ, какъ всемогущемъ Существѣ, не имѣющемъ никакихъ границъ для своей вездѣйственной силы, то согласитесь, что вы не можете допустить нравственную силу самоопредѣленія въ человѣкѣ, какъ ни отъ кого и ни отъ чего не зависящую? Вѣдь такая энергія самоопредѣленія составляетъ прямое ограниченіе вездѣйственности, всемогущества Божія!

Но такъ разсуждать значитъ не допускать ни *личнаго Творца* міра, ни *личнаго творенія*, словомъ не допускать понятія *о личности*. Мы уже видѣли, что *сущность человѣка, какъ лица, заключается въ силѣ его самоопредѣленія, не отдѣлимой въ его сознаніи отъ нравственнаго чувства:* онъ есть потолику лице или я, поколику сознаетъ себя не только отличнымъ отъ своихъ хотѣній, знаній и чувствованій, но и можетъ дѣлать ихъ объектомъ для себя, и потолику имѣетъ это сознаніе и власть, поколику объ этомъ свидѣтельствуетъ ему не зависящее отъ него его нравственное чувство. Не будь въ немъ этого *я*, не только какъ центра сознанія, но и какъ энергіи, силы самоопредѣленія по отношенію ко всѣмъ, возникающимъ въ немъ душевнымъ образованіямъ, его душевный организмъ былъ бы не его организмомъ, а безличною ареною стихій внѣшняго міра, процессомъ чуждой для него жизни, въ которой конечно нѣтъ мѣста никакой свободѣ. Точно также и Богъ, какъ личное Существо, есть не только всемогущая *воля* или вседѣйственная *сила*, но и *личное я*, которое отличаетъ себя отъ своей силы, дѣлаетъ ее объектомъ для себя и владѣетъ ею, слѣдовательно полагаетъ ей и границы и мѣру, однимъ словомъ есть не физическая, а нравственная сила самоопредѣленія и только въ этомъ смыслѣ Лице, Духъ. Но нравственное чувство въ человѣкѣ, какъ независимое отъ него, вынуждаетъ его сознавать себя ни отъ чего независимымъ только въ своемъ самоопредѣленіи по отношенію *къ нравственному закону*, въ своемъ *нравственномъ развитіи*, но не въ своемъ *физическомъ бытіи и его условіяхъ*, среди которыхъ совершается его нравственное развитіе; человѣкъ очень хорошо сознаетъ, что не самъ онъ далъ себѣ бытіе, нравственное чувство и нравственный законъ, не самъ онъ далъ себѣ и всѣ свои потребности, равно какъ и міръ, среди которыхъ онъ призванъ къ нравственному совершенству; если въ чемъ онъ отъ себя самого вполнѣ зависитъ, то это только въ такомъ или другомъ отношеніи

своемъ къ этимъ потребностямъ и къ этому міру подъ контролемъ нравственнаго чувства. Короче: человѣческая личность сознаетъ себя независимою только въ актахъ своей свободы, въ нравственныхъ своихъ проявленіяхъ, но не въ своемъ бытіи и не въ условіяхъ, которыми не зависимо отъ него обставлено со всѣхъ сторонъ и изъ предѣловъ которыхъ не можетъ выступить проявленіе его свободы. Въ Божественной же Личности и бытіе и дѣйствованіе и всѣ законы этого дѣйствованія безусловно зависятъ отъ Нея самой, но не какъ отъ слѣпой, вседѣйствующей физической силы, а какъ отъ самосознающей и самоопредѣляющейся, слѣдовательно какъ отъ свободной и потому нравственной, духовной, личной. Если мы не въ состояніи ясно мыслить, какъ это *самоопредѣленіе* или *самоограниченіе* Божества обнаруживается по отношенію къ непостижимой *внутренней* жизни Божества, за то мы вынуждены мыслить самоограниченіе или самоопредѣленіе Бога *по отношенію къ міру*, который есть не безпредѣльное, а ограниченное бытіе и, какъ ограниченное, не имѣетъ само по себѣ ничего общаго съ безпредѣльнымъ. Если Богу было благоугодно создать міръ съ опредѣленными качествами, какъ относительно самостоятельное, отдѣльное отъ Него по своей ограниченности бытіе, то это значитъ, что Ему благоугодно было Своей вседѣйствующей силѣ *положить извѣстныя условія дѣятельности* и *дать извѣстный опредѣленный способъ дѣйствованія по отношенію къ этимъ условіямъ*. И если въ этомъ мірѣ Ему благоугодно было создать живыя, личныя существа съ нравственною потребностію, въ силу которой они сами должны создать свое нравственное достоинство и опредѣлить нравственно свою личность собственною, ни отъ кого независящею силою самоопредѣленія, то и Его собственная вседѣйственная сила должна обнаруживаться по отношенію къ этимъ существамъ какъ сила нравственная, признающая ихъ личную самостоятельность и слѣдовательно сохраняющая ихъ силу самоопредѣленія. Это свобод-

ное самоопредѣленіе Божества не только не есть противорѣчіе безпредѣльному всемогуществу Божію, а напротивъ есть наилучшее доказательство Его Личности, не только какъ свободной, но и какъ истинно всемогущей, которая сама *владѣетъ* своимъ всемогуществомъ и слѣдовательно *не вынуждена съ необходимостію дѣйствовать, какъ эта безпредѣльная сила*, а дѣйствуетъ, какъ сила *нравственная*, т. е. какъ сила *самоопредѣленія*, какъ сила самоограничивающая или опредѣляющая себя, или какъ свобода, полагающая себѣ предѣлы и уважающая ихъ, какъ свое собственное нравственно-доброе твореніе. Излишне уже говорить о томъ, что Богъ есть не только свободная всемогущая воля, но и безпредѣльная любовь, а тамъ, гдѣ безпредѣльная любовь полагаетъ себѣ границы, тамъ и всемогущая сила не захочетъ преступать ихъ.

Отрицателямъ свободы не понятенъ смыслъ словъ: Личный, Всемогущій Духъ, точно также, какъ непонятенъ смыслъ словъ: человѣческая личность,—а это непониманіе въ свою очередь зависитъ отъ не развитія нравственной потребности; являясь сознанію какъ нравственное чувство, эта потребность вынуждаетъ мысль человѣка къ признанію не только нравственнаго закона, но и свободы, какъ силы самоопредѣленія, какъ *силы творческой*, т. е. *творящей его собственное нравственное достоинство*, а чрезъ все это вмѣстѣ и къ пониманію какъ своей собственной личности, такъ и Бога, какъ своего первообраза, т. е. не только какъ Всемогущей силы, но и какъ нравственной Личности, какъ Личнаго Духа. Человѣкъ есть, въ данныхъ ему условіяхъ, самъ *творецъ* своего нравственнаго достоинства, своихъ качествъ: и что онъ создаетъ изъ себя, того ничто и никто, ни даже самъ Богъ — безъ его содѣйствія, разрушить не можетъ. Духъ человѣческій, т. е. его личное нравственное бытіе, по самому понятію о немъ, есть сила живая, во вѣки не умирающая, ибо ничѣмъ отвнѣ недосягаемая и неразрушимая.

Итакъ, быть нравственнымъ для человѣка значитъ прежде всего сознавать себя не вещію, не мертвымъ орудіемъ чуждой ему силы, а самостоятельною силою самоопредѣленія, въ себѣ самой носящею законъ своего дѣйствованія и по мѣрѣ сознанія его согласія или несогласія съ этимъ закономъ, носить въ себѣ самомъ источникъ своихъ временныхъ и вѣчныхъ духовныхъ радостей или мученій,— другими словами: значитъ быть не одухотворенною матеріею, въ которой духовная жизнь является какимъ-то блѣднымъ невольнымъ эхомъ или резонансомъ внѣшнихъ матеріальныхъ впечатлѣній и нервныхъ движеній, — а нравственно-творческою личною силою, развивающеюся и дѣйствующею въ условіяхъ матеріально-органической жизни.

Чтеніе второе:

о содержаніи нравственности, являющемся и во внѣшней жизни.

Случайное перемѣщеніе засѣданія Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія изъ его обыкновеннаго, болѣе тѣснаго и внутренняго, въ другое болѣе широкое и такъ сказать внѣшнее пространство [1]) имѣетъ нѣкоторое совпаденіе съ тѣми двумя сторонами нравственности, изъ которыхъ на одной, доступной исключительно внутреннему самонаблюденію, остановлено было наше вниманіе въ прошлое воскресенье, тогда какъ другая, не переставая составлять внутреннее достояніе духа, выражается и во внѣшней, ежедневной жизни. Тогда рѣчь шла о внутреннихъ признакахъ нравственности, теперь предстоитъ сказать объ ея содержаніи. Позволяю себѣ пояснить эту тэму и для этого напомнить вкратцѣ содержаніе перваго чтенія.

Имѣя въ виду уяснить сущность христіанства, т. е. уяснить, въ чемъ состоитъ христіанская религія, или возстановленный союзъ между Богомъ въ Лицѣ Христа Спасителя и падшимъ человѣкомъ, и понять этотъ союзъ преимущественно съ одной его стороны, со стороны нравственной природы самого человѣка, въ первое чтеніе свое я старался указать на тѣ черты человѣческой нравственности, которыя можно назвать признаками ея, указателями ея существованія въ насъ, доступными только внутреннему самонаблюденію

[1]) Это чтеніе и слѣдующія происходили въ Соляномъ Городкѣ, зала котораго обширнѣе обыкновеннаго помѣщенія Отдѣла.

каждаго. Эти признаки, указывающіе намъ самимъ на наше нравственное призваніе, суть: *нравственное чувство*, или внутренняя, непосредственная, индивидуальная очевидность достоинства или недостоинства нашихъ отдѣльныхъ намѣреній и дѣйствій; далѣе—совершенно естественная, болѣе или менѣе сознательная, при участіи мыслительной способности человѣка, классификація этихъ намѣреній и дѣйствій, отмѣченныхъ одобреніемъ или порицаніемъ нравственнаго чувства, подъ рубриками добрыхъ или злыхъ; выраженная въ формѣ сужденій повелительнаго наклоненія, она и есть то, что называется *нравственнымъ закономъ*, есть ясно формулированное требованіе или практическій идеалъ того, чѣмъ *долженъ* быть человѣкъ; затѣмъ *совѣсть* или такое состояніе сознанія, въ которомъ одновременно даютъ о себѣ знать и наши намѣренія и дѣйствія, настоящія, прошедшія или будущія, и движенія нравственнаго чувства, одобряющаго или порицающаго эти намѣренія и дѣйствія въ виду нравственнаго закона; и наконецъ *нравственная свобода*, которая есть вовсе не отрицательное только понятіе, означающее отсутствіе матеріальныхъ препятствій къ внѣшнимъ дѣйствіямъ, и не отвлеченное только понятіе о послѣдней причинѣ нашихъ дѣйствій, безъ всякаго ея отношенія къ нравственному чувству, а самосознательная сила, въ себѣ самой, въ своемъ нравственномъ чувствѣ носящая импульсъ своей дѣятельности, или энергія самоопредѣленія человѣка въ виду именно указаній нравственнаго чувства или нравственнаго закона, сила, въ отношеніи къ добру или злу ни отъ кого и ни отъ чего независимая. Всѣ эти указатели нравственности могутъ быть названы, какъ вы сами изволите усмотрѣть, вмѣстѣ и ея дѣятелями; это суть силы нашего духа, составляющія его нравственную сущность, пока еще не опредѣленную по своему содержанію.

Мы говорили: быть нравственнымъ, судя по этимъ внутреннимъ признакамъ, или, что тоже, силамъ нравственнымъ, значитъ

для человѣка сознавать себя въ своихъ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ не орудіемъ внѣшнихъ вліяній на него, а ни отъ кого и ни отъ чего независящею силою самоопредѣленія по поводу этихъ вліяній, въ себѣ самой носящею законъ своихъ дѣйствій, и по мѣрѣ сознанія ихъ согласія или несогласія съ этимъ закономъ, быть самому источникомъ своихъ духовныхъ, ничѣмъ неотъемлемыхъ, радостей или мученій.

Но сказать, что я имѣю нравственное чувство или совѣсть и слѣдовательно сознаю требованія нравственнаго закона, и что я свободенъ или несвободенъ исполнить этотъ законъ, и что я наконецъ блаженъ или нравственно страдаю въ своемъ свободномъ дѣйствованіи, не значитъ еще сказать: что же именно одобряетъ или порицаетъ мое нравственное чувство и моя совѣсть, чего же требуетъ этотъ законъ, что дѣлаетъ меня блаженнымъ. Точно также, какъ учить о Богѣ, что Онъ Всемогущъ и Святъ, что Онъ есть Законодатель и Мздовоздаятель и что Онъ Всеблаженъ, не значитъ еще учить о томъ: въ чемъ же собственно проявляется Его Всемогущество, чего требуетъ отъ Него Самого Его святый законъ, въ чемъ состоитъ Его внутреннее вседовольство и всеблаженство.

О внутренней жизни Божества намъ немного дано знать, и то только какъ въ зеркалѣ, т. е. по отраженію Божественнаго Духа въ нашемъ духѣ и въ твореніи вообще. Если о чемъ намъ дано вѣрно знать относительно Бога чрезъ Божественное Откровеніе, то это преимущественно о Его отношеніи къ Своему творенію. Лишь настолько, насколько мы познаемъ Его твореніе и насколько воспринимаемъ Его Откровеніе, мы можемъ гадать и отчасти знать: чѣмъ, какимъ содержаніемъ наполняется Его дѣятельность, о которой Спаситель сказалъ, что Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ и Я дѣлаю (Іоанн. V, 17), что́ составляетъ предметъ Его благоволенія и Его отвращенія, что́, слѣдовательно, говоря почеловѣчески, радуетъ или оскорбляетъ Его. Но если намъ не дано и мы не обя-

заны знать о Богѣ болѣе того, что́ Ему благоугодно открыть о Себѣ,— то намъ вполнѣ дано и мы обязаны знать о томъ, изъ чего должна состоять наша человѣческая жизнь: мы, по волѣ Творца нашего, составляемъ *сами для себя законъ* (1 Римл. II, 14) и въ согласіи или несогласіи нашихъ собственныхъ намѣреній и дѣйствій съ этимъ закономъ призваны сами созидать или свое истинное благо или свое дѣйствительное бѣдствіе. Что же это за намѣренія и дѣйствія, требуемыя или запрещаемыя нравственнымъ закономъ,—или другими словами: что составляетъ содержаніе нравственности?

Говоря въ первомъ чтеніи, что наше *я*, или нашъ духъ, есть ни отъ кого и ни отъ чего независящая сила или энергія самоопредѣленія съ ея нравственнымъ чувствомъ, — мы прибавили въ заключеніе, что онъ существуетъ не въ отвлеченномъ понятіи, а въ живой дѣйствительности, въ одушевленномъ матеріальномъ организмѣ; нашъ духъ походитъ не на комету, блуждающую безъ опредѣленной орбиты въ пустомъ пространствѣ, а на планету, которая хотя и можетъ дѣлать роковыя для себя отклоненія отъ предуказаннаго ей закономъ пути, но все же эти уклоненія не могутъ выходить изъ тѣхъ предопредѣленныхъ условій, въ которыхъ ей суждено Творцомъ вращаться. Являясь и существуя не иначе, какъ въ тѣлесномъ организмѣ, и вмѣстѣ съ нимъ подчиненный всѣмъ законамъ естественнаго земнаго бытія и развитія, и самъ духъ нашъ, какъ сила самосознательная, дѣятельная и чувствующая, развивается въ опредѣленныхъ, отъ него не зависящихъ условіяхъ. Не только растительная и животная жизнь нашего организма, но и развитіе, до нѣкоторой степени, самаго мышленія, вкуса къ изящному, наклонностей и привычекъ, пока они не подпадаютъ подъ контроль и вліяніе сознательнаго нравственнаго чувства, осуществляются внѣ нравственнаго самоопредѣленія. Невольность движеній самаго нравственнаго чувства и — образованія самаго нрав-

ственнаго закона, такъ настойчиво вмѣняющихъ нашей свободѣ наши намѣренія и дѣйствія, очевидно, также не въ нашей власти. Эта невольность даетъ намъ только съ необходимостію сознавать, что все то, что́ это чувство одобряетъ или порицаетъ, оно одобряетъ и порицаетъ, какъ зависящее отъ насъ и только отъ насъ, оставаясь само независимымъ отъ насъ. А если такъ, — то въ чемъ же проявляются наши свободныя намѣренія и дѣйствія? Другими словами: что служитъ собственно содержаніемъ нравственнаго закона, или, что въ данномъ случаѣ одно и тоже, содержаніемъ нравственности?

На этотъ вопросъ отвѣчаютъ двоякимъ образомъ: или выставляютъ одинъ общій, какъ говорятъ, *принципъ* нравственности, въ которомъ будто-бы заключаются всѣ частныя требованія нравственнаго закона, и потомъ стараются, хотя всегда безуспѣшно, выводить изъ него эти отдѣльныя требованія. Такъ поступали и доселѣ поступаютъ философы, когда говорили и говорятъ напр.—дѣйствуй согласно съ законами природы (стоики), — или: стремись только къ тому, что доставляетъ тебѣ удовольствіе (епикурейцы),— или: дѣйствуй такъ, чтобы правила твоей дѣятельности могли сдѣлаться правилами для всѣхъ людей (Кантъ), — или: стремись къ наибольшему счастію или пользѣ наибольшаго числа людей (англійскіе моралисты). Такіе и подобные, древніе и новѣйшіе, тезисы имѣютъ тотъ одинъ общій недостатокъ, что претендуя выразить существенное содержаніе нравственности, не выражаютъ собственно ничего: ни признаковъ нравственности, ни ея содержанія. Кто умѣетъ отличить въ своей душѣ блаженство мирной совѣсти отъ наслажденія съ характеромъ чувственнымъ, эстетическимъ, умственнымъ, кто способенъ и счастіе и пользу измѣрять своимъ нравственнымъ масштабомъ, тотъ знаетъ, какъ разнообразны потребности нашей природы и возникающія отъ удовлетворенія ихъ удовольствія; какъ различны и иногда противоположны между собою для

различныхъ людей польза и счастіе; какъ мало мы выражаемъ, когда для того, чтобы узнать, какимъ правиломъ жизни должно руководствоваться, ссылаемся на другихъ,—и какъ еще менѣе можемъ предугадать: какія наши дѣйствія принесутъ наивысшую пользу наибольшему числу людей, и какъ узнать, какое изъ лучшихъ даже нашихъ намѣреній и дѣйствій не принесетъ имъ вреда? Такими общими положеніями, въ основаніи которыхъ не лежатъ при томъ ни нравственное чувство, ни сознаніе нравственной свободы, не выражается — на мой взглядъ — ничего нравственнаго.

Другіе, и преимущественно богословы, справедливо считая содержаніемъ нравственнаго закона только то, что заповѣдано самимъ Богомъ, и находя выраженіе воли Божіей въ Священномъ Писаніи и писаніи святыхъ Отецъ, подбираютъ всѣ разсѣянныя въ этихъ источникахъ дѣйствительно нравственныя наставленія, выражаютъ эти наставленія въ формѣ правилъ, подводятъ ихъ подъ рубрики разныхъ обязанностей и составляютъ цѣлые кодексы законовъ, на подобіе гражданскихъ кодексовъ, которыхъ, какъ ни подкрѣпляются они нравственнымъ чувствомъ, ни постоянно держать въ памяти, ни правильно примѣнять къ каждому случаю жизни для христіанина нѣтъ никакой возможности. Даже главныя заповѣди Богооткровеннаго Моусеева закона, изъ которыхъ іудейскіе раввины развили цѣлые томы своего Талмуда, развиваются иногда и въ христіанскихъ катихизисахъ въ такое количество предписываемыхъ добродѣтелей и запрещаемыхъ пороковъ, что самое главное, существенное содержаніе человѣческой нравственности, размѣненное, такъ сказать, на казуистическія мелочи, теряется изъ виду.

Мы въ настоящій разъ, разумѣется, не имѣемъ права и не можемъ, если бы и захотѣли, послѣдовать указанному методу богослововъ: намъ нужно указать только существенное содержаніе нравственности, и при томъ въ одномъ чтеніи. Не можемъ, подобно и

философамъ, свести это содержаніе только на одно какое либо общее требованіе, по той, если угодно, философской причинѣ, что духъ нашъ, какъ сила нравственнаго самоопредѣленія, при самораскрытіи своемъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній, оказывается поставленнымъ не въ одномъ, а въ двухъ главныхъ и совершенно разнородныхъ между собою отношеніяхъ къ тому, что не есть онъ: во первыхъ—въ отношеніи къ матеріальному міру, слѣдовательно и къ своему собственному тѣлесному организму и всѣмъ невольнымъ впечатлѣніямъ на первную систему этого организма; во вторыхъ—въ отношеніи къ другимъ нравственнымъ же личнымъ силамъ; а вслѣдствіе этого и проявленіе самаго нравственнаго чувства, а съ нимъ и свободы, *возможно* только тогда, когда намъ предстоитъ или: *въ индивидуальной жизни, самодѣятельно вліять на требованія тѣлеснаго, а съ нимъ и за нимъ и душевнаго*, или, какъ нынѣ любятъ говорить въ наукѣ, *психическаго развитія;* или: *въ общественной жизни, свои индивидуальные личные интересы согласовать съ интересами другихъ личностей.* Въ этихъ и только въ этихъ двухъ случаяхъ: съ одной стороны при раскрытіи и удовлетвореніи разнородныхъ потребностей нашей *низшей*, душевной и тѣлесной природы,—съ другой—при столкновеніи этихъ потребностей съ потребностями другихъ людей, и именно для согласованія ихъ, — мало по малу возникаетъ въ каждомъ *возвышающееся надъ всѣми ими, невольное стремленіе или потребность сдѣлаться и быть самимъ собою*, т. е. сознать и опредѣлить себя въ такомъ или другомъ свободно созданномъ строѣ своей индивидуальной и общественной жизни.

Обращаясь къ первому требованію, прошу просвѣщенное Общество не смущаться тѣмъ, что вопреки новѣйшимъ и именно англійскимъ теоріямъ, не знающимъ, какъ кажется, другой нравственности, кромѣ общественной или соціальной, я позволяю себѣ указать на ея содержаніе прежде всего въ индивидуальной жизни

человѣка. Это не моя мысль, а ученіе Божественнаго Откровенія; это есть, если можно такъ выразиться, идея самого Бога о человѣкѣ, и въ тоже время одна изъ основныхъ чертъ образа и подобія Божія въ природѣ духа человѣческаго. Еще прежде сотворенія человѣка, Божественная мысль о немъ, по ученію Откровенія, такъ выражена во внутреннемъ совѣтѣ Тріединаго Бога: *сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію*. Въ какой же дѣятельности людей должны были обнаружиться этотъ образъ и подобіе Божіе? *И да владычествуютъ они*, продолжаетъ тотъ же Тройческій совѣтъ, *надъ всею землею*—надъ всѣмъ безличнымъ и матеріальнымъ бытіемъ на землѣ (Быт. I, 26). Созданный потомъ не изъ персти только земной, но и отъ *дуновенія Божія*, которое не тоже, что персть земная, Адамъ оставался нѣкоторое время одинокимъ на землѣ, и несмотря на свое одиночество, уже получилъ отъ Бога повелѣніе, которое, конечно, отвѣчало его собственному нравственному чувству, хотя и не могло еще быть рѣчи объ обществѣ человѣческомъ; ему повелѣно было именно быть владыкою своего земнаго рая, не только хранить его и владѣть имъ, но и собственнымъ трудомъ воздѣлывать его (Быт. II, 15). А чтобы этотъ трудъ былъ дѣйствительнымъ, самодѣятельнымъ, и чтобы владыка неразумной твари не былъ порабощенъ ею, Богъ даетъ Адаму случай собственною своею мыслію и словомъ дать имена своимъ подвластнымъ; а съ другой стороны заповѣдію о невкушеніи плодовъ древа познанія добра и зла указываетъ ему, между прочимъ, на опасность и необходимыя послѣдствія порабощенія себя чувственности. Короче уже для одинокаго человѣка на землѣ существовало нравственное требованіе: быть не вещію или пассивнымъ орудіемъ внѣшнихъ стихій жизни, а сознательною силою самоопредѣленія въ отношеніи къ нимъ, быть именно такою царственною властію въ мірѣ, которая пользуется имъ для своихъ духовныхъ цѣлей, не порабощаясь ему, а распоряжаясь имъ.

Это требованіе, какъ и всякое разумное требованіе отъ человѣка, въ сущности есть ничто иное, какъ требованіе природы самого духа человѣческаго, удовлетворяющее потребности его собственнаго бытія и развитія или, что́ тоже, нравственной потребности; ибо онъ не иначе можетъ *быть для себя самого*, узнать себя самого или достигнуть самосознанія и самоопредѣленія и слѣдовательно самосовершенствованія, какъ только чрезъ обладаніе и пользованіе тѣмъ, что не есть духъ.

Простое *сознаніе* человѣческое—этотъ внутренній свѣтъ, безъ котораго нѣтъ насъ самихъ, слѣдовательно нѣтъ для насъ никакой жизни и никакого бытія, есть на самыхъ уже первыхъ порахъ ничто иное, какъ *различеніе* и *соединеніе* ощущеній, т. е. распоряженіе, власть надъ тѣми невольными движеніями въ нашей головѣ и въ нашемъ сердцѣ, которыя возбуждаются въ нихъ впечатлѣніями внѣшняго міра чрезъ внѣшнія чувства и раздраженія нервной системы. Эти-то невольныя ощущенія и составляютъ тотъ первичный, элементарный матеріалъ, въ *упорядоченіи* и *усвоеніи* котораго только и проявляются мало по малу первые зачатки сознательной душевной жизни, хотя мы еще пока и не сознаемъ собственно себя самихъ, своего *я*.

Внѣшнему наблюденію конечно не возможно уловить тотъ моментъ *внутренней* душевной жизни, когда простое сознаніе развивается до *само*сознанія; не возможно это и для внутренняго самонаблюденія, ибо нѣтъ еще этого *само*, чтобы наблюдать за собою. Тайна *начала всякой жизни* для насъ едвали не навсегда останется тайною. Но мы отъ этого ничего не теряемъ въ своемъ нравственномъ достоинствѣ. Для насъ достаточно признать тотъ фактъ самонаблюденія, что коль скоро мы дѣйствительно сознаемъ себя, какъ *я*, то это самосознаніе есть уже всякій разъ сознаніе себя энергіею или силою, не только *дѣйствующею* въ самомъ актѣ сознанія, но и *отличающею* свои дѣйствія отъ невольныхъ пси-

хическихъ движеній, возбуждаемыхъ нервными раздраженіями; не только отличающею себя отъ нихъ, но и *вникающею* въ нихъ, и только чрезъ это вниканіе дѣлающею возможными тѣ сознательныя душевныя состоянія (представленія, чувствованія, желанія), изъ которыхъ слагается весь матеріалъ нашей сознательной жизни. Во взглядѣ полусознательнаго младенца не свѣтится ли уже лучъ, заставляющій гадать, что за этимъ взглядомъ кроется не мертвая арена борьбы какихъ-то сторонніхъ механическихъ силъ, а живая, на себя опирающаяся энергія, вырабатывающая себѣ болѣе благопріятныя психическія и органическія условія, чтобы раскрыться въ полнотѣ сознательнаго самоопредѣленія?

Наше *я* дѣйствительно не ограничивается самосознаніемъ и участіемъ въ тѣхъ простѣйшихъ формахъ душевной жизни, которыя называются первичными представленіями, чувствованіями, желаніями; не отдѣляя себя отъ нихъ и безъ нихъ не сознавая и себя, оно въ тоже время примѣчаетъ законы возникновенія и образованія своихъ же сознательныхъ актовъ и, согласно съ кроющимся въ немъ импульсомъ, переработываетъ свой психическій матеріалъ такъ, что онъ становится неотъемлемымъ достояніемъ нашего *я* въ формѣ богатства самыхъ разнообразныхъ знаній, вкусовъ, навыковъ.

Владѣя же всѣмъ этимъ достояніемъ или правильнѣе: по мѣрѣ накопленія его, въ насъ болѣе и болѣе раскрывается и нравственное самосознаніе, подъ контролемъ котораго мы и пользуемся всѣмъ своимъ душевнымъ богатствомъ, какъ *орудіемъ для обратнаго воздѣйствія:* и на *вновь невольно* возникающія въ сознаніи психическія состоянія наши собственныя, и на нервную систему тѣлеснаго организма, а чрезъ него и на все, насъ окружающее. Что такое напр. исторія внѣшней культуры въ какой угодно ея отрасли, начиная съ каменныхъ топоровъ и другихъ орудій до новѣйшихъ безконечно разнообразныхъ техническихъ сооруженій, какъ не исторія бо́льшаго и бо́льшаго развитія духа, какъ власти разума надъ

мертвою матеріею? Или: что такое искусство воспитанія или самовоспитанія, какъ не проявленіе разумной власти духа въ образованіи или преобразованіи психическаго строя въ себѣ самихъ или въ дѣтяхъ? И можемъ ли мы сказать, что наше нравственное чувство остается безъучастнымъ къ такой или другой степени проявленія этой власти въ насъ ли самихъ, или въ другихъ людяхъ? Сила мысли, богатство знанія, хотя бы они относились только къ внѣшнему міру, всякое умѣнье и искусство, особенно же энергія воли въ управленіи своими животными инстинктами, примѣчаемыя нами въ комъ бы то ни было, даже въ злодѣѣ общества, развѣ не возбуждаютъ къ себѣ невольное уваженіе? А что́ мы уважаемъ въ другихъ, то мы уважаемъ и въ себѣ самихъ; и не можемъ быть довольны собою, коль скоро сознаемъ въ себѣ отсутствіе качествъ, возбуждающихъ наше одобреніе. Отсюда—соревнованіе, которое справедливо называется *благороднымъ*, между отдѣльными лицами и цѣлыми народами въ культурномъ преуспѣяніи; отсюда же безотчетный, хотя часто ложный, *стыдъ* или *страхъ* при мысли, что другіе могутъ замѣтить въ насъ недостатокъ воли, или знанія, или мужества, или вкуса и т. п. Человѣкъ, живущій только слѣпыми тѣлесными инстинктами, грубыми чувственными страстями, недоразвившійся до самосознанія и самообладанія, и Словомъ Божіимъ уподобляется *животнымъ закалаемымъ* (Исал. XLVIII, 13. 21), и мудрецами древняго цивилизованнаго міра не считался за человѣка; онъ являлся бы *презрѣннымъ* и въ нашихъ глазахъ, если бы христіанство не научило насъ не отчаяваться въ человѣческомъ достоинствѣ послѣдняго изъ людей, не судить чужому рабу, а больше смотрѣть на то: стоимъ ли мы сами въ той свободѣ, которую даровалъ намъ Христосъ, и не участвуемъ ли сами въ порабощеніи ближняго своего?

Заповѣдь: владычествовать надъ землею, хранить и воздѣлывать ее—понимаемая въ изъясненномъ смыслѣ, есть не внѣшнее

только Божественное велѣніе, но и одно изъ двухъ основныхъ требованій нравственной природы нашей.

Это есть требованіе: мудрости, или дѣятельнаго, практическаго знанія, слѣдовательно бо́льшаго и бо́льшаго наблюденія законовъ и своей душевной и органической жизни и жизни всего внѣшняго планетнаго міра; а такъ какъ природа только тому благодарна, кто обладаетъ ея силами, а не порабощается ими,—то въ немъ заключается требованіе: и непрестаннаго труда или трудолюбія, упадокъ котораго есть первый признакъ порабощенія человѣка слѣпымъ силамъ природы;—и извѣстной доли мужества въ борьбѣ то съ стихіями природы,—то съ хищными ея обитателями; —и постояннаго долготерпѣнія, такъ какъ природа не вдругъ открываетъ свои тайны и блага ищущимъ ихъ;—и особенно воздержанія, или всегдашней готовности сдерживать слѣпые инстинкты своей собственной тѣлесной природы, которые опаснѣе всѣхъ грозныхъ внѣшнихъ стихій и порабощаютъ себѣ свободу человѣка крѣпче всякихъ узъ; а гдѣ созрѣваютъ всѣ эти нравственныя качества духа, имъ самимъ создаваемыя въ себѣ по отношенію къ тѣлу и внѣшнему міру, тамъ предъ лицемъ этого міра и въ отношеніи къ нему человѣкъ не можетъ не питать къ себѣ чувства самоуваженія, какъ къ такой личной, духовной силѣ, которая безконечно превышаетъ все безличное и матеріальное.

Всѣ эти высокія качества духа онъ самъ создаетъ въ себѣ, какъ свое духовное тѣло, и гдѣ они созданы, эти нетлѣнныя и во вѣки пребывающія блага, эти, однимъ словомъ, добродѣтели, какъ истинное содержаніе нравственности, тамъ и все прочее прилагается само собою: и правильное развитіе, здоровье и долголѣтіе жизни тѣлеснаго организма, и способность и готовность занять среди другихъ людей такое общественное положеніе, которое даетъ мѣсто труду и слѣдовательно матеріальнымъ средствамъ своего существованія, и матеріальная собственность, какъ естественный плодъ труда, и вообще

радости земной жизни, насколько онѣ зависятъ отъ собственнаго умѣнія пользоваться и наслаждаться внѣшнею природою съ чистою совѣстію.

Всѣ эти внѣшнія земныя блага, *какъ выраженіе внутреннихъ добродѣтелей*, суть не только естественныя, но и поистинѣ нравственныя блага,—такъ что разсматриваемыя сами по себѣ, какъ выраженіе власти человѣка надъ внѣшнею природою, онѣ служатъ очевиднѣйшимъ свидѣтельствомъ его внутренняго нравственнаго развитія. Прочные и красивые дома съ свѣтлыми и чистыми комнатами, обработанныя поля, здоровый домашній скотъ, хорошо содержимые лѣса, удобные и безопасные пути сообщенія, здоровый, бодрый и веселый духъ жителей, насколько все это зависитъ отъ разумнаго пользованія матеріальною природою,— все это, не говоря уже о храмахъ наукъ и искусствъ, о промышленности, о морской и сухопутной торговлѣ, рельсовыхъ и телеграфныхъ средствахъ сообщенія и т. п.,—все это есть свидѣтельство истиннаго благословенія Божія добродѣтельному человѣку, данное ему прежде всего въ собственной природѣ его духа.

Именно—благословенія Божія, не только, такъ сказать, задуманнаго, какъ мы видѣли, Богомъ еще до созданія человѣка, но и по созданіи его выразившагося въ тѣхъ немногихъ чертахъ обращенія Бога съ человѣкомъ, которыя сохранены намъ въ Откровеніи. Что́ заповѣдалъ Адаму Богъ, когда Самъ привелъ къ нему животныхъ, чтобы онъ нарекъ имъ имена, какъ не то, чтобы онъ самъ научился быть владыкою ихъ и для этого научился мыслить и познавать? Дать вѣрное названіе какой-бы то ни было вещи значитъ глубоко понимать эту вещь. На что́ указываетъ и заповѣдь о невкушеніи отъ древа познанія добра и зла, какъ не на опасность преобладанія, между прочимъ, чувственности, коль скоро ей не будетъ противопоставлено свободное повиновеніе закону добра? Адамъ самъ долженъ былъ создать въ себѣ и власть надъ своими животными

влеченіями, чтобы быть дѣйствительно свободнымъ обладателемъ міра. Но и по паденіи человѣка, чрезъ Моисея Богъ заповѣдуетъ ему веселиться о всѣхъ благахъ, которыя Господь Богъ далъ ему (Втор. XXVI, 11); ограждаетъ жизнь человѣка, его здоровье, долголѣтіе, трудъ, собственность и все земное благоденствіе особыми заповѣдями (4-я, 5-я, 6-я, 8-я заповѣди), при чемъ благоденствіе и долголѣтіе (5-я заповѣдь), обладаніе собственностію на землѣ, успѣхъ во всякомъ дѣлѣ рукъ человѣка, въ плодѣ чрева его, въ плодѣ скота его, въ плодѣ земли его, словомъ: земныя радости—ставитъ въ прямую зависимость отъ его добродѣтели, отъ исполненія имъ велѣній Божіихъ (напр. XXVIII—XXX главы Второзак.; кн. Псалмовъ, Притчей, Премудр. Солом. и Премудр. Іисуса сына Сирахова), равно какъ и всѣ бѣдствія физическія, во внѣшней природѣ и въ сферѣ человѣческой жизни, ставитъ въ прямую зависимость отъ порока, отъ свободной нравственной порчи духовной человѣческой природы (тамъ же и III-я гл. кн. Бытія).

И Христосъ Спаситель, пришедшій исполнить законъ и возстановить въ падшихъ людяхъ силу къ его исполненію, когда Іоаннъ изъ темницы послалъ своихъ учениковъ спросить Его: „Ты ли тотъ, который долженъ прійти, или ожидать намъ другаго?“—какъ на признакъ наступленія Своего царства на землѣ и слѣдовательно—исполненія закона, указалъ имъ на то, что они слышатъ и видятъ, т. е. что бѣдствія изчезаютъ съ лица земли: *слѣпые прозрѣваютъ и хромые ходятъ, прокаженные очищаются и глухіе слышатъ, мертвые воскресаютъ и нищіе благовѣствуютъ* (Мтѳ. XI, 2—5). И Самъ, проповѣдуя Евангеліе царствія, по неоднократному замѣчанію евангелистовъ, исцѣлялъ всякую болѣзнь и всякую немощь въ людяхъ, слѣдовательно въ здоровьѣ тѣла находилъ необходимое проявленіе нравственной жизни на землѣ; воскрешалъ мертвыхъ, слѣдовательно земную жизнь считалъ великимъ благомъ человѣка; благословлялъ всякую земную радость, коль скоро она освящалась

чистою совѣстію: раздѣлялъ трапезу, на которую приглашали Его богатые, даже мытари; наслаждался отдыхомъ въ кругу сердечно преданныхъ Ему друзей въ Виѳаніи, въ бесѣдѣ съ Лазаремъ и его сестрами; претворялъ воду въ вино на бракѣ, слѣдовательно считалъ не недостойнымъ Своей Божественной святости содѣйствовать веселію и брачнаго пира. И всѣ разнообразныя призванія, въ которыхъ силы человѣка примѣняются къ труду въ мірѣ: сѣятель и пастырь овецъ, домохозяинъ и содержатель гостинницы, купецъ и мѣняла, врачъ и судія, царь и воинъ—составляютъ въ очахъ Спасителя столь достойныя человѣка блага, что Онъ видитъ въ нихъ символы проповѣданнаго Имъ царствія Божія.

Правда, Христосъ Спаситель въ ученіи и дѣлахъ Своихъ прежде всего и больше всего имѣлъ въ виду не внѣшнія блага, а душу человѣка, его добродѣтель: но зачѣмъ? Чтобы она могла проявляться въ земной жизни, и между прочимъ именно въ земныхъ благахъ, въ долголѣтней жизни и здоровьѣ тѣла, въ трудѣ, въ земномъ благоденствіи и въ распространеніи этого благоденствія по всему міру; вотъ почему, конечно, посылая Своихъ апостоловъ на проповѣдь, Онъ далъ имъ власть надъ всѣми бѣсноватыми и больными (Лук. IX, 1—2),—и признакомъ увѣровавшихъ въ Него поставилъ то, что они *именемъ Его будутъ изгонять бѣсовъ; будутъ говорить новыми языками; будутъ брать змѣй; и если что смертное выпьютъ, не повредитъ имъ; возложатъ руки на больныхъ, и они будутъ здоровы* (Марк. гл. XVI).

Внѣшнія блага, хотя и въ иномъ, намъ неизвѣстномъ и неудобомыслимомъ видѣ, по ученію Евангелія, будутъ сопутствовать внутреннимъ добродѣтелямъ вѣрующаго и въ будущей жизни. Воскресши Самъ, Господь не иначе будетъ судить насъ, какъ по соединеніи душъ нашихъ съ нашими хотя и измѣненными тѣлами, и не иную жизнь уготовалъ намъ, какъ жизнь *въ тѣлахъ* на *новой землѣ* съ *новымъ небомъ* (Апок. гл. XXI), и слѣдовательно *новыя*

земныя блага и весь *новый міръ* поставилъ необходимымъ выраженіемъ не только земнаго нравственнаго добра, но и вѣчно-блаженной жизни.

Божественное Откровеніе учитъ о томъ, что міръ во злѣ лежитъ, но не о томъ, что самъ міръ есть зло; зло въ мірѣ, по его ученію, есть ничто иное, *какъ похоть плоти, похоть очей* (порабощеніе чувственности—преступленіе перваго предписанія нравственнаго закона) и *гордость житейская* (1 Іоан. II, 16: эгоизмъ—преступленіе втораго предписанія того же закона). Поэтому оно заповѣдуетъ отвращаться нравственнаго зла (Римл. XII, 9), въ которомъ міръ лежитъ, но нигдѣ не заповѣдуетъ ненавидѣть самый міръ, безъ котораго невозможно и нравственное добро; заповѣдуетъ искоренять плевелы, которые врагъ посѣялъ въ полѣ, но не заповѣдуетъ истреблять самое поле (Матѳ. XIII, 30), безъ котораго не можетъ расти и пшеница. Словомъ, *зло*, съ точки зрѣнія отношенія между духовными и матеріальными потребностями человѣка, есть только *воля* его, *порабощенная слѣпою природою*, или *природа, поколику воля его порабощается*, однимъ словомъ: чувственность воли; равно и *добро* есть воля человѣка, пользующаяся природою, какъ выражается св. апостолъ, такъ, какъ бы не пользовалась (1 Кор. VII, 31), или есть самая эта *природа, земныя блага, міръ, поколику человѣкъ*, пользуясь ими, не порабощается, а *владѣетъ ими*, или однимъ словомъ: власть духа надъ природою. „Грѣхъ“, по ясному ученію и Православнаго исповѣданія, „есть“ ничто иное, какъ только „необузданная воля человѣка и діавола“ (Прав. Испов. ч. III, вопр. 16).

Правда, что далеко не вездѣ, гдѣ есть внѣшнее матеріальное благосостояніе, замѣчается и здравое нравственное развитіе. Мы сказали, что разсматриваемое само по себѣ, какъ выраженіе власти человѣка надъ матеріальною природою, оно есть всегда и нравственное благо. Но вѣдь мы не говоримъ, что все содержаніе нравственности исчерпывается однимъ только отношеніемъ человѣка къ мате-

ріальному міру. Безъ отношенія къ другимъ живымъ, личнымъ силамъ, конечно, невозможно развитіе и индивидуальной личности, какъ и Адамъ не могъ бы быть человѣкомъ, если бы Самъ Богъ не воспитывалъ его. Мы сейчасъ будемъ говорить о второмъ основномъ требованіи нравственнаго закона, возникающемъ изъ отношеній одного человѣка къ другимъ людямъ, но уже теперь можемъ сказать, что для того, чтобы сознательно быть чѣмъ нибудь для другихъ людей, надобно быть прежде всего чѣмъ нибудь для себя самого. И откровенный чрезъ Моисея законъ прежде, чѣмъ въ послѣднихъ 6-ти заповѣдяхъ говорить объ отношеніяхъ человѣка къ другимъ людямъ, въ 4-й, которую обыкновенно относятъ къ религіознымъ, повелѣваетъ: *шесть дней дѣлай*—трудись, только тогда ты будешь, какъ слѣдуетъ, и молиться, будешь человѣкомъ,—а въ дальнѣйшихъ постановленіяхъ своихъ обращаетъ вниманіе трудящагося не только на его родныхъ и близкихъ, но и на его поля, на его домъ, на его скотъ, на всю его землю, какъ на прекрасное дѣло рукъ Божіихъ. Власть надъ матеріальными силами, лежащая въ существѣ нашей нравственной силы самоопредѣленія, можетъ, конечно, вести къ эгоизму съ его противообщественными стремленіями, и мы видимъ, что не только въ древнемъ допотопномъ мірѣ въ лицѣ потомковъ Каина, но и въ древнемъ послѣпотопномъ западномъ мірѣ этотъ эгоизмъ, при значительномъ развитіи культуры, доходилъ до обоготворенія себя и до звѣрскаго отношенія къ другимъ личностямъ; но въ тоже время мы должны сознаться, что многое въ произведеніяхъ мысли и искусства древнихъ грековъ и римлянъ освящено и усвоено и христіанствомъ, и многое послужило къ развитію христіанской мысли и христіанскаго искусства. Во всякомъ случаѣ блага, возникающія изъ исполненія перваго основнаго требованія нравственнаго закона: внутреннія, какъ указанныя выше добродѣтели, и внѣшнія, какъ ихъ выраженія, разсматриваемыя сами по себѣ,—не могутъ не быть названы *нравственными* благами.

Итакъ, первое основное требованіе нравственнаго закона, согласное и съ волею Божіею, можетъ быть выражено такъ: „господствуй, какъ разумная власть, надъ всѣмъ непропзвольнымъ и матеріальнымъ, что входитъ въ сферу твоего самосознанія и самоопредѣленія, и пользуйся имъ, какъ орудіемъ для стяжанія твоихъ духовныхъ, нетлѣнныхъ благъ".

Но значеніе нашего духа, какъ господственной *власти*, тотчасъ прекращается, когда мы обращаемъ вниманіе на его отношеніе не къ себѣ самому или внѣшнему міру, а къ другимъ—такимъ же, какъ онъ, свободнымъ и разумнымъ силамъ и именно—людямъ. Здѣсь у каждаго изъ насъ, вѣроятно, является сама собою мысль о любви ко всѣмъ и особенно о милосердіи къ страждущимъ, какъ существенномъ содержаніи нравственности въ ея отношеніи къ ближнимъ съ христіанской точки зрѣнія. Любовь и милосердіе—священныя и великія слова,—не слова только, но и сила, низведшая Сына Божія съ неба и предавшая Его всѣмъ возможнымъ земнымъ страданіямъ за искупленіе нашихъ грѣховъ. Тѣмъ не менѣе, говоря о содержаніи нравственности, поколику оно проявляется въ отношеніи къ другимъ людямъ, я предпочитаю начать съ того, что̀ неотдѣлимо отъ любви и милосердія и что̀ вызвало и самую любовь на страданія,—я разумѣю правду, правосудіе, безъ котораго мы также не можемъ мыслить Святости Божіей, какъ и безъ любви. И изъ устъ самого Спасителя, такъ несказанно любящаго родъ человѣческій, мы слышимъ не разъ горе: горе и отдѣльнымъ лицамъ, и цѣлымъ городамъ. Нѣкогда и изъ устъ Отца Небеснаго, по словамъ той же Любви, услышатся эти ужасныя слова: *идите отъ Меня проклятые въ огонь вѣчный*. Какъ примиряются въ существѣ Божіемъ эти свойства по отношенію къ Его разумному созданію, на это мы имѣемъ отвѣтъ единственно въ сознаніи своей свободы въ отношеніи къ добру и злу; отъ насъ самихъ, при помощи преизобильно дарованныхъ отъ Бога

средствъ, зависитъ та или другая участь; потому только мы обладаемъ самосознаніемъ, и свободою, и нравственнымъ чувствомъ, потому только мы и люди и христіане, что сами управляемъ своею временною и вѣчною судьбою. Оставляя догматической наукѣ этотъ вопросъ о Богѣ, мы видимъ, что и заповѣди какъ Самого Спасителя, такъ и Его учениковъ, не всегда говорятъ о любви только.

Спаситель, говорившій, что первая большая заповѣдь есть любовь къ Богу, вторая подобная ей—любовь къ ближнему, и что въ этихъ двухъ заповѣдяхъ заключаются весь законъ и пророки, прибавлялъ: любовь къ ближнему, *какъ къ себѣ самому*; слѣдовательно оцѣнку себя самого, свое внутреннее достоинство или недостоинство установилъ для человѣка мѣрою отношеній его и къ ближнему. Болѣе того: не одинъ разъ Онъ существенное содержаніе нравственнаго закона по отношенію ко всякому человѣку выражалъ и въ такихъ словахъ: „во всемъ, какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, и вы поступайте съ ними: *ибо въ этомъ законъ и пророки*“ (Матѳ. VII, 12; Лук. VI, 31). Св. апостолы были вѣрны своему Учителю и въ этомъ ученіи: тогда какъ изъ устъ одного изъ нихъ мы слышимъ: *весь законъ заключается въ одномъ словѣ: люби ближняго твоего, какъ самого себя* (Галат. V, 14), опять съ добавленіемъ: какъ самого себя,—*цѣлый соборъ первенствующей церкви со всѣми апостолами во главѣ* дастъ новообращеннымъ изъ язычниковъ христіанамъ основное правило поведенія въ отношеніи ближнихъ, которое также указываетъ не на любовь, а на справедливость: *не дѣлай другимъ того, чего себѣ не желаешь* (Дѣян. XV, 20). Все это только оправдываетъ совершенно естественную мысль, что истинное милосердіе, любовь не могутъ быть слѣпыми, безотчетными, неразумными; чтобы миловать, или *любить нравственно* нужно сознавать: что́ любить въ ближнемъ, а главное: *какъ, какъ* любить и миловать его? Слѣпая любовь, даже материнская къ своему ребенку, можетъ безвозвратно

погубить его, сдѣлать изъ него куклу, орудіе прихотей матери, тѣмъ болѣе для нея дорогое, чѣмъ сильнѣе ея инстинктивная привязанность къ своему дѣтищу.

Только тамъ, гдѣ развито чувство самоуваженія вслѣдствіе сознанія своей личности, какъ духа, какъ разумной власти надъ всѣмъ матеріальнымъ, какъ существа, обладающаго чувствомъ долга своего развитія въ этой сферѣ, и слѣдовательно своихъ неотъемлемыхъ правъ на это развитіе и на ея условія, только тамъ мыслимо и разумное отношеніе къ другимъ личностямъ, къ ихъ обязанностямъ и правамъ,—и это отношеніе къ ближнимъ выразится прежде всего въ нравственныхъ требованіяхъ *права и справедливости* по отношенію къ ближнимъ. Я разумѣю подъ потребностью *права* потребность порядка, организаціи общественной жизни, разграниченія сферы для дѣятельности каждаго и слѣдовательно ограниченія *внѣшней* свободы каждаго въ пользу общаго благосостоянія; а подъ потребностію *справедливости*—потребность оцѣнки каждаго и воздапія ему по его личнымъ заслугамъ, и возстановленія правъ его въ случаѣ ихъ нарушенія.

Что эти потребности и ихъ удовлетвореніе имѣютъ нравственный характеръ, это видно помимо всякаго положительнаго законодательства въ юридическомъ смыслѣ. Порядокъ жизни въ любомъ, сколько нибудь нравственно развитомъ семействѣ, гдѣ и дитя имѣетъ свое мѣсто за столомъ и свои, ему только принадлежащія, вещи, и старшіе члены семьи имѣютъ свои права и обязанности какъ по отношенію другъ къ другу, такъ и относительно младшихъ; общественные неписанные нравы и обычаи въ отношеніи къ общественной организаціи, которымъ вездѣ подчиняются какъ племена, не имѣющія никакихъ писанныхъ законовъ, такъ и болѣе цивилизованные народы; чувства негодованія, невольно возникающія при нарушеніи общественнаго порядка, и довольства и спокойствія—при возстановленіи его независимо отъ личныхъ выгодъ или опас-

ностей; потребность воздать услугою за услугу и признаніе неблагодарности—чернымъ порокомъ; невольное одобреніе правдивости и безпристрастія, и порицаніе фальши и лицепріятія въ частныхъ сужденіяхъ, равно какъ и въ общественныхъ—судѣ и расправѣ; чувство негодованія при видѣ безнаказанности злодѣевъ и—наказанія невинныхъ; существованіе внѣшнихъ общественныхъ отличій, какъ выраженіе уваженія къ заслуживающимъ того, и мести и наказанія преступниковъ въ наименѣе развитыхъ народахъ, — все это и тому подобное — ясно понятный знакъ удовлетворенія или неудовлетворенія потребности права и справедливости, однимъ словомъ—правды.

Поэтому-то я не могу никоимъ образомъ понять, какъ возможно гражданское законодательство безъ нравственной основы и не могу не раздѣлять убѣжденія тѣхъ юристовъ, которые въ положительномъ правѣ христіанскихъ государствъ видятъ, какъ мнѣ кажется, только выраженіе разумно понятой нравственной потребности, и на самое государство смотрятъ какъ на *нравственное учрежденіе*, имѣющее не матеріальную только, а прежде всего *нравственную цѣль*,—именно: *всестороннее развитіе индивидуально-общественныхъ силъ*. „*Какъ въ физическомъ организмѣ человѣка*“, говоритъ напр. одинъ изъ такихъ уважаемыхъ въ наукѣ юристовъ, „*нервная система есть органическая связь, соединяющая всѣ его части между собою и съ цѣлымъ и служащая посредникомъ ихъ взаимодѣйствія, такъ и въ практической жизни отдѣльныхъ личностей и всего общества право совершаетъ подобное органическо-нравственное отправленіе*, требуя, чтобы для каждой части (общества), для каждой области со всѣхъ сторонъ установлены были условія, отъ которыхъ зависитъ достиженіе разумныхъ цѣлей (всестороннее развитіе индивидуально-общественныхъ силъ). Установляя каждую часть, какъ цѣлое, право восполняетъ недостатки, присущіе ей, какъ части, услугами, которыя для

него должны быть со всѣхъ сторонъ совершаемы въ органическомъ цѣломъ“ [1]). Если положительное право юридическою наукою сравнивается съ *нервною системою общественнаго организма*, то нравственную потребность права и справедливости я не могу не сравнить съ *силою, дѣйствующею въ этихъ нервахъ*. Насколько эта сила развита и проникла въ нервы, насколько при ея движеніи они приходятъ въ сотрясеніе, т. е. насколько возбуждено нравственное чувство, сознается нравственный законъ, окрѣпла свобода въ его осуществленіи въ гражданскомъ обществѣ, настолько развивается и осуществляется въ немъ и положительное право. Вотъ почему и съ нравственной точки зрѣнія не подлежитъ сомнѣнію положеніе юридической науки, что *все, что предписывается и запрещается правомъ, въ тоже время требуется и запрещается нравственностію* [2]). Остаются нѣкоторые нервы внѣ вліянія этой силы, или не развились настолько, чтобы обнаруживать въ себѣ ея вліяніе, т. е. недостаточно развиты нравственное чувство, сознаніе нравственнаго закона, и сила къ его осуществленію; въ такомъ случаѣ недостаточно развито и положительное право,—содержаніе нравственной потребности не находитъ своего полнаго выраженія въ положительномъ правѣ: вотъ почему неоспоримо и другое, обратное, положеніе юридической науки, что *не все то, что предписывается или запрещается нравственностію, предписывается или запрещается правомъ* [3]). Это не то значитъ, что право дозволяетъ что либо не нравственное, а только или то, что развитіе положительнаго законодательства не соотвѣтствуетъ нравственному развитію общества, или то, что не нравственное терпится, допускается положительнымъ правомъ по нравственной грубости чле-

---

[1]) Naturrecht oder Philosophie des Rechtes und des Staates v. Heinrich Ahrens 6-te Ausgabe. Wien. 1870. B. 1. S. 273—274.

[2]) S. 312.

[3]) Ibidem.

новъ общества, какъ самъ Богъ терпитъ, попускаетъ зло въ людяхъ.

Положительное законодательство, по моему крайнему разумѣнію, есть ничто иное, какъ выраженіе нравственнаго закона въ отношеніи къ другимъ людямъ; отдѣлять первое отъ послѣдняго значитъ отдѣлять букву отъ ея смысла, жизнь отъ ея силы.

Что *принужденіе не есть* характеристическій признакъ положительнаго права, будто бы *существенно* отличающій его отъ нравственности, въ доказательство этого достаточно указать на то одно, что безъ развитія чувства законности осуществленіе закона не мыслимо, онъ останется на всегда мертвою буквою,—а это чувство и есть чувство долга, неотдѣлимаго отъ нравственнаго закона, по отношенію къ ближнимъ; гдѣ же оно развито, тамъ законъ исполняется *охотно, добровольно; а это и составляетъ нормальное отношеніе человѣка, какъ гражданина, къ положительному праву*, какъ точному изъясненію собственной нравственной потребности человѣка въ примѣненіи къ условіямъ общественной жизни. Слово Божіе знаетъ хорошо нравственную природу человѣка, когда заповѣдуетъ ему повиноваться власти не по страху принужденія, а *по совѣсти*.

Положительное право не имѣетъ въ виду и иныхъ цѣлей, кромѣ нравственныхъ, когда стремится къ всестороннему развитію гражданскаго общества чрезъ удовлетвореніе всѣхъ его потребностей; поэтому-то между всѣми союзами, которые оно для этой цѣли организуетъ: учеными, учебными, для развитія изящныхъ искуствъ, для искуствъ полезныхъ, промышленности, торговли, для воспитанія,—*мы напрасно стали бы искать спеціальныхъ обществъ для нравственныхъ цѣлей;* оно не можетъ ихъ знать и не знаетъ *не потому, что оно чуждо нравственности, а потому, что оно само и всякое общество, основанное на немъ, есть выраженіе нравственной потребности въ условіяхъ общественнаго быта;* внѣ науки, искуствъ изящныхъ и полезныхъ, внѣ семейныхъ, на-

родныхъ и международныхъ отношеній, словомъ внѣ отношеній духа къ тѣлу и внѣшней природѣ, какъ власти надъ ними, и внѣ общественныхъ союзовъ, выражающихъ отношенія между личностями, нравственная потребность не можетъ ни проявляться, ни развиваться. Даже *религіозныя* общества не могутъ считаться *спеціально*-нравственными, потому что союзъ между Богомъ и человѣкомъ есть только одинъ, хотя и важнѣйшій, изъ многихъ союзовъ, въ которыхъ выражается нравственная природа человѣка; и высшій плодъ этого союза—духовное обновленіе человѣка можетъ выражаться опять только въ двухъ его отношеніяхъ: въ отношеніи къ матеріальному міру и къ другимъ личностямъ.

Все это не значитъ однако же, чтобы право и справедливость могли когда либо исчерпать содержаніе нравственнаго закона по отношенію къ другимъ людямъ. Какъ въ основаніи власти человѣка надъ всѣмъ матеріальнымъ лежитъ *природа духа*, какъ силы самосознанія и самоопредѣленія, по существу своему безконечно *превышающей все матеріальное*, такъ и *въ основаніи* невольнаго, естественнаго требованія права и справедливости въ отношеніи къ ближнему *лежитъ тождество сущности духовно-тѣлесной природы во всѣхъ людяхъ безъ изъятія*, инстинктивно выражающееся при видѣ напр. страданія другаго, которому помочь не видится никакихъ средствъ, или при видѣ внезапной опасности, какой подвергается жизнь ближняго. Что мы способны по внѣшнему проявленію страданій человѣка не только воображать въ себѣ страданія его, но и *дѣйствительно страдать* его страданіями съ полнымъ сознаніемъ, что мы *страдаемъ изъ-за страданій другаго*, и что,—далѣе,—видя опасность, угрожающую жизни ближняго, мы испытываемъ невольный порывъ спасти его отъ этой опасности съ полнымъ притомъ сознаніемъ, что, спасая другаго, мы подвергаемъ еще большей опасности собственную жизнь со всѣми ея благами,—и что, противясь этому порыву по своекорыстнымъ расчетамъ, мы

испытываемъ чувство стыда предъ собою и внутренняго мученія,— это фактъ человѣческаго самонаблюденія. Чувство презрѣнія къ эгоистамъ, равнодушно отворачивающимся отъ нуждъ ближняго, которыя они, хотя и не обязаны, однако могли бы, но не хотятъ облегчить, — или жертвующимъ благами ближняго, благами цѣлыхъ обществъ своекорыстнымъ цѣлямъ; глубокое, вѣками не изглаживаемое благоговѣніе къ памяти благодѣтелей страждущаго человѣчества, безкорыстно посвящавшихъ свои силы благу другихъ людей; всеобщее убѣжденіе, что человѣкъ жестокій, неспособный сочувствовать ни радости, ни скорби ближняго, не имѣетъ человѣческаго сердца, есть звѣрь, а не человѣкъ, — всѣ эти духовныя явленія достаточно свидѣтельствуютъ, что въ духовной природѣ человѣка есть живая потребность: *блага и страданія ближняго усвоять себѣ, отождествлять съ собственными благами и страданіями,—его жизнію, его скорбями и радостями восполнять собственную жизнь, собственныя скорби и радости,* однимъ словомъ—*жить жизнію общею съ другими людьми,* или: *любить ближняго, какъ самого себя.*

Эта-то любовь не сама по себѣ, какъ безотчетное сочувствіе ближнему, не какъ слѣпая привязанность къ нему, способная сдѣлать изъ него вещь, орудіе своихъ прихотей съ попраніемъ всѣхъ его правъ, но какъ просвѣщенное сознаніемъ права и справедливости, какъ *сознательное настроеніе къ общенію съ ближнимъ, какъ съ нравственно-равноправною личностью, и къ удовлетворенію всѣхъ духовно-тѣлесныхъ нуждъ его,—и есть тотъ высшій нравственный мотивъ,* который заставляетъ умъ и волю человѣческую искать и устанавливать *формы гражданской жизни,* въ которыхъ бы благо отдѣльнаго человѣка было приведено въ гармонію съ благомъ всѣхъ другихъ; гдѣ же формы гражданской жизни оказываются недостаточными для этой цѣли, тамъ этотъ мотивъ заставляетъ нравственно болѣе развитыхъ и энергичныхъ личностей изобрѣ-

тать тѣ разнообразныя *юридически необязательныя* ни для кого, но всѣми одобряемыя *формы общественой и частной* жизни и дѣятельности и особенно благотворительности, которыя составляютъ наилучшее, благороднѣйшее украшеніе всякаго государства.

Эта-то любовь, т. е. просвѣщенная сознаніемъ правды, составляетъ, должна была бы составлять душу всякаго христіанскаго государства и создавать формы общежитія; и такъ какъ она въ отдѣльныхъ личностяхъ обращается въ такой огонь, который тѣмъ сильнѣе горитъ, чѣмъ больше онъ питается, — то, конечно, иногда и самыя разумныя общественныя формы не удовлетворяютъ этой любви. Охватываетъ эта не мечтательная, а дѣйствительная любовь всѣхъ или большинство членовъ государства, своимъ законодательствомъ не удовлетворяющаго ея влеченіямъ, — тогда естественно совершается обновленіе и самаго законодательства. Но едва ли не гораздо чаще въ исторіи бываетъ совершенно наоборотъ. Бываетъ напр., что Господь благословляетъ народъ, всегда сравнительно мало просвѣщенный, такими носителями власти, которые понимаютъ и любятъ его благо больше, чѣмъ самъ онъ понимаетъ и любитъ свое благо, и дарятъ своихъ подданныхъ благодѣтельнѣйшими учрежденіями, въ которыхъ однако подданные долго не видятъ сравнительно лучшихъ условій своего процвѣтанія и благоденствія. Въ такихъ случаяхъ оказывается, что подъ одеждою-то суроваго права и скрывается, въ христіанскомъ государствѣ, та разумная любовь, которой не достаетъ въ массахъ подданныхъ. Во всякомъ же случаѣ мы, какъ христіане, не можемъ забывать, что никто не рождается и не можетъ родиться въ міръ *безъ наклонности больше ко злу, чѣмъ къ добру*, и что никто не достигаетъ и не можетъ достигнуть истиннаго союза со Христомъ и слѣдовательно христіанской зрѣлости на землѣ иначе, какъ пройдя подъ извѣстнымъ домашнимъ, школьнымъ или общественнымъ, болѣе или менѣе благимъ или суровымъ, *игомъ закона:* безъ этого руководи-

теля или пѣстуна ко Христу невозможно придти къ Нему ни для кого, какъ это невозможно было и для св. апостола Павла. Потому-то мы смѣло и утверждаемъ, что христіанская церковь на землѣ не мыслима безъ *христіанскаго же*, не спеціально для духовенства только, а для всѣхъ христіанъ-гражданъ назначеннаго, именно *гражданскаго* законодательства.

Требованія *разумной любви* въ христіанскомъ государствѣ суть *идеалъ, надъ осуществленіемъ котораго призвано работать христіанское право;* если бы этотъ идеалъ когда нибудь могъ быть осуществленъ, право и любовь, какъ форма и идея, составляли бы одно прекрасное цѣлое, какъ они составляютъ одну нераздѣльную нравственную природу человѣка въ отношеніи къ другимъ людямъ и какъ они составляютъ нравственную природу самаго Божества, явившаго въ отношеніи къ роду человѣческому Свою правду въ самопожертвованіи любви и любовь въ исполненіи всякой правды.

А отсюда и второе требованіе нравственнаго закона могло бы быть выражено напр. въ такой формулѣ: „соединяйте вмѣстѣ ваши силы и раздѣляйте между собою труды и радости всесторонняго духовнаго развитія чрезъ обладаніе и пользованіе природою въ такихъ формахъ общежитія, которыя соотвѣтствуютъ какъ тождеству сущности вашей духовно-тѣлесной природы, такъ и индивидуальнымъ особенностямъ каждаго изъ васъ; короче: любите другъ друга и въ вашей любви прежде всего воздавайте каждому должное“.

Просвѣщенное общество едва ли нуждается въ доказательствахъ того, что и по ученію Священнаго Писанія наша любовь къ ближнему должна быть управляема правдою, корениться не въ слѣпой симпатіи, которая иногда быстро превращается въ антипатію, а въ разумномъ христіанскомъ убѣжденіи, что весь родъ человѣческій произошелъ, какъ говоритъ св. апостолъ Павелъ, отъ *одной крови*,

и однакоже раздѣленъ по различнымъ предѣламъ земли для обитанія; что мы всѣ какъ по тѣлу составляемъ одинъ организмъ, разросшійся изъ одной земной персти, такъ и по духу — *одну сотворенную сущность*, какъ бы, по выраженію одного великаго отца Церкви, *изъ одного первоначальнаго съмени*, т. е. дуновенія Божія въ перстный составъ Адама, *удъляемую многимъ*, однакоже эта сущность доходитъ до своего самосознанія только въ индивидуумѣ, и нравственно окачествованная сообразно съ ей только свойственными особенностями становится отдѣльною, во вѣки неразрушимою и несливаемою ни съ какою другою, *личною силою, личнымъ духомъ*. Вотъ гдѣ основа истинной любви и правды! Ева отъ ребра Адама; сущность въ обоихъ одна, но индивидуальныя особенности различны; согласно съ этимъ и ихъ общественный союзъ есть союзъ нравственно-равныхъ, но съ различными обязанностями; оба они вмѣстѣ получили право владѣть и пользоваться землею, но одна въ качествѣ помощницы, а другой въ качествѣ главнаго дѣятеля и руководителя. Всѣ мы, и въ христіанствѣ, составляемъ одно тѣло и имѣемъ одну Главу, но каждый изъ насъ составляетъ особый органъ этого тѣла; всѣ имѣемъ таланты и дары одного Духа, но каждый сообразно съ его нравственными особенностями и положеніемъ въ обществѣ имѣетъ свой даръ, свой талантъ; поэтому какое бы кто изъ насъ не занималъ мѣсто въ христіанскомъ обществѣ, всѣ мы, стремясь къ общему благу, при сознаніи равенства въ нравственномъ отношеніи, призваны воздавать каждому должное, и повиноваться всякой законной власти не по страху гражданскихъ каръ, а по совѣсти—по требованію нравственнаго закона.

Намъ остается указать на то, что какъ исполненіемъ перваго требованія нравственнаго закона въ насъ созидаются нравственныя блага или добродѣтели, которыя потомъ и выражаются въ жизни, и которыя, чтобы не назвать ихъ по примѣру англійскихъ моралистовъ эгоистическими, гораздо точнѣе, кажется, можно назвать

аскетическими, — такъ и исполненіемъ втораго не только созидаются соціальныя или общежительныя внутреннія и внѣшнія блага, но и тѣмъ аскетическимъ дается высшее побужденіе и новая сила и достоинство.

Знаніе законовъ природы и эстетическое развитіе обогащаются знаніемъ законовъ духа человѣческаго въ его исторіи и настоящихъ судьбахъ человѣчества (классицизмъ и реализмъ); труду и мужеству указываются высшія цѣли и мотивы въ общемъ благѣ ближнихъ, отечества, даже всего человѣчества; воздержаніе получаетъ новый видъ—цѣломудрія въ отношеніи къ ближнимъ другаго пола; самоуваженіе усиливается чувствомъ чести въ глазахъ другихъ людей и распространяется на уваженіе къ нравственному значенію и чести ближняго. Любовь же и правда ко всему этому вносятъ во взаимныя отношенія людей между собою съ одной стороны: искренность, правдивость, безпристрастіе, съ другой: благожелательность, которая, смотря по положенію ближняго и по его отношенію въ кругу другихъ людей, получаетъ характеръ состраданія и сорадованія, благотворительности и благодарности, дружелюбія или привязанности, преданности и великодушія.

Внѣшнимъ же выраженіемъ этого неувядаемаго вѣнка духовныхъ расположеній, коль скоро они обратились въ болѣе или менѣе постоянныя качества—добродѣтели человѣка, служатъ тѣ многообразныя общества или союзы людей между собою, въ которыхъ группируются между собою члены одного и того же рода, племени, или члены одной и той же націи, или даже и цѣлыя націи между собою, и которыя, смотря потому, что̀ въ нихъ преобладаетъ, что̀ выдвигается на первый планъ: правда или любовь,—носятъ на себѣ характеръ преимущественно или внѣшней законности или сердечной интимности; представителемъ послѣдняго рода союзовъ служитъ супружескій союзъ,— этотъ образъ союза Христа съ Церковію, а вмѣстѣ и первый источникъ всѣхъ, преимущественно

же общежительныхъ добродѣтелей; представителемъ перваго рода союзовъ—союзъ государственный; средину между ними занимаютъ тѣ многообразныя общества, которыя имѣютъ цѣлію или преимущественно духовное развитіе человѣка, къ которымъ относится и наше Общество Любителей Духовнаго Просвѣщенія, или преимущественно матеріальное благосостояніе. Но во всѣхъ ихъ при преобладаніи одного изъ общежительныхъ элементовъ отнюдь не мыслимо полное отсутствіе другаго, какъ при сердцѣ не мыслимо полное отсутствіе ума и какъ при тождествѣ сущности духовной природы всѣхъ людей немыслимо отсутствіе индивидуальныхъ особенностей въ каждомъ изъ нихъ. Относительное достоинство каждаго изъ этихъ союзовъ опредѣляется такимъ образомъ относительнымъ развитіемъ и выраженіемъ въ нихъ либо правды, т. е. взаимнаго уваженія въ нихъ правъ каждой личности, либо любви, т. е. общенія между членами этихъ союзовъ тѣми личными особенностями и преимуществами, которыми они, не нарушая личныхъ правъ, взаимно восполняютъ другъ друга.

Итакъ быть нравственнымъ (въ смыслѣ—*нравственно-добрымъ*) значитъ—съ формальной стороны—быть сознательною силою самоопредѣленія, въ себѣ самой носящею законъ своей дѣятельности и сознаніе ея согласія съ этимъ закономъ; съ реальной: быть разумною властію по отношенію ко всему безличному или матеріальному, и любовію и справедливостію по отношенію ко всѣмъ другимъ личностямъ, и обладать соотвѣтственными внутренними и внѣшними, аскетическими и общежительными, нравственными благами; съ той же и другой стороны вмѣстѣ значитъ: *уже здѣсь на землѣ начать жить истинно-духовною или вѣчною жизнію.*

Чтеніе третіе:

Черты человѣческой нравственности въ Лицѣ Богочеловѣка Христа Спасителя.

Изъ предложеннаго въ первыхъ двухъ чтеніяхъ отвѣта на вопросъ: что значитъ быть нравственнымъ,—какъ ни кратокъ и какъ поэтому ни мало раскрытъ въ подробностяхъ этотъ отвѣтъ,—можно однакоже усмотрѣть, что нравственно-добрый человѣкъ *приготовленъ*, какъ выражается св. Апостолъ (2 Тим. III, 17), *ко всякому доброму дѣлу*; какому бы призванію на землѣ ни посвятилъ себя, всякимъ онъ воспользуется только какъ желаннымъ средствомъ для своего духовнаго совершенствованія; къ какому бы союзу или обществу ни принадлежалъ, всюду внесетъ онъ разумный строй и теплоту любви; качества его духа или добродѣтели, составляя для него самого неизсякаемый и неотъемлемый источникъ внутренняго довольства, всюду будутъ распространять и матеріальное благосостояніе, насколько это послѣднее зависитъ отъ усилій отдѣльнаго человѣка.

Вся сила теперь только въ томъ, чтобы нравственная природа человѣка находилась въ нормальномъ состояніи, т. е. чтобы, во первыхъ, движенія нравственнаго *чувства*, а съ нимъ и безсознательнаго *влеченія* къ добру, были чисты и энергичны; если это дано, то и *сознаніе* добра и зла, т. е. того, какія дѣйствія и качества нравственны и какія безнравственны, будетъ ясно въ насъ и мы не смѣшаемъ одного съ другимъ; во вторыхъ, чтобы наше *я* дѣй-

ствительно обладало одинаковою свободою не только ко злу, но *и къ добру*.

А этотъ вопросъ: обладаетъ ли человѣкъ, помимо чрезвычайнаго божественнаго воздѣйствія на него, чистотою нравственнаго чувства и сознанія, и дѣйствительною свободою къ добру, — и если не обладаетъ, то какъ совершается въ немъ обновленіе этихъ силъ,— этотъ вопросъ, говоримъ, касается уже *сущности христіанской религіи съ нравственной точки зрѣнія*.

Въ первомъ чтеніи было упомянуто, что сила и значеніе христіанства, смотрѣть ли на него какъ на церковь, какъ на начало новой культуры въ той или другой ея сферѣ, даже какъ на государство, насколько послѣднее одушевлено христіанскими началами,— что сила и значеніе всѣхъ этихъ обнаруженій христіанства зависитъ собственно отъ силы и значенія христіанства какъ религіи, какъ возстановленнаго союза между Богомъ въ Лицѣ Христа Спасителя и отдѣльнымъ человѣкомъ. Теперь же должно сказать, что сила и значеніе самой христіанской религіи или возстановленія союза между Богомъ и отдѣльнымъ человѣкомъ сосредоточивается, съ нравственной точки зрѣнія, какъ въ очищеніи нравственнаго чувства, слѣдовательно и въ обновленіи нравственнаго сознанія, такъ и въ возстановленіи свободы, какъ энергіи или силы, одинаково способной не только ко злу, но *и къ добру*. Только получивъ возможность какъ правильно чувствовать и слѣдовательно сознавать, что есть добро или зло, такъ и самодѣятельно осуществлять то или другое, человѣкъ дѣлается способнымъ самодѣятельно поставить себя въ такое или другое отношеніе и къ Богу въ Лицѣ Іисуса Христа.

Изъ сказаннаго вы изволите, мм. гг., отчасти усмотрѣть, что приступая къ отвѣту, что значитъ быть христіанином, я преимущественно имѣю въ виду объяснить не то, *что̀ долженъ дѣлать христіанинъ* въ жизни своей,—это мы уже видѣли, когда разсматривали признаки и содержаніе нравственности, и сейчасъ снова увидимъ, что таже

нравственность выражена и жизнію самого Христа Спасителя; нѣтъ, я желалъ бы главнымъ образомъ объяснить, *что значитъ съ нравственной точки зрѣнія сдѣлаться христіаниномъ?* Какъ *возможна* въ немъ та нравственность или то добро, какое явлено въ Лицѣ Іисуса Христа?

Говоря это, я уже предполагаю какъ всѣмъ извѣстный догматъ христіанскаго вѣроученія: паденіе первыхъ людей въ глубину зла или самоопредѣленіе ихъ въ пользу чувственности и эгоизма, и наслѣдственность наклонностей къ этому злу во всякомъ, рождаемомъ на свѣтъ, человѣкѣ. Не входя въ подробности этого ученія, постараюсь пояснить нѣсколькими словами значеніе паденія Адамова и нравственнаго состоянія язычника и іудея внѣ сознательнаго отношенія ихъ къ Лицу Искупителя міра, чтобы перейти затѣмъ къ очертанію человѣческой нравственности въ Лицѣ Іисуса Христа.

Вниманіе наше было уже обращено на то, что свобода или наше я всякимъ актомъ въ пользу добра или зла себя само ограничиваетъ, т. е. воплощаясь либо въ добрѣ, либо во злѣ, оно создаетъ себѣ качество, которое дѣлаетъ менѣе возможнымъ противоположное ему; потому что само становится неотъемлемою нашею собственностію, входитъ какъ элементъ въ составъ, какъ я выражался, духовнаго нашего организма. Это вполнѣ естественно. Если всякое, даже незамѣчаемое нами, раздраженіе внѣшнихъ чувствъ непремѣнно такъ или иначе касается нашего душевнаго строя и вліяетъ на него; то слѣдъ сознательнаго и свободнаго акта въ пользу добра или зла, въ виду нравственнаго закона и подъ вліяніемъ нравственнаго чувства, не можетъ не врѣзаться, такъ сказать, въ самое существо нашего духа и не составить язвы, надъ которой онъ больше не властенъ. Осуществляя себя въ одномъ изъ двухъ противоположныхъ направленій, онъ перестаетъ уже быть одинаково способнымъ къ обоимъ; зло настолько овладѣваетъ свободою и ограничиваетъ ея энергію къ добру, насколько она уже воплотилась въ зломъ качествѣ. Но этого

мало: вмѣстѣ со грѣхомъ (въ данномъ случаѣ все равно, разсматривать ли зло, какъ преступленіе положительной заповѣди Божіей, или какъ дѣйствіе вопреки указанію нравственнаго чувства) чистота и пріятность движеній самаго нравственнаго чувства, предназначеннаго только для блаженства человѣка, замѣняется движеніями въ немъ *стыда* предъ самимъ собою и *страха* предъ неизбѣжными послѣдствіями зла, однажды навсегда соединенными съ нимъ. А съ измѣненіемъ характера движеній нравственнаго чувства не могутъ не омрачиться и нравственное сознаніе и вообще умъ человѣка, теперь уже заинтересованнаго во злѣ, какъ своемъ собственномъ достояніи. Невольная попытка согрѣшившихъ прародителей скрыться отъ Бога — всевидящаго и вездѣсущаго, и актъ собственнаго преступленія приписать не своей, а сторонней волѣ, попытка и сама по себѣ неразумная и преступная, отнюдь уже не казалась такою предъ омраченнымъ чувствомъ и сознаніемъ падшихъ прародителей въ раю!

Слово Божіе не открываетъ, насколько успѣли укрѣпиться въ добрѣ наши прародители до ихъ паденія. Но оно ясно учитъ, что паденіе ихъ во всякомъ случаѣ было глубокое. Если для нихъ оказались неизбѣжными изнурительные труды, болѣзни, самая смерть, то значитъ чувственность, съ ея ненасытностію, пустила глубокіе корни въ природѣ прародителей; и если жена, вмѣсто помощницы мужу, оказалась рабою его, а мужъ вмѣсто того, чтобы быть другомъ и руководителемъ своей жены, сдѣлался господиномъ надъ нею, то значитъ и эгоизмъ затмилъ въ ихъ сознаніи равенство ихъ богоподобнаго нравственнаго достоинства!

Дѣти, рожденныя отъ прародителей, не могли уже не наслѣдовать нравственныхъ предрасположеній отца и матери; ибо отъ одной сущности, или какъ мы раньше сказали, отъ „одного духовнаго сѣмени“, также какъ и отъ одной и той же персти, происходитъ весь родъ человѣческій. Зло, т. е. чувственность и эго-

измъ, какъ два направленія воли, прямо противоположныя двумъ основнымъ требованіямъ нравственнаго закона, и до потопа и послѣ него, разросталось быстро вмѣстѣ съ умноженіемъ человѣческаго рода. Обезсиленная въ человѣкѣ и омраченная врожденная нравственная потребность, правда, не давала ему покоя, но за то *никогда и не могла превозмочь въ немъ надъ зломъ*; онъ искалъ идеаловъ, олицетворялъ ихъ и поклонялся имъ, какъ божеству, но выражалъ въ нихъ большею частію свое превратное пониманіе добра и зла и свою нравственно-испорченную фантазію.

Назначенный къ царственной, разумной власти надъ всѣмъ матеріальнымъ, человѣкъ, по паденіи своемъ, въ однихъ, напменѣе развитыхъ племенахъ, совсѣмъ повидимому, утратилъ понятіе о своей духовной природѣ и преклонился предъ неразумными силами внѣшняго міра: то предъ произведеніями земли, то предъ свѣтилами и явленіями небесными; въ другихъ, болѣе развитыхъ странахъ, различилъ ясно добро и зло: но какъ понялъ ихъ? Не какъ внутренній актъ нравственно-творческой силы или свободы человѣка, сознаніе которой въ немъ изсякло, а какъ внѣшнія человѣку силы: благотворную и враждебную, — олицетворенныя въ двухъ божествахъ, и какъ борьбу этихъ божествъ и въ видимомъ мірѣ и въ самомъ человѣкѣ, который самъ оказывался такимъ образомъ только пассивною ареною этой борьбы. Въ третьихъ, еще болѣе образованныхъ народахъ, падшій человѣкъ наряду съ добрыми качествами олицетворялъ въ образахъ фантазіи и боготворилъ и самыя постыдныя страсти. Въ четвертыхъ, подъ вліяніемъ безъисходной и безсознательной тоски отъ порабощенія злу, понялъ самое сознаніе существованія своего какъ зло, и вступилъ въ отчаянную борьбу съ своимъ тѣломъ, внѣшнимъ міромъ и собственнымъ самосознаніемъ, и все это затѣмъ, чтобы въ концѣ концовъ погрузиться въ какую-то отвлеченную сущность, которая есть въ тоже время всепожирающее ничто. Добродѣтельнѣйшіе изъ образованныхъ людей до-

христіанскаго запада, каковы были стоики, въ своемъ нравственномъ міровоззрѣніи не могли подняться выше *слѣпой судьбы*, пустаго звука, ровно ничего не выражающаго. Идеальнѣйшіе мыслители языческой Греціи, каковъ Платонъ, не могли представить себѣ источника зла иначе, какъ въ формѣ матеріи, притомъ независимой отъ Божественнаго Разума, который оказывался такимъ образомъ самъ въ извѣстной степени зависимымъ отъ вещества.

Гдѣ нѣтъ чистоты нравственнаго чувства и влеченія, гдѣ свобода сама порабощена, тамъ не возможно живое сознаніе ни добра, ни духовной сущности природы человѣка, ни всемогущаго, творческаго, личнаго Духа, или: истиннаго Бога.

Назначенный для счастія семейной и общественной жизни по требованіямъ любви, управляемой правдою, или правды, одушевляемой любовію, человѣкъ, поработившійся эгоизму и чувственности, выработалъ и излюбилъ такія формы общежитія, въ которыхъ и помину нѣтъ о нравственномъ тождествѣ духовной природы всего человѣчества: народы раздѣлились по расамъ, изъ которыхъ ни одна не хотѣла въ другой признать равную себѣ по природѣ; одинъ и тотъ же народъ раздѣлился по кастамъ, изъ которыхъ одна не хотѣла видѣть равнаго себѣ духовнаго достоинства въ другой; въ самой семьѣ мужъ деспотически поработилъ жену, родители порабощали дѣтей; на личность человѣка даже въ лицѣ больнаго ребенка, не говоря уже о рабѣ и женщинѣ, смотрѣли какъ на вещь даже просвѣщеннѣйшіе мыслители древней Греціи, авторы идеальныхъ республикъ!

Невозможна взаимная разумная любовь, или правда, одушевленная благожелательностію, тамъ, гдѣ нѣтъ чистоты нравственнаго чувства и влеченія, гдѣ свобода порабощена чувственности и эгоизму!

Нравственное состояніе язычества неподражаемо изображено въ притчѣ Спасителя о блудномъ сынѣ, который, взявъ отъ отца слѣдующую ему часть имѣнія, пошолъ въ дальнюю страну, и тамъ,

живя распутно, расточилъ имѣніе свое; а когда прожилъ все и когда настали голодъ и крайняя нужда, то онъ присталъ къ одному изъ жителей страны той, чтобы пасти нечистыхъ животныхъ и раздѣлять съ ними ихъ пищу. Духовный голодъ на чужбинѣ и усиліе заглушить его скотоподобными страстями: вотъ образъ нравственнаго состоянія язычества, *пока не коснулся его лучъ евангельской благодати и не освѣтилъ предъ его сознаніемъ достоинство человѣческой природы и радости, уготованныя ей въ домъ Отца Небеснаго!*

Но эта же притча напоминаетъ намъ о нравственномъ состояніи единственнаго въ древнемъ мірѣ народа, долженствовавшаго, въ силу чудесной исторіи своей подъ особымъ водительствомъ Божіимъ, имѣть и хранить въ себѣ истинныя понятія какъ о Богѣ, такъ и Его святомъ законѣ. У блуднаго сына былъ старшій братъ, неразставшійся съ отцемъ своимъ и всегда покорный его волѣ; но этотъ братъ считалъ себя столь непорочнымъ сравнительно съ младшимъ братомъ, что разгнѣвался, когда отецъ простилъ и снова принялъ послѣдняго въ домъ свой. Этотъ гордый старшій братъ—есть Еврейскій народъ, о которомъ Самъ Богъ такъ говорилъ устами пророка: *его (жертвенное) куреніе—мерзость предо Мною; его собранія не стерпимы Мнѣ* (Исаія XXIX, 15); почему же? *Потому что сердце его далеко отъ Меня и благоговѣніе его предо Мною—заученная человѣческая заповѣдь* (ст. 10).

Законъ, поддерживая сознаніе добра въ евреѣ, не давалъ ему внутренняго влеченія и силы къ исполненію своихъ велѣній и, слѣдовательно, возможности создать въ себѣ внутреннее настроеніе, для котораго законъ служилъ бы только естественнымъ выраженіемъ; отъ того и самое, возбуждаемое закономъ, нравственное чувство лучшихъ изъ евреевъ, сознававшихъ святость закона, вело ихъ только къ страху передъ грознымъ Законодателемъ и Его карами и къ сознанію полнаго безсилія проникнуться духомъ закона.

Вотъ какъ одинъ изъ такихъ евреевъ времени Христа Спасителя сознавалъ свое нравственное состояніе въ виду положительнаго закона и внѣ особенной помощи свыше. Я разумѣю св. Ап. Павла, который, изъ гонителя юной христіанской Церкви сдѣлавшись ея великимъ Апостоломъ, самъ описываетъ свое до-христіанское нравственное состояніе, подраздѣляемое имъ на два вида: на состояніе до закона и состояніе подъ закономъ. *До закона*, говоритъ св. Апостолъ, т. е. пока онъ совсѣмъ не зналъ закона, не сознавалъ его требованій,—онъ думалъ, что живетъ, какъ должно жить; *я жилъ*, говоритъ онъ (Римл. VII, 9). Когда же онъ узналъ, чего требуетъ законъ и сталъ исполнять его, какъ еврей изъ евреевъ (Филип. III, 5), какъ ревнитель отеческихъ преданій, преуспѣвавшій болѣе многихъ сверстниковъ въ родѣ своемъ (Фил. III, 5—6; Галат. I, 14); то чѣмъ усерднѣе исполнялъ законъ, чѣмъ непорочнѣе былъ по правдѣ законной, тѣмъ яснѣе сознавалъ, что онъ дѣлаетъ то, къ чему въ душѣ нѣтъ искренняго влеченія, что исполняетъ законъ только *рабски*, изъ страха предъ карою его (Римл. VIII, 15). Это не то значитъ, чтобы совѣсть Савла не одобряла закона; напротивъ онъ находилъ въ немъ удовольствіе (Римл. VII, 15. 22),—но дѣло въ томъ, что жившія въ глубинѣ его души наклонности были совсѣмъ иныя, прямо противоположныя требованіямъ закона; прежде не сознаваемыя, онѣ, благодаря именно точности, съ какою онъ старался исполнять законъ, выступали въ его сознаніи и какъ бы оживали все съ бо́льшею и бо́льшею силою и ясностію, такъ что онъ наконецъ увидѣлъ въ себѣ *только грѣхъ*; понялъ, что въ немъ живетъ не добро, а зло, что онъ нравственно безсиленъ, *крайне грѣшенъ*, *мертвъ*. Такимъ образомъ законъ, хотя и святой, и праведный, и добрый, только оживилъ въ немъ сознаніе грѣха и въ этомъ смыслѣ далъ ему поводъ къ обольщенію грѣхомъ, такъ что онъ сдѣлался *проданнымъ* грѣху, рабомъ грѣха (Римл. VII, 9—14). Убѣжденный въ этомъ по собствен-

ному опыту св. Ап. Павелъ учитъ о томъ, что и *вси люди безъ изъятія* по природѣ суть чада гнѣва и что Богъ для нихъ, коль скоро они получаютъ правильное понятіе о Немъ, есть Богъ не вожделѣнной милости, а только безусловной правды, не благословенія, а гнѣва и проклятія (Ефес. II, 3).

Извѣстная степень сознанія нравственнаго безсилія и безпомощности исполнить законъ, если законъ извѣстенъ, какъ это было съ еврейскимъ народомъ [1]),—или *извѣстная степень* духовнаго голода и томленія и стремленія къ нравственно-лучшему, хотя это лучшее представляется и въ нечистыхъ, смутныхъ нравственныхъ идеалахъ, какъ это было и бываетъ съ языческими народами,—и есть тотъ результатъ, къ которому *всеобщая* или *промыслительная благодать Божія* приводитъ падшаго человѣка путемъ его собственнаго *разума* и *совѣсти*, путемъ его *естественной* и *исторической* жизни,—а вмѣстѣ есть и тотъ моментъ, когда приближается къ человѣку новая для него *особенная* или *христіанская* [2]) благодать, именно благая, евангельская вѣсть о Распятомъ и Воскресшемъ Праведникѣ!

---

[1]) Само собою разумѣется, что мы въ этомъ случаѣ отдѣляемъ законъ отъ *евангелія*, которое, въ видѣ обѣтованія Мессіи, какъ будущаго Спасителя міра, возбуждало къ вѣрѣ въ это обѣтованіе и будучи принято вѣрою, спасало ветхозавѣтныхъ праведниковъ и въ томъ смыслѣ, что служило для нихъ орудіемъ спасающей благодати или силы—къ *истинно добродѣтельной* и богоугодной *жизни*.

[2]) На мысль объ отличеніи дѣйствій *всеобщей* или промыслительной благодати отъ *особенной*, которую по примѣру учителей церкви можно назвать *евангельскою* или *христіанскою*, наводитъ, кромѣ Св. Писанія, и *Посланіе Восточныхъ Патріарховъ въ 3-мъ чл.* О христіанской благодати скажемъ подробнѣе въ послѣднемъ чтеніи. Ученіе о *предваряющей* благодати, какъ оно полагается въ существующихъ у насъ богословскихъ системахъ, обыкновенно смѣшиваетъ дѣйствія *всеобщей* благодати съ тѣми дѣйствіями *христіанской* (призваніе къ покаянію и вѣрѣ во Христа), которыя *предшествуютъ* Таинствамъ. Отсюда цѣлый рядъ противорѣчій между понятіями о благодати съ одной стороны и о частныхъ ея дѣйствіяхъ съ другой. Отсюда же странное, ходячее въ учебни

Какъ еврейскому, такъ и всякому другому народу, евангеліе о Распятомъ и Воскресшемъ впервые возвѣщается лишь тогда, когда исполняется полнота времени, когда человѣческая совѣсть до извѣстной степени уже созрѣла (2 Кор. IV, 2 — 4). Но только Евангеліе, чрезъ кого бы оно ни возвѣщалось,—обращаетъ эту полусознательную тоску о лучшемъ и это темное стремленіе освободиться отъ своего нравственно-удручающаго состоянія въ ясное сознаніе добра и зла: добра, какъ его понимаетъ Самъ Богъ и какъ оно явилось въ лицѣ Іисуса Христа,—и зла, какъ оно господствуетъ въ человѣкѣ; только Евангеліе даетъ человѣку и дѣйствительную свободу, возстановляетъ дѣйствительную энергію: или осуществить добро, или закоснѣть во злѣ. Если апостолъ Павелъ вполнѣ созналъ жившее въ немъ зло и свое безсиліе исполнить законъ, то только потому, что этотъ законъ былъ руководителемъ ко Христу; но и Павелъ не могъ самъ придти ко Христу, пока самъ Господь не привлекъ его къ Себѣ. Если блудный сынъ ясно созналъ и живо почувствовалъ свое бѣдственное положеніе, то только потому, что онъ уже зналъ жизнь въ домѣ отца и могъ сравнить ее съ распутною жизнію на дальней сторонѣ; какъ онъ *самъ рѣшился* возвратиться къ отцу, это мы увидимъ въ четвертомъ чтеніи. Господь, своею *промыслительною* благодатію, близъ всякаго человѣка всегда и вездѣ; но Евангеліе о спасеніи возвѣщается только въ опредѣленныя времена и даетъ возможность спасенія только тому, кто находится подъ вліяніемъ именно *христіанскаго* благовѣстія.

Поэтому, приступая къ указанію на черты человѣческой нравственности въ земной жизни Христа Спасителя на основаніи Евангелія о Немъ, считаю необходимымъ теперь уже напомнить то, что составитъ содержаніе послѣдняго нашего чтенія, — именно, — что

кахъ положеніе, что спасающая или христіанская благодать сообщается *только* въ Таинствахъ.

жизнь Іисуса Христа на землѣ отнюдь не есть только *образецъ* добра, *примѣръ* истинно-человѣческой жизни; она есть вѣчно живое *первоначало* и неизсякаемый *источникъ* истинно-человѣческой жизни на землѣ, путемъ прежде всего евангельскаго слова Божія, неотдѣлимаго отъ Духа Божія, проникающій въ падшую человѣческую природу и дающій ей возможность не только вполнѣ сознать, что такое добро и зло, но и *рѣшиться на то или другое* и затѣмъ, въ силу рѣшимости на добро, чрезъ таинства Церкви дѣйствительно возрождающій падшаго человѣка къ истинно-человѣческой нравственной жизни.

Но и какъ образецъ человѣческой нравственности, земная жизнь Спасителя міра можетъ быть разсматриваема только въ условномъ смыслѣ.

Нравственное добро составляетъ, какъ мы знаемъ изъ первыхъ двухъ чтеній, прежде всего субъективныя блага или добродѣтели; всѣ же внѣшнія дѣйствія, равно какъ и объективныя нравственныя блага имѣютъ значеніе нравственно-добрыхъ лишь настолько, насколько онѣ служатъ выраженіемъ субъективныхъ. Такъ и въ земной жизни Спасителя міра нравственное добро составляютъ не Его внѣшнія, внѣшнимъ чувствамъ доступныя черты жизни, не Его видимое положеніе въ мірѣ, не Его отдѣльные поступки и слова, а то внутреннее настроеніе, которое выражалось во всей этой внѣшности. Поэтому, говоря о Спасителѣ и какъ образцѣ нравственнаго добра, мы должны понимать слово: *образецъ* не какъ нѣчто, подлежащее внѣшнимъ чувствамъ, не какъ сумму Его внѣшнихъ поступковъ или произнесенныхъ Имъ словъ и изрѣченій, съ которыми бы можно было сообразовать наши слова и дѣйствія, а *какъ совокупность духовныхъ качествъ человѣческой природы Богочеловѣка*, поколику эти качества выразились въ Его словахъ и поведеніи. Равнымъ образомъ и подъ *подражаніемъ* Спасителю слѣдуетъ понимать не копированіе, такъ сказать, Его поступковъ,

и повтореніе Его словъ, а самодѣятельное, съ помощію благодати Божіей, созиданіе въ себѣ (назиданіе) тѣхъ же внутреннихъ истинно-человѣческихъ свойствъ, которыми, въ недосягаемомъ конечно совершенствѣ, обладалъ Спаситель міра.

Но и изъ духовныхъ человѣческихъ качествъ не все то свойственно и возможно одному человѣку, что свойственно и возможно другому; человѣческая личность потому между прочимъ и есть лицо, духовная индивидуальность, что она обладаетъ ей только свойственными нравственными качествами, которыя зависятъ не только отъ *свободы каждаго индивидуума*, но и отъ тѣхъ особенностей его тѣлесной природы (темперамента) и отъ тѣхъ врожденныхъ его дарованій, которыя составляютъ ввѣренный ему отъ Бога талантъ. Спаситель же міра, какъ человѣкъ, былъ индивидуумомъ, личностію, въ особенно-глубокомъ смыслѣ этого слова,— не только въ томъ смыслѣ, что по *духовно-физической человѣческой природѣ своей* Онъ принадлежалъ своей странѣ, народу, племени, роду и времени, но и болѣе всего въ томъ, что съ Его человѣческою природою была *ипостасно* соединена Его Божественная природа для спасенія всего человѣческаго рода, короче—что Онъ былъ Богочеловѣкомъ.

Какъ историческая человѣческая личность, Спаситель былъ по происхожденію отъ матери еврей изъ колѣна Іудова, изъ рода Давидова; по призванію среди другихъ евреевъ былъ раввиномъ, хотя и не обучался въ раввинскихъ школахъ, и отъ другихъ раввиновъ отличался не только тѣмъ, что велъ безбрачную жизнь и не имѣлъ никакой недвижимой собственности, но и Ему только свойственными пріемами въ ученіи и въ обращеніи съ слушателями.

„Если Іисусъ Христосъ", скажемъ словами одного богослова, „приравниваетъ Себя къ своему народу съ его бѣдствіями и его надеждами и въ томъ отношеніи, что пріемлетъ крещеніе отъ Іоанна, хотя для Себя самого не нуждается ни въ какомъ покаяніи и прощеніи; если

Онъ по временамъ запрещаетъ разсказывать о Своемъ Божественномъ назначеніи и Своихъ чудесахъ; если Онъ сначала строго поступаетъ съ Хананеянкою, потому что она язычница, и простираетъ ей руку помощи только вслѣдствіе ея трогательнаго смиренія и вѣры; если Онъ, на бракѣ въ Канѣ, Своей Матери, которая тайно сообщаетъ Ему свою заботу о недостаткѣ вина, отвѣчаетъ такими словами, которыя, какъ бы ихъ ни толковать, звучатъ строгостію; если Онъ проклинаетъ смоковницу; если Онъ въ своихъ рѣчахъ не удостоиваетъ объяснять Своихъ словъ, которыя возбуждаютъ соблазнъ и удаляютъ отъ Него слушателей, тогда какъ по нашему мнѣнію было бы, кажется, не трудно скорѣе привлечь, чѣмъ оттолкнуть ихъ (напр. у св. Іоанна, VI-я гл. о хлѣбѣ небесномъ); если Онъ въ нѣкоторыхъ притчахъ выставляетъ одну сторону божественной истины и притомъ въ очень сильныхъ выраженіяхъ, предоставляя размышленію самихъ слушателей понять отдѣльныя изрѣченія Спасителя изъ всей совокупности Его ученія (напр. когда Онъ говоритъ, что удобнѣе верблюду пройти сквозь игленыя уши, чѣмъ богатому войти въ Царство Божіе; что когда кто ударятъ въ правую щеку, то должно подставить и лѣвую; что должно возненавидѣть отца и матерь и пр.); если Онъ изгоняетъ торжниковъ изъ храма, опрокидываетъ столы и т. под.: то все это развѣ не составляетъ индивидуальныхъ особенностей Спасителя міра, какъ учителя среди другихъ современныхъ Ему учителей еврейскаго народа? — Эти черты не нуждаются въ защитѣ или извиненіи противъ тѣхъ, которые вздумали бы видѣть въ нихъ обнаруженіе какого либо недостатка, напр. гнѣва; мы очень хорошо можемъ усматривать и въ этихъ чертахъ мудрость Господа, Его святыя намѣренія; еслибы въ какомъ либо случаѣ мы и не могли объяснить способъ Его дѣйствій, то и тогда мы отъ всего сердца вѣрили бы, что Онъ Самъ очень хорошо зналъ, почему такъ, а не иначе дѣйствовалъ, и что Онъ во всякомъ случаѣ дѣлалъ только то, что угодно было Отцу Его. Но мы должны согласиться, что такой, а не другой способъ дѣйствія, такое, а не другое поведеніе Господа съ нравственной точки зрѣнія не были безусловно необходимыми, единственно возможными, и что въ нихъ выражались индивидуально-человѣческія свойства Спасителя міра“ [1]).

---

[1]) Palmer. Moral des Christenthums, Stuttgart, 1864 г. стр. 149—150. Нѣкоторыми мѣстами изъ этого же сочиненія, изъ котораго заимствованы, не въ точномъ впрочемъ переводѣ, вышеприведенныя мысли, мы, не дѣлая ссылокъ,

Какъ человѣкъ, обладающій всѣми свойствами неповрежденной человѣческой природы, притомъ ипостасно соединенной съ божественною, Онъ не только отъ рожденія былъ чуждъ первороднаго грѣха, но и во всей своей жизни, не смотря на чрезвычайныя искушенія отъ діавола въ пустынѣ и отъ немощей тѣлесной природы среди разныхъ лишеній, особенно среди страданій на крестѣ, никогда не былъ причастенъ какой либо нравственной немощи, дѣйствовалъ всегда только въ согласіи съ волею Божіею и обладалъ безусловно чистымъ нравственнымъ настроеніемъ; притомъ, это настроеніе часто выражалъ въ такихъ, почеловѣчески нравственно добрыхъ, но физически необычайныхъ дѣйствіяхъ, какія далеко превышаютъ человѣческія силы и свойственны только Божественному всевѣдѣнію и всемогуществу (каковы всѣ чудеса Спасителя на благо страждущимъ и Его пророчества). Болѣе того: исполняя религіозныя предписанія Моисеева закона, Онъ въ тоже время относится къ нимъ, какъ стоящій выше всякаго законодательства; судитъ о нихъ полновластно, какъ самъ Законодатель и замѣняетъ ихъ собственными религіозными же учрежденіями; словомъ: являетъ въ своей жизни не только *индивидуально* человѣческія, но и *божественныя* свойства.

Всѣ эти свойства, какъ индивидуально-человѣческія, такъ и божественныя, само собою понятно, не могутъ быть предметомъ подражанія для людей. Только то, что въ этихъ свойствахъ есть человѣчески-нравственнаго, т. е. зависящаго отъ человѣческой свободы Спасителя міра, хотя мы и не можемъ ее мыслить внѣ единенія съ божественною свободою, и въ чемъ заключается сущность

пользовались при нижеслѣдующей группировкѣ общеизвѣстныхъ подробностей изъ нравственной жизни Христа Спасителя, относящихся преимущественно къ реальной сторонѣ нравственности. Это сочиненіе, за исключеніемъ очень не многихъ страницъ, въ которыхъ сказываются особенности протестантскаго вѣроученія, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ особеннаго вниманія интересующихся христіанскимъ нравоученіемъ.

человѣческой нравственности, только это человѣчески-нравственное добро, поколику оно выразилось въ жизни Спасителя міра, можетъ служить образцемъ, нравственнымъ требованіемъ и для всякаго другаго человѣка.

Въ такомъ именно смыслѣ Слово Божіе и указываетъ на Спасителя, какъ на образецъ жизни всякаго христіанина, какъ на предметъ подражанія. *Кто говоритъ, что пребываетъ въ Немъ* (Іисусѣ Христѣ), *долженъ поступать такъ, какъ Онъ поступалъ*, говоритъ св. Апостолъ Іоаннъ (1 Іоанн. II, 6). Въ чемъ же должно состоять это сходство послѣдователя Христова съ своимъ Учителемъ? Не во внѣшнихъ отдѣльныхъ поступкахъ, а единственно во внутреннемъ настроеніи, въ свойствахъ духа, какъ напр. въ мужествѣ предъ врагами истины, кто бы ни были эти враги: такъ св. Ап. Павелъ увѣщаваетъ Тимоѳея къ мужественному исповѣданію вѣры примѣромъ страждущаго Спасителя предъ Понтіемъ Пилатомъ (1 Тим. VI, 12. 13); въ долготерпѣніи въ страданіяхъ, какъ частномъ видѣ мужества: *Христосъ пострадалъ за насъ, оставивъ намъ примѣръ, дабы мы шли по слѣдамъ Его* (1 Петр. II, 21); въ любви къ ближнему: *живите въ любви, какъ и Христосъ возлюбилъ насъ и предалъ Себя за насъ* (Ефес. V, 2); *Онъ положилъ за насъ душу Свою, и мы должны полагать души за братьевъ* (1 Іоан. III, 16); въ готовности служить ближнему: *каждый изъ насъ долженъ угождать ближнему во благо, къ назиданію. Ибо и Христосъ не Себѣ угождалъ* (Римл. XV, 2 — 3); въ смиреніи: *въ васъ должны быть тѣ же чувствованія, какія и во Христѣ Іисусѣ: Онъ, будучи образомъ Божіимъ, не почиталъ хищеніемъ быть равнымъ Богу: но уничижилъ Себя самого, принявъ образъ раба, сдѣлавшись подобнымъ человѣкамъ, и по виду сталъ какъ человѣкъ; смирилъ Себя, бывъ послушнымъ даже до смерти, и смерти крестной* (Филип. II, 5—8). Во всѣхъ этихъ мѣстахъ идетъ рѣчь о подра-

жаніи не въ томъ или другомъ дѣйствіи или въ видѣ страданія Спасителя: кто изъ людей можетъ подражать искупительнымъ дѣламъ, страданіямъ или заслугамъ Богочеловѣка?—а въ тѣхъ нравственныхъ качествахъ или аскетическихъ и общежительныхъ добродѣтеляхъ, которыя относятся къ сущности нравственнаго добра во всякомъ человѣкѣ. *Въ васъ должны быть тѣ же чувствованія* (тоже внутреннее настроеніе, поколику оно зависитъ отъ вашей свободы), *какія и во Христѣ Іисусѣ:* вотъ въ какомъ единственномъ смыслѣ Іисусъ Христосъ есть образецъ нравственнаго добра и предметъ подражанія для христіанина!

Поэтому-то какъ ни богаты Евангелія указаніями на отдѣльные поступки и внѣшнія черты Спасителя міра, какъ эти поступки и отдѣльныя черты ни назидательны и ни драгоцѣнны для всякаго христіанина,—Св. Писатели не спѣшатъ ставить ихъ въ примѣръ вѣрующихъ даже тамъ, гдѣ бы это казалось особенно умѣстнымъ; напр. тамъ, гдѣ Св. Апостолъ внушаетъ дѣтямъ повиновеніе родителямъ, а родителямъ — заботу о воспитаніи дѣтей, онъ очень кстати могъ бы указать на примѣръ повиновенія Спасителя Своей Пречистой Матери и мнимому отцу и на примѣръ воспитанія Имъ Своихъ учениковъ; но онъ этого не дѣлаетъ. И Самъ Спаситель, наставляя своихъ слушателей, указываетъ имъ въ примѣръ не Свои частныя дѣянія и вообще не столько Себя самаго, сколько другихъ лицъ, напр. Самарянина, младенца, какое либо лицо изъ притчей; посылая Своихъ учениковъ на проповѣдь, не убѣждаетъ ихъ подражать Своей собственной проповѣди, а обѣщаетъ имъ помощь отъ Св. Духа; вообще не такъ ведетъ Себя въ жизни, не такъ говоритъ и дѣйствуетъ, чтобы слушающіе и видящіе Его могли постоянно брать себѣ въ примѣръ отдѣльныя Его слова и поступки.

Есть, правда, одно внѣшнее дѣйствіе Спасителя, совершенное Имъ предъ страданіями Своими, о которомъ Онъ Самъ заповѣдалъ,

чтобы и ученики Его дѣлали тоже по подражанію Ему, — это умовеніе ногъ ученикамъ; но и это подражаніе Спасителю какъ учениками, такъ и всею Церковію понято не въ буквальномъ смыслѣ, и если совершается доселѣ въ извѣстный день въ году, то не какъ правило практической жизни вѣрующихъ (по крайней мѣрѣ не въ восточныхъ странахъ), а какъ церковный *обрядъ*, какъ *символъ* того *смиренія* и того *человѣколюбія*, которыя выразились въ этомъ дѣйствіи Спасителя.

Обращаясь теперь къ изложенію самыхъ признаковъ и самаго содержанія нравственности въ Лицѣ Христа Спасителя, о которыхъ свидѣтельствуетъ намъ Слово Божіе, я убѣжденъ, что просвѣщенное общество не ожидаетъ, чтобы возможно было не только исчерпать и изобразить, но и понять и достойно оцѣнить нравственное величіе Безгрѣшнаго Человѣка, который притомъ есть вмѣстѣ и Богъ нашъ. Есть на западѣ, встрѣчаются и въ нашей литературѣ попытки охарактеризовать земную жизнь Спасителя; какъ на одну изъ особенно замѣчательныхъ можно указать на переведенную съ англійскаго и изданную въ прошломъ году въ Москвѣ жизнь Іисуса Христа—*доктора Фаррара*. Но всѣ эти попытки напоминаютъ древнее сказаніе о живописцѣ, котораго Авгарь, при жизни Спасителя послалъ въ Палестину для снятія съ Него портрета: все что ни успѣвалъ живописецъ изобразить на полотнѣ, оказывалось далеко не похожимъ на Ликъ Спасителя всякій разъ, когда живописецъ снова обращался къ этому Лику,—пока Самъ Господь по снисхожденію къ усердію Авгаря, не отпечатлѣлъ своего нерукотвореннаго образа на полотнѣ, отерши имъ Лицо Свое. Та или другая черта изъ нравственнаго образа Спасителя, конечно, отпечатлѣвается болѣе или менѣе въ тѣхъ или другихъ духовныхъ качествахъ вѣрующихъ,—но полный образъ Его и во всей неизрѣченной славѣ его, едвали вмѣстимъ не только въ умѣ и сердцѣ отдѣльныхъ вѣрующихъ, но и во всей земной Церкви Христовой.

Напрасно также пытался бы кто нибудь очертить нравственный характеръ Спасителя, какъ типъ, какъ идеалъ, въ которомъ бы сочетаніе духовныхъ совершенствъ было такъ же своеобразно, какъ въ обыкновенныхъ великихъ людяхъ, у которыхъ извѣстныя совершенства составляютъ выдающуюся черту, другія группируются около нихъ опять въ свойственномъ только этому лицу сочетаніи. И этого мы не видимъ въ Лицѣ Спасителя. Если что можетъ быть названо отличительнымъ признакомъ Его характера, то это Его безгрѣшность и равновѣсіе всѣхъ духовныхъ качествъ, изъ которыхъ каждое представляетъ собою недосягаемое для насъ совершенство.

Цѣль моего изложенія признаковъ и содержанія человѣческой нравственности въ Лицѣ Спасителя иная: просто дать понять, что, призывая насъ къ вѣрѣ, къ послѣдованію за Собою и даруя намъ для этого свою Божественную помощь, Господь требуетъ отъ насъ не какихъ нибудь небесныхъ, божественныхъ, а чисто человѣческихъ, въ свойственной каждому изъ насъ мѣрѣ вполнѣ доступныхъ качествъ, которыя могутъ и должны были бы проявляться въ самой обыкновенной средѣ, въ каждомъ честномъ званіи и трудѣ, въ любомъ кругу семейномъ или общественномъ.

Въ самомъ дѣлѣ что мы видимъ въ человѣческой нравственности Христа Спасителя? Съ формальной стороны—тоже нравственное чувство, тотъ же нравственный законъ, тоже, соединенное съ сознаніемъ этого закона, чувство долга и ту же нравственную свободу, какія мы видѣли и во всякой человѣческой нравственности,—съ реальной: тѣ же субъективныя человѣческія блага или добродѣтели, не отдѣлимыя отъ блаженства, которыя, будучи разультатомъ свободнаго исполненія нравственнаго закона, составляютъ въ свою очередь силу, совершающую добрыя внѣшнія дѣйствія и производящую тѣ же объективныя блага жизни, какія должны были бы составлять земное благоденствіе всякаго добродѣтельнаго человѣка.

Свящ. Писанію, правда, чужды выраженія: нравственная потребность, нравственное чувство, нравственный законъ, нравственная свобода съ ея видами; тѣмъ не менѣе нѣкоторыя, хотя и немногочисленныя, изрѣченія новозавѣтнаго Слова Божія даютъ основаніе утверждать, что всѣ эти признаки и вмѣстѣ силы нравственнаго добра въ человѣческой природѣ Спасителя міра обнаруживались и развивались нормальнымъ образомъ.

И во первыхъ, что касается до нравственной потребности вообще, какъ врожденной человѣческой природѣ и обнаруживающейся въ чувствѣ добра, предполагающемъ и безсознательное стремленіе къ нему, то (если мы добро назовемъ вообще волею Божіею,—требованіемъ того, чего требуетъ Самъ Богъ) существованіе такой потребности въ человѣческой природѣ Іисуса Христа прекрасно выражено имъ Самимъ въ словахъ къ ученикамъ, предложившимъ Ему пищу у Іаковлева колодезя въ Самаріи: *Моя пища*, сказалъ Онъ, слѣдовательно и Мой голодъ и жажда, или что тоже: Моя потребность, *есть творить волю Пославшаго Меня и совершать дѣла Его* (Іоан. IV, 34).

Не смотря на то, что дѣланіе добра составляетъ пищу, слѣдовательно и духовное удовлетвореніе, радость Спасителя,—требованіе этого добра сознается Имъ въ тоже время какъ неотдѣлимое отъ сознанія нравственнаго закона чувство долга. *Мнѣ должно*, говоритъ Онъ, *дѣлать дѣла Пославшаго Меня, пока есть день* (Іоанн. IX, 4); *Мнѣ должно быть въ томъ, что принадлежитъ Отцу Моему* (Лук. II, 49).

Изъ этихъ же изрѣченій Спасителя можно уже отчасти заключать, что нравственныя влеченія Его человѣческой природы и требованія Его чувства долга совпадали не только съ Его обязанностями, какъ чрезвычайнаго Посланника въ мірѣ, какъ Искупителя міра, но и съ положительными нравственными требованіями Моисеева закона, для каждаго человѣка, по ученію Спасителя, обяза-

тельными *доколѣ, пока не прейдетъ небо и земля* (Матѳ. V, 18). *Не думайте,* внушалъ Онъ, *что Я пришелъ нарушить законъ или пророковъ; не нарушить пришелъ Я, но исполнить* (—17 ст.). Этотъ законъ, правда, Онъ Самъ исполнялъ и другимъ заповѣдалъ при Его помощи исполнять не такъ, какъ исполняли въ Его время книжники и фарисеи: *если праведность ваша,* говорилъ Онъ, *не превзойдетъ праведности книжниковъ и фарисеевъ; то вы не войдете въ царствіе небесное* (— 20 ст.), но это различіе между іудеями и Имъ въ отношеніи къ Моисееву закону не то означаетъ, чтобы требованія этого закона не были исполняемы книжниками и фарисеями, или чтобы Онъ не считалъ исполненіе ихъ обязательнымъ для Себя, а то, что Онъ лучше ихъ понималъ эти требованія и исполнялъ ихъ не только потому, что такъ предписывалъ *внѣшній* законъ, но и прежде всего потому, что того же требовало *Его внутреннее нравственное настроеніе.* Короче: Спаситель міра обладалъ нравственнымъ *чувствомъ* (слѣдовательно и влеченіемъ), сознаніемъ внутренняго *нравственнаго закона* и, неотдѣлимаго отъ этого сознанія, *чувства долга.*

Но такъ какъ эти внутреннія обнаруженія нравственной потребности человѣческой природы развивались въ Немъ нормально: *Онъ не зналъ грѣха,* какъ свободнаго противонравственнаго хотѣнія, или дѣйствія (2 Кор. V, 21); то Онъ *не могъ* сознавать чувства *несогласія* своей воли съ требованіями нравственнаго закона; поэтому не могъ имѣть и того, что называется *совѣстію,* подъ которою и въ Словѣ Божіемъ и въ обыкновенномъ словоупотребленіи разумѣется сознаніе чувства не только согласія, но и *несогласія* воли съ нравственнымъ закономъ. Не этимъ ли объясняется то замѣчательное обстоятельство, что не только въ Евангеліяхъ, гдѣ о совѣсти только одинъ разъ упоминается въ отношеніи къ фарисеямъ (у Ев. Іоанна), но и въ посланіяхъ Апостольскихъ, гдѣ это понятіе часто встрѣчается въ смыслѣ и доброй и злой совѣсти,— оно нигдѣ не примѣ-

нается къ лицу Спасителя [1])? Безусловно слѣдуя чистымъ движеніямъ своего нравственнаго чувства, сознанію нравственнаго закона и неотдѣлимому отъ этого сознанія чувству долга, Спаситель во всякомъ частномъ случаѣ жизни каждую возникавшую предъ Нимъ нравственную задачу неуклонно разрѣшалъ согласно съ этимъ чувствомъ, сознаніемъ и закономъ, и не могъ, поэтому, не преуспѣвать болѣе и болѣе и въ развитіи самаго этого чувства и сознанія и въ пониманіи нравственнаго закона, а со всѣмъ этимъ и во всѣхъ истинно-человѣческихъ добродѣтеляхъ. Совершенно согласно съ ходомъ постепеннаго нормальнаго развитія силъ человѣческой природы, Онъ, по свидѣтельству Слова Божія, какъ въ дѣтскомъ возрастѣ *былъ въ повиновеніи* у Матери своей по плоти и мнимаго отца (Лук. II, 51), постепенно *преуспѣвалъ въ премудрости и возрастѣ и въ любви у Бога и человѣковъ* (—52 ст.), такъ и въ послѣдующей земной своей жизни только постепенно пріобрѣталъ навыкъ въ добрѣ или добродѣтели; напр. *страданіями навыкъ послушанію, хотя Онъ и Сынъ Божій* (Евр. V, 8) и, бывъ *искушенъ во всемъ кромѣ грѣха, можетъ потому сострадать намъ въ немощахъ нашихъ* (Евр. IV, 15), *можетъ помочь и искушаемымъ* (II, 18). Вообще можно сказать, что подобно тѣмъ *совершеннымъ людямъ, у которыхъ чувства навыкомъ пріучены къ разумѣнію добра и зла* (Евр. V, 14), и Онъ только постепенно *навыкъ въ добрѣ.*

Но гдѣ есть нравственное чувство, сознаніе нравственнаго закона и чувства долга, гдѣ есть постепенность въ развитіи, какъ этихъ чувствъ и сознанія, такъ и навыка къ осуществленію добра,

---

[1]) Это можетъ, конечно, объясняться и тѣмъ, что и въ книгахъ Ветхаго Завѣта греческіе переводчики нашли только *одно* выраженіе, переведенное ими словомъ *совѣсть*, συνείδησις Екил. X, 20. Еще разъ встрѣчается это слово Премудр. Солом. XVII, 10; но эта книга первоначально писана, какъ извѣстно, не на еврейскомъ, а на греческомъ языкѣ. Евреи вмѣсто *совѣсть* говорили: *сердце.*

гдѣ есть наконецъ *искушеніе*, какое имѣлъ Спаситель міра въ земной своей жизни не только отъ свойствъ тѣлесной своей природы, источника всякаго рода физическихъ лишеній и страданій, неизбѣжныхъ среди грѣшнаго человѣчества, но и отъ чрезвычайныхъ дѣйствій діавола,—гдѣ есть одна возможность такого, *не мнимаго, фиктивнаго, а дѣйствительно сознаваемаго искушенія*, тамъ сама собою предполагается человѣческая нравственная *свобода*, какъ способность *столько же ко злу, сколько и къ добру*, хотя эту человѣческую свободу въ Лицѣ Спасителя міра, вслѣдствіе ипостаснаго единства въ Немъ Божества и человѣчества мы не можемъ мыслить иначе, какъ въ соединеніи съ идеально-доброю свободою. Подобно первому Адаму въ его невинномъ состояніи, и второй Адамъ не могъ не быть свободнымъ, т. е. способнымъ одинаково какъ къ добру, такъ и ко злу [1]). И если первый Адамъ не устоялъ противъ искушенія, осуществилъ свою формальную свободу въ реально-зломъ смыслѣ и подвергъ себя и свое потомство въ рабство грѣху; то второй Адамъ среди искушеній осуществилъ свою свободу въ идеально-добромъ ея смыслѣ и, побѣдивъ грѣхъ со всѣми его послѣдствіями для Себя, явился Освободителемъ всего человѣчества отъ рабства грѣху въ земной жизни и отъ всѣхъ его послѣдствій отчасти въ сей, а окончательно въ новой жизни среди новыхъ условій ея. Свободу Спаситель самъ понималъ только какъ *нравственную*, хотя и не опредѣлялъ ея частныхъ видовъ; на прим.,

---

[1]) Неосуществленная пока ни въ добрѣ ни въ злѣ, эта свобода *невиннаго человѣка* можетъ быть названа *формальною*, въ отличіе, какъ мы замѣтили въ первомъ чтеніи, отъ *реальной и идеальной*. Эта формальная свобода должна быть также принадлежностію и падшаго человѣка въ тотъ моментъ, когда онъ, подъ вліяніемъ *евангельской* или вообще *спасающей, христіанской благодати* (о чемъ будетъ рѣчь въ послѣднемъ чтеніи), силою этой благодати поставляется *въ дѣйствительную возможность*—или обратиться ко Христу и къ добру, или закоснѣть въ прежнемъ злѣ,—возможность, которой онъ безъ помощи *этой именно* благодати, безъ сомнѣнія, лишенъ.

когда говорилъ своимъ слушателямъ: *если пребудете въ словѣ Моемъ: то познаете истину и истина сдѣлаетъ васъ свободными.* Іудеи поняли слово „свобода“ въ смыслѣ политической свободы и отвѣчали: *мы сѣмя Авраамово и не были рабами никому и никогда.* Но Іисусъ отвѣчалъ имъ: *всякій, дѣлающій грѣхъ, есть рабъ грѣха... истинно свободны будете, если Сынъ освободитъ васъ* (Іоан. VIII, 31—36).

Такимъ образомъ всѣ формальныя свойства нравственности человѣческой въ Лицѣ Спасителя міра, на основаніи Слова Божія, являются въ такой чистотѣ и въ такомъ совершенствѣ, степень которыхъ неизмѣрима для насъ уже потому, что наше нравственное сознаніе не свободно отъ сознанія грѣха, наше нравственное чувство извѣстно намъ только въ формѣ *совѣсти*, тогда какъ Спаситель міра *не зналъ*, слѣдовательно и не сознавалъ въ Себѣ *грѣха*, какъ свободнаго акта своей воли. Въ этомъ отношеніи Онъ не только какъ Богъ, но *и какъ человѣкъ превышаетъ силы нашего нравственнаго разумѣнія.*

Проявленіе нравственнаго добра съ его реальной стороны, въ Лицѣ Спасителя міра мы можемъ разсматривать съ тѣхъ же двухъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ мы разсматривали человѣческую нравственность вообще, подвести только подъ тѣ двѣ категоріи, или подъ тѣ два вида отношеній, въ которыхъ проявляется и развивается содержаніе нравственной потребности человѣческой природы, т. е. отношеній съ одной стороны между духовными и тѣлесными потребностями индивидуальной личности Христа Спасителя, съ другой—между Его индивидуальной личностію и другими личными существами.

Достоинство души человѣческой Спаситель ставитъ безконечно выше достоинства всего матеріальнаго, всего міра (Матѳ. XVI, 26). Это достоинство выражается, какъ мы знаемъ, въ томъ, что она призвана владѣть и пользоваться всѣмъ матеріальнымъ и идеально

въ видѣ знанія, эстетическаго образованія и всякаго рода практическихъ умѣній, и реально, какъ орудіемъ и матеріаломъ для удовлетворенія тѣлеснымъ потребностямъ человѣческой жизни,—что душа человѣческая призвана быть властію надъ міромъ и въ этомъ смыслѣ быть духомъ. И то и другое, и реальное и идеальное обладаніе и пользованіе міромъ. Спаситель проявилъ въ безчисленныхъ фактахъ земной своей жизни.

Какъ истинный человѣкъ, Онъ усвоивалъ Себѣ знанія, возрасталъ въ премудрости, пріобрѣталъ практическіе навыки, развивалъ энергію своего духа, которая и проявлялась въ неустанной дѣятельности, въ непрерывномъ трудѣ; а какъ ипостасно соединенный съ Божествомъ, Онъ выражалъ это знаніе и эту энергію въ такихъ размѣрахъ, которые превышаютъ человѣческія силы: Онъ зналъ не только все видимое, но и невидимое, не только настоящее и прошедшее, но и будущее; повелѣвалъ воздуху и водѣ, исцѣлялъ болѣзни и воскрешалъ мертвыхъ, Самъ воскресъ изъ мертвыхъ и вознесся съ тѣломъ на небо, и такимъ образомъ явилъ въ Себѣ знанія и силу, для которыхъ все матеріальное, всѣ силы и законы природы были только покорнымъ орудіемъ.

Знаніе матеріальной природы, ея силъ и законовъ неотдѣлимо отъ эстетическаго образованія и власть надъ нею была бы безцѣльна, еслибы не выражалась и въ пользованіи ея благами. И мы видимъ, что Спаситель не былъ равнодушенъ къ красотамъ природы и какъ Самъ пользовался ея благами настолько, насколько это служило цѣли Его призванія на землѣ, такъ и другимъ содѣйствовалъ въ обладаніи и пользованіи ими. Земля и ея произведенія доставляли Ему любимый матеріалъ для притчей (поле, сѣяніе и жатва, сѣмя горчичное, драгоцѣнный жемчугъ, птицы небесныя, голубь и змій, овцы съ пастыремъ и т. под.); полевая лилія производила на Него впечатлѣніе красоты, какого не могла бы произвести вся роскошь Соломоновыхъ одеждъ; Онъ не только не пренебрегалъ драгоцѣннымъ

благовоніемъ, которое расточила для Него благодарная любовь помилованной грѣшницы, но и защищаетъ эту трату отъ упрека въ расточительности; чудесами укрощенія бури и волнъ морскихъ, грозившихъ опасностію жизни, безчисленными исцѣленіями больныхъ неоднократнымъ воскрешеніемъ мертвыхъ Спаситель свидѣтельствуетъ, что жизнь и здоровье тѣла, съ сопровождающимъ ихъ чувствомъ благосостоянія, находятся въ естественной связи съ нормальнымъ достоинствомъ человѣка, что въ ихъ сохраненіи и возстановленіи и выражались преимущественно божественное всемогущество и любовь. На бракѣ въ Канѣ Галилейской Господь удостоиваетъ явить чудо всемогущества своего, чтобы собравшимся на семейное торжество доставить и такое физическое удовольствіе, которое выходило за предѣлы необходимаго удовлетворенія жажды; Онъ защищаетъ учениковъ, въ субботній день удовлетворявшихъ потребности пищи колосьями съ поля; пользуется своимъ всемогуществомъ, чтобы цѣлыя тысячи своихъ соплеменниковъ питать хлѣбомъ и рыбою, обыкновенною между ними пищею, и Самъ раздѣляетъ съ ними эту трапезу; въ отношеніи къ удовлетворенію потребности питанія, Онъ такъ далекъ былъ отъ пренебреженія ею, что не отказывался раздѣлять и богатую трапезу съ заслуживающими того соплеменниками и не смущался тѣмъ, что многіе Его называли ядцей и пійцей (Мато. XI, 19). Короче: Спаситель являетъ Себя властелиномъ природы въ томъ смыслѣ, что знаетъ ея силы и законы и владѣетъ ими, сочувствуетъ красотѣ ея, и пользуется ею какъ орудіемъ земнаго благосостоянія; во всемъ же этомъ вмѣстѣ Онъ являетъ нравственное достоинство своей не только Божественной, но и человѣческой природы.

Если же это достоинство, обусловливаемое не однимъ только пользованіемъ земными благами, требуетъ отреченія отъ нихъ во имя другихъ, высшихъ нравственныхъ интересовъ, тогда Спаситель и Самъ являетъ и другимъ заповѣдуетъ строгое самоотверженіе,

т. е. опять *полную власть* надъ требованіями душевно-тѣлесной природы своей, а чрезъ нее и надъ самыми внѣшними благами.

Припявъ на Себя, изъ любви къ человѣчеству и для удовлетворенія божественной правдѣ, земное званіе странствующаго учителя, а потому не обладая никакою недвижимою собственностію, не имѣя иногда, гдѣ преклонить голову, нуждаясь по временамъ въ пищѣ и питьѣ, Онъ никогда не смущается заботою объ удовлетвореніи всѣхъ этихъ тѣлесныхъ потребностей: или пріемлетъ то, что Ему добровольно предлагаетъ благодарная любовь къ Нему, или же спокойно переноситъ всякое лишеніе, утомленіе, страданіе. Эта власть надъ всѣми движеніями своей душевно-тѣлесной природы, вызываемыми всякаго рода лишеніями и оскорбленіями,—это мужество, самообладаніе и самоуваженіе выражаются въ ясности, твердости и обдуманности всякаго Его слова, котораго Онъ никогда не измѣняетъ, всякаго поступка, въ которомъ Онъ никогда не имѣетъ нужды раскаяваться; даже тогда, когда наивысшее изъ земныхъ золъ, именно—предсмертная агонія, усиленная самыми позорными и для грѣшнаго человѣка мученіями, когда и самая смерть наступаетъ для Него и предатель, окруженный Его врагами, уже приближается къ Нему,—Его ясность и спокойное самообладаніе ни на одну минуту не колеблются; съ сознаніемъ Своего достоинства и вмѣстѣ съ ничѣмъ невозмутимою кротостію Онъ идетъ на встрѣчу Своимъ врагамъ; среди допросовъ и страданій у первосвященниковъ и Пилата говоритъ или молчитъ, смотря потому, что признаетъ сообразнымъ съ волею Божіею; протестуя противъ оскорбленія, нанесеннаго Ему дерзкою рукою слуги Первосвященника, Самъ отнюдь не выступаетъ изъ блаженнаго состоянія Своей внутренней чистоты и мира; ни въ какомъ случаѣ не позволяетъ вынудить у Себя ни одного слова, которое бы не отвѣчало Его убѣжденію и которое нужно было бы извинять тяжелыми и необычайными обстоятельствами. Такая ясность и твердость духа, такое мужество въ

Спасителѣ не то, конечно, означаетъ, что въ Немъ, подобно стоическимъ мудрецамъ, притуплена была воспріимчивость къ страданіямъ или что Онъ хотѣлъ выставлять на показъ Свое равнодушіе къ нимъ, а то, что Онъ, не смотря на всю вполнѣ сознаваемую и испытываемую Имъ безпримѣрную тяжесть мученій, въ Себѣ Самомъ носилъ источникъ высшаго духовнаго счастія, былъ Личностію, духомъ, былъ властію надъ своими душевно-тѣлесными состояніями, однимъ словомъ былъ, такъ сказать, воплощенною аскетическою добродѣтелію, отъ которой не отдѣлимъ внутренній миръ, глубоко внутреннее удовлетвореніе и блаженство, несокрушимыя никакими внѣшними бѣдствіями.

Любовь и правда по отношенію къ другимъ личностямъ и прежде всего къ Богу, какъ Виновнику всякаго бытія и всѣхъ законовъ его, дающія новое содержаніе и новую силу аскетической добродѣтели, являются въ жизни Спасителя также въ совершенствѣ, которое составляетъ вѣчный идеалъ для всего человѣчества.

Мысль объ Отцѣ Небесномъ и общеніе съ Нимъ не оставляетъ Спасителя ни на одну минуту Его земной жизни; прославленіе Отца въ мірѣ есть единственная цѣль этой жизни; Его воля—единственный законъ ея во всѣхъ ея обстоятельствахъ, и радостныхъ и тяжелыхъ; вся земная жизнь Спасителя міра, по колику Онъ мыслится по человѣческой Его волѣ, есть ничто иное, какъ одинъ актъ безусловнаго послушанія, безотвѣтной покорности волѣ Отца Небеснаго или лучше: одинъ актъ *выраженія этой воли*. Такимъ образомъ общеніе съ Богомъ или любовь къ Нему, выражающіяся въ безусловной покорности Его волѣ, какъ Творцу и Законодателю Своему, или, что́ тоже, любовь, не отдѣлимая отъ правды по отношенію къ Нему: вотъ сущность отношенія Спасителя, по Его человѣческой природѣ, къ Отцу Своему, или Его религія. Молитва къ Отцу, поэтому служила для человѣческой природы Спасителя однимъ изъ наиболѣе естественныхъ и безпрепятственныхъ выраженій об-

щенія Его съ Богомъ, наивысшимъ услажденіемъ Его земной жизни въ радостные ея моменты и наилучшимъ утѣшеніемъ и поддержкою въ скорбныхъ ея обстоятельствахъ. Въ самыя тяжелыя минуты Своихъ страданій на крестѣ, когда внѣшняя тьма, тѣлесныя муки и внутреннія страданія соединились, чтобы поколебать сердце Спасителя въ Его преданности долгу, когда Онъ, умирая смертію грѣшника и за всѣхъ грѣшниковъ, не смѣлъ чувствовать близости къ Себѣ Отца Небеснаго и долженъ былъ испытать и это тягостнѣйшее состояніе грѣшнаго человѣчества—сознаніе того, что Богъ оставилъ Его,—и въ эти минуты мысль Спасителя обращена къ Отцу; Онъ вопіетъ къ Нему, какъ *своему* Богу, и умирая спокойно, передастъ въ Его руки Свою душу. Болѣе крѣпкой любви къ Богу, чѣмъ самая смерть, и болѣе высокой правды, чѣмъ та, какую исполнила любовь Воплотившагося, принесши Себя въ жертву за грѣхи человѣчества и тѣмъ удовлетворивши Божественному правосудію, человѣческая мысль не можетъ измыслить никакой любви и никакой правды по отношенію къ Богу.

Но любовь и правда по отношенію къ Богу не отдѣлимы отъ тѣхъ же свойствъ по отношенію ко всему, что носитъ на себѣ образъ Божій, особенно же къ человѣчеству.

Что такое любовь къ людямъ и что она можетъ сдѣлать для нихъ, объ этомъ мы знаемъ, по слову возлюбленнаго ученика Христова, только въ Лицѣ Іисуса Христа (1 Іоан. III, 17; XVI, 23). Любовь побуждаетъ Его оставить мирное убѣжище въ Назаретѣ и вступить на полный скорбей путь общественной дѣятельности, который несомнѣнно ведетъ къ Голгоѳѣ; она собираетъ около Него учениковъ, съ терпѣніемъ переноситъ ихъ невѣдѣніе и слабости, обращается прежде всего къ страждущимъ и обремененнымъ, къ грѣшникамъ, мытарямъ и прелюбодѣицамъ и ко всѣмъ, кто находится въ презрѣніи и уничиженіи; но не пренебрегаетъ и фарисеями, готова бесѣдовать съ ними и даже раздѣлять ихъ трапезу

въ надеждѣ, не поймутъ ли и они часъ спасенія своего; любовь съ одной стороны—благословляетъ дѣтей, радуется съ радующимися, съ другой — плачетъ съ плачущими, исцѣляетъ прокаженныхъ и одержимыхъ злыми духами, воскрешаетъ мертвыхъ, чтобы возвратить ихъ пораженнымъ скорбію ихъ роднымъ и близкимъ; она заставляетъ Спасителя съ одной стороны понести все на Себѣ, что есть самаго тяжелаго и удручающаго въ жизни грѣшнаго человѣчества, съ другой—высоко цѣнить, принимать и защищать отъ нареканій самое скромное, но теплое выраженіе привязанности къ Нему, оказываемое ему облагодѣтельствованными имъ (Лук. VIII 44—46). Но эта любовь, выражающаяся во всѣхъ возможныхъ видахъ благожелательности, — въ страданіи и сорадованіи ближнему, въ милосердіи къ нему и служеніи его благу даже до пожертвованія своею жизнію, — не расточается въ излияніи чувствованій, въ ласковыхъ словахъ и рѣчахъ, не изобрѣтаетъ искусственныхъ способовъ своего проявленія; и при всемъ томъ какая глубина чувства и вмѣстѣ сколько неподражаемой нѣжности въ прощальной бесѣдѣ Спасителя съ Своими учениками, въ Его попеченіи о Матери среди страданій на крестѣ, въ обращеніи Его съ измѣнившимъ Ему Петромъ, по воскресеніи, — въ свиданіи съ Маріею!

Но любовь къ ближнимъ, какъ влеченіе къ общенію съ ними въ трудахъ, радостяхъ и скорбяхъ жизни, неотдѣлима, въ своемъ проявленіи, отъ правды, примѣняется къ обстоятельствамъ и отношеніямъ жизни каждаго изъ нихъ: она не есть слѣпое чувство, вытекающее только изъ тождества сущности духовной природы людей, но есть вмѣстѣ и осмысленное сознаніемъ права и справедливости по отношенію къ нимъ, разумно-оцѣнивающее какъ индивидуальныя свойства и права каждаго изъ нихъ, такъ и общее ихъ благо, и не терпящее въ общеніи съ ними никакой лжи и никакихъ пристрастій.

Объемля собою весь человѣческій родъ, любовь не знаетъ никакого различія между нравственною природою іудея и язычника, обрѣзаннаго и необрѣзаннаго, раба и свободнаго; и однакоже не обращается въ космополитизмъ и отвлеченную гуманность, въ отсутствіе чувства національности и оцѣнки личныхъ качествъ и особенностей. Не смотря на то, что родной народъ не пріемлетъ Спасителя своего, что *не славенъ пророкъ въ отечествѣ своемъ*, истинный пророкъ не бѣжитъ тотчасъ изъ отечества за границу, чтобы оттуда бросать камень въ него, или спасать другой народъ; но съ терпѣніемъ переноситъ предразсудки и ожесточеніе, хотя и ослѣпленнаго, но роднаго своего народа; проповѣдуетъ прежде всего ему царствіе Божіе, и для распространенія этой проповѣди въ мірѣ предпочитаетъ медленный, но естественный путь постепеннаго перехода отъ одного народа къ другому. И внутри самаго израильскаго народа не всѣ соплеменники Спасителя пользуются одинаковою степенью довѣрія и близости общенія съ Его стороны; не всякаго, кто приближается къ Нему, Онъ тотчасъ принимаетъ какъ Своего приснаго и друга, но очень ясно отличаетъ тѣхъ, кто рѣшается навсегда соединить свою судьбу съ Его судьбою, или сдѣлаться истиннымъ Его ученикомъ или ученицею, отъ народной массы, которая то притекаетъ къ Нему, то отдаляется отъ Него. Какъ Своими учениками Онъ дѣлаетъ не всякаго слушателя Своего, такъ и изъ этихъ учениковъ не всякому даетъ полномочіе проповѣдывать Его царство, во имя Его крестить, вязать или разрѣшать грѣхи. Но и среди самыхъ избранныхъ учениковъ Его одни пользуются бо́льшимъ, другіе—меньшимъ довѣріемъ и близостію (70 и 12 учениковъ и семейство Лазаря); и изъ ближайшихъ къ Нему только Петръ, Іаковъ и Іоаннъ пользуются преимущественнымъ Его довѣріемъ; наконецъ и изъ этихъ трехъ учениковъ, только одинъ удостоивается особенной Его любви. Такъ suum cuique: правда, или что́ тоже: проявленіе различныхъ степеней и формъ

въ самой любви, т. е. въ самомъ общеніи съ ближними, соотвѣтствующихъ не одинакому достоинству любимыхъ лицъ; или же на оборотъ: любовь, не отдѣлимая отъ сознанія различныхъ индивидуальныхъ особенностей любимыхъ лицъ, и соотвѣтственное съ симъ, такъ сказать, группированіе и организація ихъ въ царствѣ Божіемъ составляетъ существенный элементъ нравственнаго настроенія Спасителя по отношенію къ людямъ.

Гдѣ же правда является въ частности въ формѣ положительнаго права, обычнаго или писаннаго закона, тамъ уваженіе къ этому закону, слѣдовательно и къ юридическимъ правамъ и обязанностямъ каждаго составляетъ и для Спасителя долгъ, которому Онъ, не смотря на то, или лучше именно потому, что Онъ Самъ сознаетъ Себя не только человѣкомъ, но и Господиномъ всѣхъ людей и всѣхъ законовъ въ мірѣ,—повинуется безпрекословно, какъ гражданинъ общества человѣческаго, какъ членъ народа своего. Такъ: искавшихъ у Него суда по вопросу о наслѣдствѣ Онъ приглашаетъ обратиться къ тѣмъ лицамъ, которыя закономъ поставлены судіями въ этомъ дѣлѣ (Лук. XII, 14); исцѣленныхъ Имъ прокаженныхъ отсылаетъ къ священникамъ, которые закономъ обязаны освидѣтельствовать тѣхъ, кто послѣ заразительной болѣзни можетъ возвратиться въ общество (XVII, 14), вообще: Кесарю заповѣдуетъ воздавать то, что принадлежитъ Кесарю. Но и Богу Онъ и Самъ воздастъ и другимъ заповѣдуетъ воздавать то, что Богу принадлежитъ; исполняетъ всѣ не только ясныя предписанія Моисеева закона, но и тѣ обычаи Еврейскаго народа, которые не были противны откровенному законодательству. Такъ онъ не только соблюдаетъ съ точностію всѣ требованія Моисеева закона относительно обрѣзанія, очищенія, жертвъ и омовенія, но и вмѣстѣ со всѣми сопленениками, слушавшими проповѣдь Іоанна Крестителя и спѣшившими креститься отъ него во Іорданѣ въ знакъ покаянія и вѣры въ настоящее всемірное царство Мессіи,—и Онъ, Царь этого

царства, пріемлетъ крещеніе отъ Іоанна, чтобы, если не за Себя, то за все человѣчество исполнить всякую правду. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда Онъ, повидимому, отмѣняетъ нѣкоторыя постановленія Моисеева закона, производитъ въ немъ, выражаясь современнымъ языкомъ, реформы, Онъ не нарушаетъ законъ, а только возстановляетъ его смыслъ и силу, а вмѣстѣ съ этимъ возстановляетъ и защищаетъ права Бога и народа, попираемыя книжниками и фарисеями. Называя Себя господиномъ и субботы напр., Онъ не приписывалъ Себѣ, какъ человѣку, того, что принадлежитъ Богу, а выражаетъ только то, что суббота есть день отдыха и покоя, Самимъ Богомъ назначенный въ пользу трудящагося въ потѣ лица человѣка, есть символъ его примиренія съ Богомъ и людьми, его искупленія и освобожденія отъ всѣхъ золъ земной жизни, и что, лишая народъ этого благословенія Божія, данаго ему въ субботѣ, фарисеи восхищаютъ себѣ право, которое не принадлежитъ имъ, и отнимаютъ его у народа, которому оно дано. Точно также и очищая храмъ отъ торговцевъ и мѣнялъ, Спаситель не ставитъ Себя на мѣсто Бога и не присвоиваетъ Себѣ божественныхъ правъ, а защищаетъ права Бога и народа на приличіе и тишину въ святилищѣ, безъ которыхъ невозможны общественная молитва и благоговѣйное жертвоприношеніе. Праву же Божественному удовлетворяетъ Онъ, какъ уже сказано, и всею своею земною жизнію, неся на Себѣ ничѣмъ не заслуженныя скорби и страданія, особенно же умирая смертію грѣшника; ибо Богъ, какъ Творецъ, Законодатель и Промыслитель разумной твари, имѣетъ право на свободное ея повиновеніе Его волѣ, которое есть вмѣстѣ и вѣчное благо самой твари, а слѣдовательно и на соотвѣтствующее наказаніе этого, попирающаго волю Божію, созданія; ставъ во главѣ падшаго человѣчества, Спаситель долженъ былъ испить всю чашу страданій этого человѣчества, чтобы ни одна іота Божественнаго права не осталась неисполненною.

Что касается въ частности до правдивости или вообще до справедливости въ отношеніи къ ближнимъ, то свидѣтельство Апостола, что *не было лести во устахъ Его* (1 Петр. II, 22), подтверждается всѣми рѣчами и всѣмъ поведеніемъ Спасителя въ отношеніи къ ученикамъ Его и ко всему народу. Ни предъ кѣмъ Онъ не скрываетъ и не умаляетъ истины, какъ бы ни горька была она для слушателей Его; призывая человѣчество въ Свое царство, Онъ не обѣщаетъ золотыхъ горъ на землѣ, но указываетъ прежде всего на внутреннее блаженство, неразрывно-связанное съ измѣненіемъ злаго направленія воли на доброе, и выставляетъ на видъ земныя жертвы, которыя долженъ принести всякій, кто хочетъ вступить съ Нимъ въ дѣйствительное общеніе; и прежде чѣмъ кто либо рѣшится послѣдовать за Нимъ, предлагаетъ ему подумать, готовъ ли и способенъ ли онъ къ этимъ жертвамъ. Тотъ же Спаситель, который такъ любитъ и такъ ублажаетъ своихъ ближайшихъ учениковъ, поколику въ нихъ проявляется желаніе слѣдовать за Нимъ, строго обличаетъ ихъ маловѣріе и другіе нравственные недостатки, какъ скоро они открываются въ нихъ; тотъ же Спаситель, который плачетъ съ сестрами Лазаря по сочувствію къ нимъ, не благодаритъ за сочувствіе къ Себѣ женщинъ, плакавшихъ о Немъ, когда Онъ несъ крестъ на раменахъ Своихъ, но обращаетъ вниманіе на предстоящую имъ и ихъ потомству бѣдственную участь; желая всѣхъ грѣшниковъ привлечь въ Свое общеніе, не щадитъ однако же обличеній ни для вождей народныхъ, для фарисеевъ и саддукеевъ, ни для всего народа. Если же Онъ обращается по преимуществу съ мытарями и грѣшниками и, повидимому, оставляетъ безъ вниманія считающихъ себя праведными, то не по предубѣжденію противъ послѣднихъ и не по пристрастію къ первымъ, а потому, что эти чувствуютъ нужду во врачѣ, которой тѣ не хотятъ сознать и потому остаются неспособными къ возрожденію. Если Онъ произноситъ горе всѣмъ богатымъ, пресыщеннымъ, смѣющимся (Лук. VI,

24. 25), то не потому, чтобы ихъ богатство и радости сами по себѣ были предосудительны въ Его глазахъ, а потому, что отдавшись чувственной и эгоистической жизни, они утратили способность къ духовнымъ сокровищамъ, къ радостямъ мирной совѣсти въ общеніи съ Богомъ, которыя для нихъ не имѣютъ никакого значенія. Если Онъ, поэтому, вину своихъ соплеменниковъ ставитъ выше вины Содома и Гоморры, Тира, Сидона и Ниневіи, и если напротивъ незначительное выраженіе искренней любви, оказанное самому малому въ Его царствѣ (Матѳ. X, 12), Онъ обѣщаетъ не оставить безъ вѣчной награды,—то во всемъ этомъ выражается только святая правда, непреложные законы нравственной жизни. Самыя притчи: о работникахъ въ виноградникѣ, получившихъ одинаковую награду, несмотря на то, что одни работали съ ранняго утра, а другіе призваны были уже въ одиннадцатый часъ, или—о получившихъ разные таланты и пріобрѣтшихъ на нихъ не одинаковую прибыль и однако же одинаково награжденныхъ,—притчи, въ которыхъ любовь и правда, повидимому, не мирятся между собою, выражаютъ однако же идею самой строгой справедливости, которая цѣнитъ не количество и не продолжительность работы, не зависѣвшія отъ работниковъ, а готовность ихъ къ работѣ, вѣрность въ ней, послушаніе Божественному зову,—все равно: много или мало оказалось времени или средствъ для этой работы.

Такъ, съ какой бы стороны нравственности ни разсматривалась земная жизнь Спасителя міра, въ ней выражается наивысшее удовлетвореніе общей всѣмъ людямъ нравственной потребности ихъ природы; потому-то Лицо Спасителя міра такъ близко, дорого и священно всѣмъ, въ комъ еще не совсѣмъ погасли истинно-человѣческія, нравственныя стремленія, эти слѣды въ насъ образа Божія; отъ того-то никакія усилія критики, лишенной нравственнаго чувства, не въ состояніи ослабить неотразимое впечатлѣніе свѣта и

жизни, которое вѣсть о Спасителѣ міра производить на отдѣльныхъ людей и на цѣлые народы.

Куда бы ни проникла и гдѣ бы ни была принята эта вѣсть, вотъ уже около двухъ тысячъ лѣтъ распространяющаяся по землѣ, вездѣ она, оживляя врожденные человѣку задатки нравственныхъ силъ и возбуждая его къ сознанію себя личностію, духомъ, царственною властію надъ всѣмъ матеріальнымъ, постепенно освобождаетъ человѣка отъ рабства слѣпымъ силамъ внѣшней и страстямъ собственной его животной природы, располагаетъ къ совершенствованію самопознанія и знанія законовъ жизни внѣшней природы, къ увеличенію всякаго рода умѣнья въ обладаніи и пользованіи ея благами, возвышаетъ и облагораживаетъ искусство и разрушаетъ въ концѣ суевѣрія, идолопоклонство, многобожіе и вообще господствующій во всемъ языческомъ мірѣ натурализмъ въ религіи. Водворяя же въ сердцѣ человѣка радости чистаго нравственнаго чувства— блаженство мира съ Богомъ и съ собою и представляя всѣхъ людей, какъ дѣтей одного Отца небеснаго, тождественныхъ по сущности своей природы не только между собою, но и съ человѣческою природою Единороднаго Сына Божія и Спасителя міра, христіанское благовѣстіе съ одной стороны даетъ значеніе достоинству каждаго человѣка, какое бы ни занималъ онъ положеніе въ обществѣ, и какими бы ни обладалъ индивидуальными особенностями, располагаетъ всѣхъ къ глубокому уваженію взаимныхъ правъ и обязанностей и тѣмъ полагаетъ прочныя и благотворныя основанія для союза семейнаго и общественнаго; съ другой одушевляетъ людей любовію, простирающеюся до самопожертвованія тамъ, гдѣ дѣло идетъ о благѣ ближняго и всего общества; съ той и другой стороны вмѣстѣ евангеліе вездѣ пролагаетъ путь къ улучшенію участи невинно-угнетенныхъ и нуждающихся, слабосильныхъ и больныхъ и окончательно уничтожаетъ рабство, въ какія бы общественныя отношенія оно ни проникло: между побѣдителями и побѣжденными

народами, или между богатыми и бѣдными классами одного и того же народа, или между мужемъ и женою, или между родителями и дѣтьми.

И какъ бы долго ни продолжалось существованіе рода человѣческаго въ настоящихъ земныхъ условіяхъ, вѣсть о Спасителѣ міра, а съ нею и обновленіе всегда раждающихся съ злыми наклонностями поколѣній будетъ продолжаться до скончанія вѣка. Исполнивъ всю волю Отца Своего для искупленія человѣчества и Своею жизнію побѣдивши смерть, Спаситель *предстоитъ* нынѣ, по выраженію св. апостола Павла, *предъ Лицемъ Божіимъ*, какъ *вѣчный Первосвященникъ*, какъ *Ходатай Новаго Завѣта* (Евр. IX, 15. 24. I, 3), Своимъ ходатайствомъ и силою ниспосланнаго Имъ отъ Отца Святаго Духа, непрестанно обновляющій человѣчество.

Какъ совершается обновленіе отдѣльнаго человѣка, или что тоже: какъ онъ дѣлается христіаниномъ,—отвѣтъ на этотъ вопросъ имѣетъ быть предложенъ въ слѣдующемъ чтеніи, которое будетъ и послѣднимъ.

Чтеніе четвертое:

ученіе объ усвоеніи духа Христова падшимъ человѣчествомъ при дѣйствіи благодати: а) призывающей къ вѣрѣ во Христа, б) оправдывающей и в) освящающей вѣрующихъ.

Мм. Гг.

Приготовляя вниманіе ваше къ сегодняшнему отвѣту на вопросъ—что значитъ быть христіаниномъ, въ третьемъ чтеніи я съ одной стороны указалъ: на свободное самопорабощеніе падшаго человѣчества эгоизму и чувственности; на утрату въ немъ не только чистоты нравственнаго чувства, но и дѣйствительной свободы, какъ одинаково сильной какъ къ добру, такъ и ко злу; на утрату или поврежденіе, вслѣдствіе этого, самого понятія о добрѣ и злѣ, какъ о свободно созидаемомъ и неотъемлемомъ отъ человѣка духовномъ настроеніи, и наконецъ на бѣдствія индивидуальнаго и общественнаго существованія, какъ на неизбѣжное проявленіе нравственно-испорченнаго внутренняго настроенія человѣка; съ другой же стороны я пытался обозначить основныя черты человѣчески-нравственнаго добра и совершенства въ Лицѣ Богочеловѣка Христа Спасителя, насколько онѣ могли проявиться въ условіяхъ земной жизни среди нравственныхъ и матеріальныхъ бѣдствій человѣчества и ради спасенія его,— и заключилъ чтеніе указаніемъ на то, что Спаситель нашъ, явивши Собою нравственное добро на землѣ, какъ его понимаетъ самъ Богъ, и, принесши Себя, какъ чистую, непорочную Жертву вѣчному Пра-

восудію за грѣхи человѣчества, предстоитъ нынѣ и человѣческою своею природою одесную престола величія на небесахъ, предъ Лицемъ Божіимъ, какъ вѣчный Ходатай и Первосвященникъ, очищающій грѣхи и обновляющій жизнь всякаго вѣрующаго въ Него.

Своею жизнію на землѣ, смертію, воскресеніемъ, вознесеніемъ на небо, ниспосланіемъ Св. Духа на апостоловъ въ день Пятидесятницы, основаніемъ Церкви и Своимъ вѣчнымъ ходатайствомъ за нее предъ Лицемъ Бога, Христосъ Спаситель, и какъ человѣкъ и какъ Единородный Сынъ Божій, открылъ земному человѣчеству всю о немъ волю Божію; указалъ ему тотъ единственный путь, который для него есть вмѣстѣ и вѣчная истина и истинная вѣчная жизнь; уготовалъ трапезу, брачный пиръ, царствіе, къ которому съ тѣхъ поръ не перестаетъ призывать, по Своему изволенію и въ благопріятное для того время, то тотъ, то другой народъ, то того, то другаго отдѣльнаго человѣка, для ихъ единственно-возможнаго счастія на землѣ и для вѣчнаго блаженства на небѣ,—и это призываніе будетъ продолжать дотолѣ, пока не наполнится весь домъ божественнаго Домовладыки міра—Его Церковь на землѣ.

Чтобы быть христіаниномъ, для этого прежде всего надобно быть призваннымъ къ жизни по образу Христа въ общеніи съ Нимъ и Его послѣдователями: къ Церкви Христовой, къ земному царствію Христову. Мы всѣ уже имѣемъ счастіе быть призванными къ этому. Самое названіе общества послѣдователей Христовыхъ: Ἐκκλησία,—на томъ языкѣ, на которомъ преимущественно апостолы призывали людей къ царствію Божію, — означаетъ общество именно *призванныхъ*. Что же выражается этимъ словомъ: *призваніе?*

Чтобы понять, что это за дѣйствіе, будемъ помнить, что оно первоначально обращено было и доселѣ, когда дѣло идетъ о вступленіи въ Церковь невѣрующихъ, обращается только къ тѣмъ, кто внѣ Церкви и кто не позналъ еще Спасителя. Св. апостолы—эти

самовидцы и служители Слова, которое отъ вѣка было у Бога, когда они въ день Пятидесятницы удостоились даровъ Св. Духа и когда, кромѣ нихъ и ихъ немногочисленныхъ друзей, весь міръ состоялъ не изъ христіанъ, а изъ іудеевъ и язычниковъ, обратились съ призваніемъ именно къ этимъ іудеямъ и язычникамъ. Что же значило для іудеевъ и язычниковъ быть призванными къ Царствію Христову?

Это означало услышать *Евангеліе*, благую вѣсть—проповѣдь о Распятомъ и Воскресшемъ, съ какою напр. св. ап. Петръ обратился къ іудейскому народу тотчасъ по сошествіи Св. Духа на апостоловъ, и какую потомъ апостолы, какъ устно, такъ и чрезъ посланія, какъ словомъ, такъ и дѣломъ, не переставали распространять въ теченіе всей ихъ жизни;—ту же самую проповѣдь, которая и до нынѣ слышится въ словѣ и жизни не только истинныхъ учителей и служителей церкви, но и всякаго живаго христіанина. Это означало слышать, что есть живый, личный Богъ, котораго люди забыли и потому гибнутъ и нравственно и матеріально; что Онъ не помнитъ болѣе преступленій человѣчества и не хочетъ его погибели, но хочетъ всѣмъ спастись и въ разумъ, пониманіе истины придти; что Онъ такъ возлюбилъ міръ, что Сына Своего Единороднаго отдалъ въ очистительную жертву за грѣхи міра; что въ жизни этого Сына на землѣ явилось добро, какъ его понимаетъ Самъ Богъ, и побѣждено зло, какъ его создало въ себѣ человѣчество; что отдавшись водительству этого Сына и ниспосланнаго Имъ отъ Отца Святаго Духа, человѣкъ и на землѣ найдетъ жизнь, полную глубокой отрады, внутреннее царствіе Божіе, къ которому всѣ прочія земныя блага приложатся сами собой, и въ будущей жизни раздѣлитъ съ Своимъ Спасителемъ славу Его блаженнаго безсмертія.

Быть призваннымъ значитъ по волѣ Божіей оказаться въ сферѣ дѣйствія евангельской проповѣди, въ сферѣ *оглашенія* — жи-

ваго слова о Богѣ и Его дѣлахъ, о человѣкѣ въ его настоящемъ состояніи и будущей судьбѣ, и обо всемъ домостроительствѣ нашего спасенія;—въ чинѣ тѣхъ *оглашенныхъ*, но еще некрещенныхъ, о которыхъ до сей поры въ церкви слышатся молитвы за литургіею оглашенныхъ, и которые, какъ еще не оправданные и не освященные, не могутъ участвовать въ великихъ Таинствахъ Церкви.

Слово Божіе, Евангеліе, благая вѣсть о Распятомъ и Воскресшемъ, чрезъ кого бы она ни доходила до слуха невѣдущихъ Бога, чрезъ апостоловъ ли, или чрезъ всякаго живаго христіанина при его сношеніяхъ съ нехристіанами, *есть первое орудіе той божественной силы*, которую мы назвали *особенною*, или *христіанскою благодатію*, благимъ, ничѣмъ со стороны человѣка не заслуженнымъ и независящимъ отъ его воли *даромъ* [1]). Достигая до слуха людей, оно есть не звукъ только, но, какъ говоритъ самъ Спаситель, *духъ и жизнь* (Іоан. VI, 63), или какъ говоритъ св. ап. Павелъ, *есть мечъ духовный*, живое и дѣйственное *явленіе силы* (Еф. VI, 17); *вселялся въ насъ обильно* (Кол. III, 16), пребывая въ насъ (Іоан. VI, 38), оно есть *сѣмя*, изъ котораго, по

---

[1]) Еврейское *генъ, гесетъ*, греческое χάρις, латинское gratia имѣли довольно разнообразное значеніе въ древнемъ еврейскомъ и классическомъ мірѣ. Въ Новомъ Завѣтѣ слово: *благодать* — получило двоякое значеніе: а) *божественнаго свойства* б) *божественнаго дара или силы, дѣйствующей ко спасенію*. Дѣйствія *благодати въ силу заслугъ Искупителя, какъ спасающей силы Божіей* или какъ *дара Св. Духа*, независимаго и отличнаго отъ духовныхъ силъ самого падшаго человѣка,—отъ его разума, свободы и совѣсти, и разумѣются здѣсь, гдѣ идетъ рѣчь объ орудіяхъ *христіанской благодати*, въ отличіе отъ *всеобщей или промыслительной благодати*, которой мы коснулись въ третьемъ чтеніи. Этихъ понятій, кажется, не разграничиваетъ и преосв. Ѳеофанъ, глубже всѣхъ нашихъ богослововъ касающійся вопроса объ отношеніи благодати къ свободѣ въ падшемъ человѣкѣ. Познакомившись съ его сочиненіемъ: «Путь ко спасенію», я съ радостію встрѣтилъ въ немъ многія мысли, которыя считалъ за правильныя. Нѣкоторыя изъ этихъ мыслей съ глубокою благодарностію къ автору привожу буквально въ этомъ чтеніи.

слову Спасителя, выростаетъ царствіе Божіе (Матѳ XIII,—сп. 1 Іоанн. III, 9), и оно-то прежде всего *роднитъ* нашъ духъ съ духомъ Христовымъ (Матѳ. XII, 41 — 50); оно-то, слово истины, прежде всего и *очищаетъ и возрождаетъ насъ* (Іоан. XV, 3; Іак. I, 18) и низводитъ на насъ Духа Святаго (Галат. III, 2); потому-то и христіане называются *возрожденными не отъ тлѣннаго сѣмени, но отъ нетлѣннаго, отъ слова Божія, живаго и пребывающаго во вѣкъ; а это и есть то слово*, говоритъ св. Апостолъ, *которое вамъ проповѣдано* (1 Петр. I, 23—25). Короче сказать: *оно есть сила Божія ко спасенію всякому вѣрующему* (Римл. I, 16). И гдѣ нѣтъ дѣйствія этой силы, гдѣ нѣтъ слова о Христѣ и гдѣ нѣтъ слышащихъ это слово, тамъ нѣтъ и никакого призванія ко Христу: *какъ вѣровать въ Того, о комъ не слыхали? Какъ слышать безъ проповѣдующаго* (Римл. II, 14)?

Что же производитъ евангельское слово въ человѣкѣ, невѣдущемъ Христа, призываемомъ ко Христу? На это можно было бы отвѣтить прямо: *покаяніе и вѣру;* потому что первыя слова какъ Іоанна Крестителя были: *покайтесь... се Агнецъ Божій, который беретъ на себя грѣхъ міра* (Матѳ. III, 2; Іоан. 1, 29), такъ и Спасителя: *покайтесь и вѣруйте въ Евангеліе; приблизилось Царствіе Божіе* (Марк. I, 15)! Но прежде, чѣмъ говорить о покаяніи и вѣрѣ, мы не должны забывать, что человѣкъ самъ по себѣ не можетъ ни каяться, ни вѣровать *во Христа*, и притомъ каяться и вѣровать такъ, *какъ должно;* такъ какъ его нравственное чувство не чисто, его инстинктивное влеченіе къ добру ослаблено, его свобода, воплощенная во злѣ связана имъ въ отношеніи къ добру.

На эти-то внутреннѣйшія силы нашего духовнаго существа, на врожденное, но собственною свободою обезсиленное, влеченіе къ добру, на нравственное чувство, какъ проявленіе этого влеченія, прежде и вліетъ слово Божіе: *никто не можетъ придти ко*

Мнѣ, говоритъ Спаситель, *если не привлечетъ его Отецъ, пославшій Меня* (Іоан. VI, 44), если не привлечетъ именно тогда, когда Посланный *уже явился* въ мірѣ. Вотъ это-то влеченіе ко Христу, при Его личномъ явленіи или при словѣ о Немъ, влеченіе пока безсознательное, но тѣмъ не менѣе *дѣйственное*, и составляетъ тотъ *новый мотивъ въ природѣ падшаго человѣка*, который даетъ его свободѣ, порабощенной злу, дѣйствительную возможность не только бороться съ этимъ зломъ но и побѣждать его. Что это влеченіе оживаетъ подъ дѣйствіемъ слова Божія, это мы видимъ изъ примѣра напр. Лидіи, женщины изъ города Ѳіатиръ (Дѣян. XVI, 13, 14). Ей пришлось, или лучше, Господь далъ ей случай слышать разговоръ св. ап. Павла о Христѣ съ собравшимися въ молитвенномъ домѣ этого города другими женщинами; и когда она слушала, Господь, по замѣчанію Апостола, *отверзъ ея сердце внимать* тому, что говорилъ Апостолъ; вниманіе къ слову есть слѣдствіе возбужденнаго влеченія къ тому, о чемъ говорится. Это влеченіе отозвалось въ Лидіи чувствомъ, интересомъ къ словамъ истины, къ которымъ затѣмъ приковалось и ея вниманіе, ея мысль. Но такъ какъ въ падшемъ человѣкѣ зло срослось съ его существомъ, и всякое оживленіе нравственнаго влеченія и чувства должно производить на злое настроеніе впечатлѣніе, похожее на прикосновеніе къ глубочайшей, смертельной ранѣ въ умирающемъ организмѣ, то мы и видимъ, что когда сила слова Божія обращаетъ вниманіе человѣка на его зло, то сердце его исполняется мучительныхъ чувствованій, какъ бы пронзается болью, какъ *проколены или пронзены* были этимъ словомъ *насквозь* сердца іудеевъ слушавшихъ проповѣдь св. ап. Петра по сошествіи Св. Духа [1]) и они спрашивали: „что намъ дѣлать, мужіе — братіе?“ Когда же вниманіе словамъ Божіимъ обращается наоборотъ — на тѣ блага, которыя открываются намъ въ Сынѣ Божіемъ,—то сердца

[1]) Слушатели κατενύγησαν τῇ καρδίᾳ.—Дѣян. II, 37.

людей *радостно горятъ*, какъ горѣли сердца учениковъ, шедшихъ въ Эммаусъ, когда неузнанный ими Спаситель говорилъ съ ними во время пути и изъяснялъ писанія (Лук. XXIV, 32).

Но если влеченіе человѣческой природы къ добру усилено, нравственное чувство и совѣсть оживлены, то и умъ человѣка или его мысль, поколику она освѣщена съ одной стороны этими внутренними состояніями, съ другой — предметомъ или содержаніемъ слова, возбуждающимъ эти состоянія, не можетъ не сдѣлаться особенно воспріимчивымъ къ уразумѣнію и усвоенію слова. Вотъ почему и св. Писаніе къ дѣйствіямъ слова евангельскаго относитъ не только *влеченіе* человѣка ко Христу, не только *отверстіе* его *сердца* ко вниманію слова, но и *отверстіе* его *очей*, или, что тоже, ума, какъ способности различенія свѣта отъ тьмы, добра во всей его красотѣ отъ зла во всемъ его безобразіи. *Я теперь посылаю тебя*, говоритъ Савлу явившійся ему на пути въ Дамаскъ Спаситель, *къ язычникамъ открыть глаза имъ, чтобы они обратились отъ* (духовной) *тьмы къ свѣту и отъ власти сатаны къ Богу и вѣрою въ Меня получили прощеніе грѣховъ и жребій съ освященными* (Дѣян. XXVI, 12—18).

Если мы припомнимъ, что нравственная свобода не мыслима безъ нравственнаго чувства, указывающаго въ свою очередь на безсознательное нравственное влеченіе, и что такая свобода утрачена въ падшемъ человѣкѣ, осуществившемъ ее больше въ злѣ, чѣмъ добрѣ: то всѣ измѣненія, совершаемыя призывающею евангельскою благодатію въ нравственной природѣ падшаго человѣка, независимо отъ участія его собственной воли, вмѣстѣ взятыя, могутъ быть названы возстановленіемъ свободы падшаго человѣка. *Влеченіе* Отца къ Сыну при явленіи Его или *чрезъ слово* о Немъ, *отверстіе сердца и отверстіе очей ума*, совершаемыя въ падшемъ человѣкѣ призывающею благодатію помимо и независимо отъ его воли, и есть возстановленіе всѣхъ условій для новаго направленія

истинно *свободной* дѣятельности человѣка. *Если Сынъ освободитъ васъ*, говоритъ Спаситель, освободитъ именно *чрезъ слово, то истинно свободны будете* (Іоан. VIII, 31. 36. 37). „Въ моментъ воздѣйствія благодати“, говоритъ одинъ изъ отечественныхъ богослововъ, „человѣкъ хорошо *видитъ все безобразіе свое* внутри, и не только видитъ, но и *чувствуетъ*... Его *грызетъ совѣсть*... Но тутъ же дается ему нѣкоторое *ощущеніе и сладости жизни въ Богѣ*. Если не дать сего, — сладость грѣха, какъ уже извѣдавшая, сильнѣе влекла бы его къ себѣ, нежели добро, и выборъ бы падалъ не на сторону сего послѣдняго, какъ и бываетъ въ задумываніяхъ перемѣниться *безъ благодатнаго возбужденія*. Ибо то общій законъ: ignoti nulla cupido, т. е. чего не знаешь, того и не желаешь. Но когда въ благодатномъ возбужденіи дается ему вкусить сладость добра, то оно *начинаетъ привлекать его* къ себѣ, какъ уже извѣданное, вѣдомое и ощущаемое“.— Короче: дѣль возбужденія благодатнаго и *сила его въ томъ*, что оно извлекаетъ человѣка изъ узъ грѣха и *поставляетъ его на точкѣ безразличія между добромъ и зломъ*... *Вѣсы воли нашей*, въ которыхъ она склоняется то на ту, то на другую сторону, должны *стоять* теперь *въ уровень*... Возбужденный поставляется благодатію въ *среднее между грѣхомъ и добродѣтелію состояніе*... *Человѣкъ стоитъ теперь точно между двумя распутіями и ему предлежитъ рѣшительный выборъ* [1]).

Вотъ что значитъ для человѣка быть *призваннымъ* ко Христу словомъ божественной истины! Но очевидно, что это *значитъ не сдѣлаться христіаниномъ, а только получить способность къ тому*. Это состояніе человѣка подъ вліяніемъ благодати есть то состояніе блуднаго сына въ евангельской притчѣ, когда онъ, умирая съ голоду за недостаткомъ и той пищи, которою питались

[1]) «Путь ко спасенію» краткій очеркъ аскетики соч. еп. Ѳеофана. Изд. 3. 1875 г. стр. 138, 139.

нечистыя животныя, вспомнилъ объ отеческомъ домѣ и о довольствѣ, которымъ наслаждаются тамъ даже наемники. Онъ вспомнилъ [1]), повязка съ его глазъ спала, его сердце согрѣлось при этомъ воспоминаніи, энергія оживилась; но рѣшится ли онъ возвратиться къ отцу? Или: это состояніе походитъ на состояніе спавшаго тяжелымъ, полнымъ страшныхъ грезъ, сномъ больнаго человѣка, который утромъ подъ вліяніемъ лучей свѣта невольно открываетъ глаза и — долженъ бы теперь встать. Встанетъ ли онъ?... Въ такое-то состояніе, конечно, поставлены были явленіемъ Мессіи всѣ тѣ іудеи, къ которымъ обращены послѣднія для нихъ на землѣ слова Спасителя: *вы не захотѣли, и потому оставляется вамъ домъ вашъ пустъ* (Мато. XXIII, 37. 38). Самому человѣку призывающая благодать предоставляетъ рѣшить свою участь: или возвратиться къ Отцу—*обратиться*, или *ожесточиться*, коснѣть во грѣхахъ.

Куда же обратиться? Въ чемъ состоитъ *обращеніе?* Въ *покаяніи* и *вѣрѣ*, или однимъ словомъ—въ *покаянной вѣрѣ.*

Все содержаніе слова Божія, какъ ветхозавѣтнаго, такъ и новозавѣтнаго, вліяя на всѣ силы человѣческаго духа, не иное можетъ *вызывать свободное его воздѣйствіе*, какъ только совокупность такихъ *внутреннихъ движеній* мысли, чувства и воли, которыя составляютъ или: *покаяніе и вѣру*,—или: *ожесточеніе во злѣ* и *невѣріе.*

---

[1]) Это невольное воспоминаніе не то означаетъ, что падшій человѣкъ можетъ, подъ вліяніемъ внутреннихъ и внѣшнихъ бѣдствій, самъ догадаться, какъ хорошо жить въ домѣ Отца небеснаго и какъ возвратиться туда, а очевидно то, что *откровенное слово Божіе указываетъ* ему на эту жизнь и даетъ возможность оцѣнить ее по сравненію съ его бѣдствіями, которыя подъ вліяніемъ евангелія и сами сознаются живѣе и правильнѣе. Чтобы каяться и вѣровать, для этого необходима внѣшняя и внутренняя возможность къ тому; поколику эта возможность есть чистый даръ благодати, призывающей ко Христу, постолику и само покаяніе и сама вѣра суть *даръ Божій, благодать;* но это отнодь

Добро, требуемое ветхозавѣтнымъ закономъ, осуществленное въ истинномъ духѣ жизнію Спасителя міра, побѣдившее въ Его Лицѣ смерть и прославленное Отцемъ небеснымъ, когда оно чрезъ слово освѣщаетъ нравственное сознаніе падшаго человѣка, то освѣщаетъ какъ всю глубину и порочность его *настроенія*, такъ и всю массу содѣянныхъ имъ злыхъ внѣшнихъ *поступковъ;* а вмѣстѣ съ этимъ дастъ ему чувствовать и сознавать какъ то, что все это зло есть дѣло его свободы, такъ и то, что требованія нравственныя суть требованія Личнаго, Всесильнаго, и Всеправеднаго Бога, предъ Которымъ онъ теперь оказывается безъизвинительнымъ, безотвѣтнымъ. Если призываемый не бѣжитъ, не отворачивается отъ этого свѣта, — а напротивъ желаетъ находиться подъ его вліяніемъ, то вполнѣ понятно, какъ въ немъ подъ дѣйствіемъ благодати возникаютъ и возрастаютъ: страхъ предъ *божіимъ правосудіемъ* и ожиданіе близкихъ—временныхъ, и отдаленныхъ—вѣчныхъ, бѣдствій; презрѣніе *къ себѣ*, потому что самъ былъ виною своего нравственнаго развращенія; *стыдъ предъ другими людьми*, потому что самъ сдѣлался поношеніемъ человѣковъ и уничиженіемъ людей; наконецъ чувство *собственнаго нравственнаго безсилія и безпомощности* выйти изъ своего нравственнаго состоянія довершаетъ внутреннее потрясеніе человѣка; онъ и хотѣлъ бы теперь сдѣлать свои дѣла несдѣланными, но они уже не въ его власти; хотѣлъ бы съ корнемъ вырвать изъ себя самаго живущее въ немъ злое настроеніе, но оно органически срослось со всѣмъ духовнымъ существомъ его; хотѣлъ бы нравственно умереть, чтобы возстать въ лучшемъ состояніи, но это выше его силъ. *Я умираю* съ голоду, говорилъ въ этомъ состояніи блудный сынъ (Лук. XV, 17). *Что сотворимъ*, спрашивали въ этомъ состояніи слушавшіе обличенія Іоанна

не значитъ, чтобы каялся и вѣровалъ не *самъ* человѣкъ, или чтобы благодать *за него* могла производить то, что свойственно только *грѣшному* человѣку.

Крестителя; *что сотворимъ*, повторяли потомъ іудеи, слушавшіе проповѣдь Ап. Петра (Лук. III, 10. 12. 14. Дѣян. II, 37).

Вотъ въ этомъ-то состояніи, которое близко къ отчаянію, если *призываемый не бѣжитъ отъ слова Божія, а желаетъ оставаться подъ его вліяніемъ*, какъ роса небесная падаютъ на сухую почву его сердца евангельскія слова вѣчной Правды и Любви: *блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ есть царство небесное; блаженны плачущіе, ибо они утѣшатся; блаженны кроткіе, ибо они наслѣдуютъ землю; блаженны алчущіе и жаждущіе правды, ибо они насытятся.* Въ духѣ человѣка возникаетъ *предрасположеніе къ той первой истинно христіанской религіозной добродѣтели*—основанію покаянія, которая называется *смиреніемъ* и которая, ограждая грѣшника отъ отчаянія, дѣлаетъ для него возможною искреннюю *молитву* о помощи; будучи уже само по себѣ живымъ *противочувствіемъ* какъ *эгоизму*, такъ и всѣмъ тѣмъ *чувственнымъ* страстямъ, которыми обыкновенно питается эгоизмъ и ради которыхъ извращаетъ свои отношенія къ другимъ, смиреніе, чѣмъ болѣе углубляется, тѣмъ болѣе сопровождается самоосужденіемъ, страхомъ предъ Богомъ и молитвой къ Нему о Его помощи, и тѣмъ болѣе расшатываетъ связывающія человѣка эгоистическія и чувственныя узы; обаяніе зла мало по малу исчезаетъ, напротивъ болѣе и болѣе обнажается его безобразіе, которое и начинаетъ возбуждать къ себѣ отвращеніе, омерзеніе; духовная физіономія *я*—падшаго человѣка, доселѣ покрытаго и обезображеннаго страстьми, такимъ образомъ начинаетъ свѣтлѣть нѣкоторыми истинно человѣческими чертами, которыя тѣмъ болѣе обозначаются, чѣмъ болѣе сѣмя слова Божія западаетъ въ глубь духа и чѣмъ болѣе оно обращаетъ его къ Богу.

Указывая на Бога, какъ на Судію и Мздовоздаятеля, Евангельская проповѣдь указываетъ на Него и какъ на Отца всеблагаго, и на Его Единороднаго Сына, какъ на превышающую всякій умъ

Жертву, принесшую въ умилостивленіе Правдѣ Божіей за грѣхи всего міра; и на торжество добра надъ зломъ, явленное въ воскресеніи, вознесеніи на небо и сѣденіи Спасителя одесную Отца,—и на св. Духа Утѣшителя, Своимъ паитіемъ всегда готоваго даровать сердцу человѣка сладость мира съ Богомъ и самимъ собою,—и энергіи его я—силу для полнаго торжества надъ зломъ со всѣми его послѣдствіями и во времени и въ вѣчности. Указывая на все это, Слово Божіе говоритъ человѣку: *только вѣруй въ Господа Іисуса Христа, и спасешься ты и домъ твой* (Дѣян. XVI, 31). *Покаяніе* вводитъ уже падшаго человѣка въ *жизнь* вѣры (Дѣян. XI, 18); оно есть уже признакъ этой жизни; ибо оно также не отдѣлимо отъ вѣры, какъ правильное пониманіе зла и отвращеніе къ нему не отдѣлимо отъ такого же пониманія добра и влеченія къ нему, какъ понятіе о Богѣ Всесильномъ и Праведномъ неотдѣлимо отъ понятія о Немъ, какъ о Всеблагомъ и Милосердомъ,—какъ проповѣдь о Распятомъ не отдѣлима отъ проповѣди о Воскресшемъ, – какъ слово Спасителя и Апостоловъ: „покайтесь“,—не отдѣлимо отъ другаго: „и вѣруйте въ Евангеліе“.

Вмѣстѣ съ углубленіемъ сознанія зла въ себѣ и своего нравственнаго безсилія и ничтожества, вмѣстѣ съ усиленіемъ самоосужденія и страха предъ Правосудіемъ Божіимъ, въ призываемомъ, подъ вліяніемъ Евангельской благодати, возрастаетъ сознаніе величія и привлекательность красоты добра, *какъ оно явилось въ жизни Іисуса Христа съ Его побѣдою на всѣми послѣдствіями грѣха:* надъ смертію, вліяніемъ злыхъ духовъ и надъ вѣчными мученіями; а вмѣстѣ съ этимъ зараждается и вѣра въ Сына Божія въ различныхъ смыслахъ сего слова: и 1) въ смыслѣ *довѣрія* Его словамъ и дѣламъ, какъ правдивымъ, искреннимъ, непреложнымъ. Такое довѣріе называется на языкѣ школы *вѣрою историческою.* О такой вѣрѣ говоритъ напр. Спаситель Никодиму: *если Я сказалъ вамъ о земномъ и вы не вѣрите, какъ повѣрите, если буду гово-*

рить вамъ о небесномъ (Іоан. III, 12); такъ же понимаетъ вѣру Евангелистъ, когда говоритъ о Спасителѣ, что Онъ не ввѣрялъ Себя тѣмъ многимъ, которые *только изъ-за Его чудесъ увѣровали во имя Его* (Іоан. II, 23). 2) Въ смыслѣ *непоколебимой надежды на помощь Божію и на исполненіе обѣтованій Божіихъ* такою вѣрою, по словамъ св. Ап. Павла, ветхозавѣтные праведники побѣждали царства, получали обѣтованія, укрѣплялись въ немощи, были крѣпки на войнѣ и пр. (Евр. XI гл.); въ частности *надежды на помощь чудодѣйственную: имѣйте вѣру Божію. Ибо истинно говорю вамъ: если кто скажетъ горѣ сей: подвигнись и ввергнись въ море, и не усумнится въ сердцѣ своемъ, но повѣритъ, что сбудется по словамъ его, будетъ ему, что ни скажетъ* (Марк. XI, 22. 23);—*надежды, въ особенности, на спасеніе благодатію: мы вѣруемъ*, говоритъ св. Ап. Петръ, *что благодатію Господа Іисуса Христа* (а не исполненіемъ ветхозавѣтныхъ религіозныхъ обрядовъ) *спасаемся* (Дѣян. XV, 11); на конецъ 3) въ смыслѣ, обнимающемъ собою оба первые вида вѣры и прибавляющемъ къ нимъ новое значеніе прямо *практическаго направленія всей жизни человѣка*, именно: значенія *послѣдованія за Христомъ, вступленія въ число Его учениковъ*—не какъ слушателей только Его ученія, а какъ слушателей и исполнителей вмѣстѣ, и еще больше исполнителей, чѣмъ слушателей,—значеніе *принятія Христа всѣми силами души*, иначе: значеніе вѣры во Христа, какъ *всецѣлой личной преданности Ему, какъ своему Богу и Спасителю, въ своихъ мысляхъ, чувствованіяхъ и дѣлахъ* [1]).

---

[1]) Едвали можно къ понятію *вѣры во Христа Спасителя* отнесть тѣ выраженія Св. Писанія о вѣрѣ, въ которыхъ подъ нею разумѣется или нравственное качество—*вѣрность* вообще (πίστις Римл. III, 3); или *нравственное убѣжденіе*, признаніе *какого-либо дѣйствія* за согласное или несогласное съ нравственнымъ закономъ (*все, что не по вѣрѣ, грѣхъ* Римл. XIV, 22. 23); или даже *сумму* тѣхъ *истинъ*, которыя заключаются въ Словѣ Божіемъ и которымъ можно вѣрить и невѣрить. (Гал. III, 2. 5).

Въ этомъ послѣднемъ значеніи понимаетъ вѣру самъ Спаситель, когда а) о вѣрующемъ говоритъ, что *вѣрующій въ Него не судится, а невѣрующій уже осужденъ, потому что не увѣровалъ въ Единороднаго Сына Божія* (Іоан. III, 18). Здѣсь актъ вѣры или невѣрія съ одной стороны и оправданіе или судъ съ другой — понимаются, какъ тождезначущія понятія; невѣріе есть осужденіе себя, вѣра есть освобожденіе отъ суда, *оправданіе*. Въ чемъ же состоитъ это осужденіе и это оправданіе или вѣра и невѣріе? *Судъ* (или невѣріе), говоритъ Спаситель, *состоитъ въ томъ, что свѣтъ* (т. е. Я) *пришелъ въ міръ,—но человѣкъ не идетъ къ свѣту, ненавидитъ его;* а оправданіе или вѣра состоитъ въ томъ, что человѣкъ *идетъ къ свѣту* (Іоан. III, 18, 19, 20). *Доколѣ Я въ мірѣ, Я свѣтъ міру: кто послѣдуетъ за Мною, тотъ не будетъ ходить во тьмѣ, но будетъ имѣть свѣтъ жизни* (—9 гл. 5, 8, 12). *Я свѣтъ пришелъ въ міръ, чтобы всякій, вѣрующій въ Меня, не оставался во тьмѣ* (—XII, 46). Хожденіе во свѣтѣ и вѣра, хожденіе во тьмѣ и невѣріе,—другими словами: всецѣлая личная преданность Христу или отвращеніе отъ Него: вотъ значеніе вѣры и невѣрія въ Евангеліи! б) Когда о *невѣрующихъ* говоритъ, что они не *изъ Его овецъ* (—X, 26). Вѣровать во Христа, по Его ученію, значитъ находиться въ такомъ же отношеніи къ Нему, въ какомъ овцы находятся къ пастырю: онѣ знаютъ его, слушаются голоса его и идутъ за нимъ, но не бѣгутъ отъ него, какъ отъ наемника (3. 4. 27). Знать голосъ своего пастыря, проникающій во всѣ силы души, слушаться этого голоса и ходить, куда онъ ведетъ, — все это вмѣстѣ взятое и значитъ вѣровать въ небеснаго Пастыря. в) Когда въ послѣдній день праздника кущей стоялъ Іисусъ и возгласилъ: *кто жаждетъ, иди ко Мнѣ, и пей. Кто вѣруетъ въ Меня, у того, какъ сказано въ Писаніи, изъ чрева истекутъ рѣки воды живой* (Іоан. VII, 37. 28). Вѣровать во Хри-

ста значитъ принимать въ себя, пить воду жизни, иначе: воспринимать въ себя и ассимилировать себѣ Его мысли, чувства и направленіе воли, что возможно только для жаждущаго, т. е. для находящагося въ состояніи покаянія, для сознающаго себя нищимъ въ добрѣ, для плачущаго о своемъ злѣ и для алчущаго и жаждущаго помилованія (оправданія) и силы къ добру. Такой жаждущій, напоенный водою жизни, *будетъ самъ имѣть* въ истинномъ смыслѣ *жизнь въ себѣ самомъ* и давать жизнь — наполять другихъ жаждущихъ.—г) Когда говоритъ: *пріидите ко Мнѣ, возмите иго Мое или крестъ Мой на себя, научитесь отъ Меня, слѣдуйте за Мною* и т. п. (Мтѳ. XI, 28 et saet.),—во всѣхъ этихъ и подобныхъ изрѣченіяхъ Спасителя выражается призваніе слушающихъ къ вѣрѣ, къ званію учениковъ Его, которое въ томъ и состоитъ, чтобы, слушая и видя Учителя, больше и больше знать Его и исполнять все то, что требуется Его словами и дѣлами, однимъ словомъ: пребывать въ Немъ. *Что мы познали Его*, говоритъ евангелистъ Іоаннъ въ томъ же смыслѣ, что: увѣровали въ Него,—*узнаемъ изъ того, что соблюдаемъ Его заповѣди* (1 Іоанн. II. 3). *Потому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики*, т. е. вѣруете въ Меня,—*если будете имѣть любовь между собою*,—или вообще, *если будете соблюдать Мои заповѣди* (Іоан. XIII 35, 14, 15).

Такимъ образомъ вѣра въ Евангеліе есть *во-первыхъ* извѣстное отношеніе освобожденнаго человѣка не къ той или другой только истинѣ Слова Божія, а вообще къ лицу Іисуса Христа, какъ Сына Божія и Спасителя міра. *Если не увѣруете, что это Я*, говоритъ Онъ, *то умрете во грѣхахъ своихъ* (Іоан. VIII, 24). Только личная преданность каждаго отдѣльнаго вѣрующаго Лицу же самого Іисуса Христа и есть основаніе довѣрія и ко всему содержанію Слова Божія, къ каждому отдѣльному изрѣченію, дѣйствію и учрежденію какъ самого Спасителя, такъ и Его пророковъ и апо-

столовъ. Все это содержаніе своимъ центромъ имѣетъ Лице Іисуса Христа, составляетъ выраженіе Его духа, свидѣтельствуетъ о Немъ же. *Кто Ты?*—спрашивали Его фарисеи послѣ того, какъ Онъ сказалъ: „если не увѣруете, что это Я, то умрете во грѣхахъ своихъ (25)“. *Я то,* отвѣтилъ Іисусъ, *что и говорю вамъ.* Т. е. все, въ чемъ Я открываюсь вашему сознанію, чувству и влеченію, все то, что Я говорю и что говоритъ вамъ обо Мнѣ Откровеніе,—все это и есть Я. Въ этомъ смыслѣ Онъ сказалъ народу, спрашивавшему Его: *что намъ дѣлать, чтобы творить дѣла Божіи? Вотъ дѣло Божіе: чтобы вы вѣровали въ Того, Кого Онъ послалъ* (Іоан. VI, 28. 29). *Во вторыхъ* вѣра есть отношеніе человѣка къ Лицу Спасителя не одною какою либо сторопою его духовной природы: она не есть принятіе только Его словъ и поведенія за искреннія и истинныя или вѣра историческая; такую вѣру имѣютъ бѣсы и трепещутъ (Іак. II, 19); только такъ вѣрующіе—временемъ вѣруютъ, а во время искушенія отпадаютъ (Лук. VIII, 13); такая вѣра есть вѣра безъ дѣлъ, и потому мертва (Іак. II, 26). Она не есть также только увѣренность въ чудодѣйственной силѣ Спасителя и сама совершающая чудеса: Спаситель не совершалъ для іудеевъ чудесъ, возбуждающихъ только удивленіе къ Его всемогуществу и всевѣдѣнію, часто запрещалъ говорить о совершенныхъ Имъ чудесахъ, и тѣмъ показывалъ, что вѣра въ Него не есть слѣпое подчиненіе величію всесильной, хотя бы и благотворной, силы, или плодъ внезапнаго ощущенія, возбужденнаго необычайными явленіями въ видимомъ мірѣ. Многимъ, которые во имя Его пророчествовали, изгоняли бѣсовъ и многія чудеса творили, Онъ скажетъ въ послѣдній день: *Я никогда не зналъ васъ; отойдите отъ Меня дѣлающіе беззаконіе* (Мто. X гл., 22. 23). *Если имѣю даръ пророчества,* говоритъ св. ап. Павелъ, *и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе, и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви, то я ничто* (1 Кор.

XIII, 2). Вѣра не есть—далѣе—только надежда на помощь Божію, на обѣтованія Божіи вообще, и въ частности на спасеніе Его заслугами и благодатію: эта надежда, если она не подчиняется всѣмъ другимъ *условіямъ своего осуществленія*, можетъ остаться тщетною, мертвою. Всѣ эти три вида вѣры, правда, входятъ въ понятіе дѣйствительной, спасающей вѣры. И довѣріе къ словамъ и дѣламъ Спасителя и ко всему Откровенію о Немъ необходимо: не пріемля за истину того, что предлагаетъ откровеніе, не признавая Бога во Христѣ, нельзя и стать къ Нему, какъ Богу, ни въ какія личныя отношенія; и вѣра въ чудодѣйственную, благотворную силу Спасителя, полезна для *людей плотскихъ*, приходящихъ къ Нему прежде всего съ надеждою на помощь въ тѣлесныхъ своихъ нуждахъ, какой они не могли найти нигдѣ въ мірѣ; и вѣра, какъ увѣренность въ спасеніи благодатію и вообще въ исполненіи обѣтованій Божіихъ безусловно необходима: безъ этой увѣренности нѣтъ довѣрія вообще къ словамъ Спасителя и въ частности—къ умиротворенію своего сердца, сокрушеннаго покаянными чувствами и къ побѣдѣ надъ зломъ въ мірѣ. Но всего этого не достаточно для того, чтобы быть дѣйствительно обращеннымъ ко Христу; для этого нужна рѣшимость на *дѣйствительное, фактическое послѣдованіе за Христомъ*, на исполненіе всей Его воли получившимъ къ тому возможность человѣкомъ; другими словами: нужна всецѣлая личная преданность Ему, какъ своему Богу и Спасителю, въ своихъ мысляхъ, чувствованіяхъ и поведеніи. Такая *всецѣлая преданность человѣка Лицу Спасителя и Его дѣлу* и есть *спасающая его вѣра* [1]); а съ этимъ и покаяніе его есть такое же все-

[1]) Такая вѣра, очевидно, есть *условіе* крещенія, предшествующее ему; если она называется *спасающею*, то въ томъ только смыслѣ, что составляетъ *первую ступень* спасенія; *вторую* ступень его составляетъ *актъ крещенія и миропомазанія* (который можетъ замѣняться и другимъ, напр. мученичествомъ) съ ихъ внутренними благодатными послѣдствіями или плодами для вѣрующаго.

цѣлое отдѣленіе его *я* отъ созданнаго имъ въ себѣ духовнаго организма зла,—дѣйствительное, внутреннее отвращеніе отъ этого зла затѣмъ, чтобы всецѣло посвятить себя добру.

Такимъ образомъ вѣра и покаяніе составляютъ двѣ стороны одного нераздѣльнаго акта обращенія человѣка ко Христу, и потому могутъ быть выражены однимъ словомъ: *покаянная вѣра*. Эта покаянная вѣра называется *обращеніемъ* потому именно, что съ одной стороны она есть отвращеніе человѣка отъ живущаго въ немъ зла, ненавидѣніе его, съ другой—направленіе всего *я* со всѣми его силами ко Христу и Его дѣлу.

Такая покаянная вѣра, подъ вліяніемъ христіанской благодати, созидается безъ сомнѣнія постепенно, — не въ одинъ, не въ два, такъ сказать, пріема, а въ неисчислимомъ количествѣ внутреннихъ движеній всѣхъ силъ духа, пока въ немъ не образуется наконецъ болѣе или менѣе прочное, покаянно-вѣрующее *настроеніе* [1]). Получая свободу отвергнуться или не отвергнуться своего зла, идти или не идти за Христомъ, призываемый болѣе или менѣе долго приходитъ въ себя, всматривается въ свое зло и предлагаемое ему добро, колеблется иногда очень долго, какъ показываетъ опытъ древнихъ оглашенныхъ. Возбуждаемый отъ сна нравственно-больной не разъ пробуетъ подняться съ одра своего,—и не разъ падаетъ назадъ, увлекаемый тяжестію своего зла, которое тѣмъ сильнѣе влечетъ къ себѣ, чѣмъ рѣшительнѣе требуется война противъ него.

Крещенный и Мипропомазанный есть уже въ извѣстномъ смыслѣ *спасенный*; спасеніе въ этомъ смыслѣ очевидно возможно подъ условіемъ уже не одной только вѣры, какъ *внутренняго* настроенія призываемаго. Есть наконецъ *спасеніе* въ иномъ смыслѣ: оправданіе на послѣднемъ судѣ и вѣчное блаженство. Какъ безотчетно употребляется это слово: *спасеніе* и въ учебникахъ и въ спорахъ съ протестантами!

[1]) Примѣръ разбойника на крестѣ или Савла не противорѣчатъ этому положенію; мы не знаемъ, сколько разъ они слышали о Спасителѣ и что происходило въ ихъ душахъ при этой вѣсти *прежде*, чѣмъ они обратились къ Нему.

„Кто видѣлъ“, говоритъ преосвящ. Ѳеофанъ, „какъ малая искра туда и сюда носится въ дымѣ, но все еще какъ бы стоитъ за себя, или какъ малая частица дерева бросается волнующеюся струею то вверхъ, то внизъ, то вправо, то влѣво, тотъ имѣетъ въ этомъ образъ того, что бываетъ (въ періодѣ обращенія) съ благимъ желаніемъ человѣка“ [1]). Пока-то наконецъ смиреніе, самоосужденіе и страхъ Божій съ одной стороны, вѣра и молитвенное настроеніе съ другой — настолько не разрѣютъ въ человѣкѣ, что онъ, подобно блудному сыну, однажды навсегда скажетъ себѣ рѣшительно: встану и пойду къ отцу моему и отдамъ всего себя въ его распоряженіе, какъ одного изъ наемниковъ его.

Этотъ моментъ рѣшимости и есть заключеніе всего акта обращенія, есть тотъ моментъ, когда падшій человѣкъ самымъ дѣломъ рѣшается сдѣлать то, чего прежде всего требуетъ Спаситель отъ всякаго истинно обращающагося къ Нему, чего Онъ потребовалъ отъ Павла, не смотря на его необычайное обращеніе, и чего требовали апостолы, когда ихъ спрашивали: „что намъ дѣлать мужіе — братіе“, — чего наконецъ требуетъ доселѣ христіанская Церковь отъ всякаго оглашеннаго,—именно: отрекшись отъ зла и сочетаваясь со Христомъ, *крестись и пріимешь даръ Св. Духа*.

Выразивъ предъ Церковію отреченіе отъ зла и рѣшаясь *сочетаться* со Христомъ чрезъ купель крещенія, обращенный дѣлаетъ тоже, что блудный сынъ, когда онъ былъ на пути къ отцу своему. И какъ тамъ—въ притчѣ отецъ встрѣтилъ сына еще далеко отъ дому своего, палъ ему на шею, облобызалъ его, ввелъ въ свой домъ не какъ наемника, а какъ кровнаго сына своего, приказалъ одѣть его наилучшею одеждою, дать перстень на руку его, обуть его ноги и устроилъ для него великій праздникъ, полный радости и веселья; ибо этотъ сынъ пропалъ было, а теперь найденъ, умеръ

---

[1]) «Путь ко спасенію» стр. 148, 149.

было, а теперь ожилъ: такъ и въ св. *таинствахъ Крещенія и Миропомазанія* Богъ изливаетъ на душу падшаго, а нынѣ обратившагося человѣка, чудеса любви своей, которыя неизмѣримо выше всѣхъ чудесъ, когда либо совершавшихся въ области матеріальнаго міра. Любовь Божія совершаетъ въ грѣшной человѣческой душѣ то, что̀ священное Писаніе и Церковь называютъ *оправданіемъ* и *освященіемъ*, однимъ словомъ: *возрожденіемъ* человѣка.

Подъ оправданіемъ разумѣется, по ученію Слова Божія, не то только, что Богъ съ Своей стороны даруетъ грѣшнику прощеніе грѣха, какъ грѣховнаго состоянія и какъ отдѣльныхъ сознательныхъ противо-нравственныхъ дѣйствій; что Онъ снимаетъ съ грѣшника Свое праведное осужденіе и проклятіе; что вмѣняетъ грѣшнику праведность Христову въ его собственную праведность: все это входитъ въ понятіе объ оправданіи. Но въ него входитъ также и то, что оправданный сознаетъ и носитъ въ *себѣ самомъ*, хотя и ничѣмъ незаслуженное, сознаніе и чувство оправданія (Фил. III, 9: *я имѣю* не свою праведность, но праведность отъ Бога по вѣрѣ); что онъ сознаетъ дѣйствительную чистоту своего нравственнаго чувства (1 Іоан. I, 9; Дѣян. XV, 9), хотя и знаетъ, что самъ ничѣмъ не могъ очистить его; что онъ сознаетъ себя наконецъ *полнымъ мира и радости* (Дѣян. VIII, 39. 13. 52 и т. д.), хотя и знаетъ, что своею прежнею жизнію только оскорблялъ и свою совѣсть и Бога. *Не видя* (Іисуса Христа), *но вѣруя въ Него, онъ радуется радостію неизреченною и преславною* (1 Петр. I, 8). *Миръ Божій, который превыше всякаго ума, соблюдаетъ сердце его и помышленія его во Христѣ Іисусѣ* (Филип. IV, 7). *Радуйтесь*, говоритъ Апостолъ оправданнымъ, *всегда во Господѣ и еще говорю—радуйтесь* (—ст. 4).

Короче: оправданіе есть ничѣмъ незаслуженное со стороны человѣка, чудесно дарованное ему состояніе блаженства чистоты нравственнаго чувства или внутренняго *Царствія Божія*, которое, по

Апостолу, есть именно *не пища и питіе, но праведность, и миръ, и радость во Св. Духѣ* (Римл. XIV, 17). И только тогда, когда обращенный обладаетъ *этимъ* Царствіемъ Божіимъ онъ можетъ создать и распространять и во всей окружающей его сферѣ тотъ исполненный правды и мира строй жизни, ту прочность, оживленность общественныхъ союзовъ и отношеній и то матеріальное благоденствіе, въ которыхъ, насколько все это зависитъ отъ отдѣльнаго человѣка, выражается внутреннее Царствіе Божіе, нормальное нравственное развитіе и достоинство человѣческой природы.

Но уже изъ этого видно, что однимъ оправданіемъ человѣкъ не можетъ жить: чувство мира, духовной радости и блаженства, *какъ чувство*, *какъ пассивное состояніе*, еще не составляетъ самодѣятельной жизни, и само по себѣ не есть еще личная энергія къ добру; а эта энергія необходима оправданному потому уже одному, что очищеніе его нравственнаго чувства и прощеніе ему грѣховъ *не уничтожаетъ* въ его грѣховномъ организмѣ *слѣдовъ* тѣхъ злыхъ качествъ, которыя онъ унаслѣдовалъ отъ предковъ или которыя своими собственными злыми дѣяніями создалъ въ себѣ до обращенія ко Христу. Эти злыя наклонности не вмѣняются болѣе оправданному, но сила ихъ не уничтожена; какъ безсознательныя онѣ находятся не въ центрѣ его самосознанія и самоопредѣленія, а на периферіи его; тѣмъ не менѣе, хотя и въ безсознательномъ состояніи они живы въ духовномъ организмѣ оправданнаго и могутъ, помимо его воли, при благопріятныхъ къ тому обстоятельствахъ, возникнуть въ его сознаніи съ великою силою и искушать его ко злу. Поэтому свобода обращеннаго, еще недостаточно воплощенная въ новыхъ нравственно-добрыхъ качествахъ, еще несоздавшая новаго внутренняго строя по всѣмъ отношеніямъ земной жизни, была бы иллюзіею, еслибы не имѣла для себя помощи, достаточно могущественной для того, чтобы искоренить въ себѣ всѣ слѣды ветхаго человѣка.

Спасая падшаго, Богъ дѣлаетъ для него все, что служитъ къ его полному благу на землѣ и въ вѣчности. Усиленіе еще неокрѣпшей энергіи его самоопредѣленія въ добрѣ—силою самого Бога или, что тоже, благодатіею Его и есть то, что разумѣется подъ *освященіемъ человѣка* и что Слово Божіе преимущественно называетъ *даромъ Св. Духа*, когда говоритъ не о чрезвычайныхъ между христіанами первенствующей церкви дарахъ пророчества, новыхъ языковъ, или чудесъ вообще, а о *присущей каждому христіанину* благодатной помощи въ добрѣ. Сознаніе въ себѣ этой силы, какъ отдѣльной отъ силы нашего самоопредѣленія, для насъ *не возможно* уже потому, что она естественно совпадаетъ съ основаніемъ нашей нравственной природы, т. е. съ ея инстинктивнымъ, *несознаваемымъ влеченіемъ* къ добру; влеченіе же къ добру достушно нашему сознанію только чрезъ нравственное чувство, которое, будучи сознано, составляетъ вмѣстѣ съ свободою сущность нашего *я* и можетъ сознаваться только относительно дѣйствій этого *я* [1]).

Слово Божіе и практика православной Церкви показываютъ, что за оправданіемъ человѣка, за прощеніемъ грѣховъ и умиротвореніемъ его совѣсти, обыкновенно слѣдуетъ или же совпадаетъ съ нимъ *освященіе, сообщеніе дара Св. Духа*. Іудеямъ, возбужденнымъ проповѣдію св. ап. Петра о Распятомъ и Воскресшемъ и вслѣдствіе того спрашивавшимъ: что намъ дѣлать,—Апостолъ отвѣтилъ: *покайтеся* (стяжите то настроеніе покаянной вѣры, которое дѣлаетъ васъ способными къ оправданію и освященію) *и да кре-*

---

[1]) Такое же, *не сознаваемое*, но тѣмъ не менѣе *дѣйствительное* вліяніе *всеобщей* или *промыслительной* благодати, составляетъ основаніе того стремленія къ безконечному или къ религіи вообще, которое обнаруживается повсюду и въ язычникахъ. И язычники, почитая ложныхъ боговъ, чтутъ собственно *истиннаго* Бога, только *не сознавая* этого (Дѣян. XVII, 23), не имѣя имение возможности, по нравственной испорченности своей, переработать непосредственныя ощущенія Божества въ правильныя понятія о Богѣ и поставить себя въ должныя отношенія къ Нему.

стится каждый изъ васъ (т. е. какъ уже имѣющій возможность свободной рѣшимости) *во имя Господа Іисуса Христа для прощенія грѣховъ* (т. е. оправданія); *и получите даръ Св. Духа* (освященіе,—Дѣян. II, 38). *Когда явилась благодать и человѣколюбіе Спасителя нашего и Бога*, учитъ св. ап. Павелъ, (Тим. III, 4—7), *Онъ спасъ насъ не дѣлами праведности, которыя бы мы сотворили, а по Своей милости* (только въ силу покаянной вѣры; но какимъ образомъ?), въ первыхъ *банею возрожденія*, т. е. по словамъ того же св. Апостола въ другихъ мѣстахъ (Еф. V, 26; Дѣян. XXII, 16) *водною банею очищенія или омовенія грѣховъ*; и затѣмъ во вторыхъ — *банею обновленія Св. Духомъ, Котораго Онъ излилъ на насъ обильно чрезъ Іисуса Христа, Спасителя нашего*, т. е. чрезъ освященіе; *чтобы*, заключаетъ Апостолъ, *оправдавшись Его благодатію, мы по упованію содѣлались наслѣдниками вѣчной жизни.* Приведемъ еще одно изрѣченіе того же Апостола въ доказательство неразрывной связи освященія съ оправданіемъ въ дѣлѣ земнаго спасенія человѣка. *Нѣкоторые изъ васъ*, говоритъ онъ о христіанахъ изъ язычниковъ, *были неправедны* (идолослужители, блудники и пр.), *но освятились, но оправдались именемъ Господа нашего Іисуса Христа* (въ крещеніи) *и Духомъ Бога нашего* (чрезъ возложеніе рукъ или Муропомазаніе, I Кор. VI, 11).

Оправданіе и освященіе и во времена апостольскія совершались и доселѣ въ православной церкви совершаются въ непосредственно одно за другимъ слѣдующихъ, видимыхъ дѣйствіяхъ, называемыхъ таинствами Крещенія и Миропомазанія (или возложенія рукъ). Рожденіе какъ *отъ воды*, такъ и *отъ Духа*, по ученію самого Спасителя, составляетъ совмѣстный актъ *возрожденія* человѣка или его земнаго спасенія. *Если кто не родится отъ воды и Духа, то не можетъ войти въ Царствіе Божіе* (Іоан. III, 5). Какъ при крещеніи Его самого въ Іорданѣ видимо сошелъ на Него Святый

Духъ въ видѣ голубя, такъ и крещеніе всякаго христіанина *въ оставленіе грѣховъ* соединяется съ сообщеніемъ ему *дара Св. Духа.* Бывали, правда, и въ первенствующей церкви случаи, когда за крещеніемъ не тотчасъ слѣдовали низведеніе Св. Духа на новокрещенныхъ: такъ крещенные св. Діакономъ Филиппомъ Самаряне не получили Св. Духа, пока апостолы не услышали объ ихъ крещеніи и не послали къ нимъ Петра и Іоанна, которые помолились о нихъ, возложили на нихъ руки, и они *приняли Св. Духа* (Дѣян. VIII, 14—17). Бывало иногда и такъ, что освященіе совершалось прежде оправданія. Такъ Корнилій сотникъ и съ нимъ собравшіеся для слушанія св. ап. Петра удостоились дара Св. Духа *во время проповѣди, независимо отъ крещенія*, которое однакоже совершено было послѣ (Дѣян. X гл.). Но и тотъ и другой случай, указывая на возможность освященія отдѣльно отъ оправданія (въ римско-католической церкви муропомазаніе или конфирмація и теперь совершается не тотчасъ послѣ крещенія), одинаково свидѣтельствуютъ о томъ, что одно другимъ должно восполняться въ возрожденіи человѣка,— или что одно безъ другаго не спасаетъ на землѣ человѣка, достигшаго самосознательнаго возраста.

Вообще же ученіе объ оправданіи и освященіи чрезъ крещеніе и возложеніе рукъ было такъ общеизвѣстно во времена Апостольскія, что св. ап. Павелъ въ посланіи къ Евреямъ считаетъ излишнимъ и останавливаться на этихъ *началахъ* ученія самого Христа. *Оставивъ начатки ученія Христова*, говоритъ онъ, *поспѣшимъ къ совершенству и не станемъ снова полагать основаніе обращенію отъ мертвыхъ дѣлъ и вѣрѣ въ Бога* (т. е. покаянію и вѣрѣ), *ученію о крещеніяхъ и возложеніи рукъ* и пр. *Невозможно*, говоритъ онъ далѣе, *однажды просвѣщенныхъ и вкусившихъ дара небеснаго* (т. е. крещенныхъ и муропомазанныхъ) *и отпадшихъ опять обновлять покаяніемъ, когда* (т. е. пока) *они*

снова распинаютъ въ себѣ Сына Божія и ругаются Ему (Евр. VI, 1—6).

По уставу православной церкви, непосредственно за крещеніемъ вступающаго въ Церковь и доселѣ слѣдуетъ его мѵропомазаніе; а послѣ мѵропомазанія, окропляя водою новокрещеннаго и мѵропомазаннаго, священникъ, согласно съ тѣмъ же уставомъ, такъ выражаетъ плоды этихъ таинствъ: „*оправдался еси, просвѣтился еси, освятился еси*, омылся еси именемъ Господа нашего Іисуса Христа и Духомъ Бога нашего“; и потомъ, отирая его губкою, повторяетъ: „крестился еси, *просвѣтился* еси, мѵропомазался еси. *Освятился еси*, омылся еси: во имя Отца и Сына и Святаго Духа“. Если изъ этихъ словъ, указывающихъ какъ на внѣшнія, такъ и на внутреннія дѣйствія, совершенныя въ обоихъ таинствахъ, мы остановимъ вниманіе отдѣльно на тѣхъ и другихъ; то окажется, что къ *внутреннимъ* дѣйствіямъ таинствъ Церковь относитъ: *оправданіе* и *освященіе*, однимъ словомъ: просвѣщеніе (тоже, что возрожденіе или обновленіе [1]); а къ внѣшнимъ: крещеніе (омовеніе) и мѵропомазаніе.

Оправданіе и *освященіе* составляютъ такимъ образомъ два нераздѣльныхъ момента возрожденія падшаго и обращеннаго человѣка, которые вмѣстѣ могутъ быть названы однимъ словомъ: возрожденіе или просвѣщеніе.

Очевидно, что если при обращеніи падшаго человѣка чрезъ призываніе, онъ, по мѣрѣ возстановленія его свободы, долженъ былъ *самъ участвовать въ созиданіи въ себѣ покаянной вѣры*,— то своему возрожденію или просвѣщенію, кромѣ *своей покаянной*

[1]) Впрочемъ подъ *просвѣщеніемъ* можно, кажется, разумѣть, въ частности, *призываніе* падшаго человѣка евангельскою благодатію къ покаянію и вѣрѣ во Христа или *оглашеніе* вообще, какъ дѣйствіе, открывающее оглашаемому христіанскую истину, возбуждающее и укрѣпляющее его нравственно-религіозное сознаніе и чувство и подготовляющее къ возрожденію въ таинствахъ.

вѣры во Христа Спасителя, приведшей его къ купели крещенія, онъ ничѣмъ *не могъ* содѣйствовать. И если возрожденіе человѣка въ *новую жизнь на землѣ* правильно можетъ быть названо его *земнымъ спасеніемъ* въ отличіе отъ спасенія въ жизни будущаго вѣка т. е. отъ *оправданія* на послѣднемъ судѣ и отъ *вѣчнаго блаженства;* то и мы, совершенно согласно съ ученіемъ православной церкви, не можетъ оспаривать того протестантскаго или лучше божественнаго ученія, что *человѣкъ спасается только вѣрою*. Не напрасно же и самъ Іисусъ Христосъ называется не только нашимъ искупленіемъ (разумѣется *объективное спасеніе*, въ отличіе отъ плодовъ его для *отдѣльнаго человѣка*), но и *просвѣщеніемъ*, и *праведностію* и *освященіемъ* (1 Кор. I, 30).

Послѣ всего сказаннаго можно уже дать отвѣтъ на вопросъ: что значитъ быть христіаниномъ? Этотъ отвѣтъ будетъ гласить такъ: *быть христіаниномъ значитъ быть не только призваннымъ благодатію Божіею къ покаянію и вѣрѣ во Христа, но и по вѣрѣ во Христа силою этой благодати быть оправданнымъ и освященнымъ*, однимъ словомъ: *возрожденнымъ или просвѣщеннымъ*.

Вѣрующій и въ силу своей вѣры благодатію Божіею возрожденный или что тоже: *христіанинъ* есть уже не блудный сынъ, рѣшившійся возвратиться въ домъ прогнѣваннаго отца своего, чтобы просить его о помилованіи и принятіи въ число наемниковъ, но 1) обновленный во всемъ нравственномъ состояніи своемъ: *кто во Христѣ, тотъ новая тварь; древнее прошло, теперь все новое* (2 Кор. V, 17); облеченный *въ новаго человѣка, созданнаго по Богу въ праведности и святости истины* (Ефес. IV, 22—24); 2) любимый *сынъ* любящаго Отца: *вы не приняли духа рабства, чтобъ опять жить въ страхѣ, но приняли духа усыновленія, которымъ взываемъ: авва отче!* (Римл. VIII, 15). *Тѣмъ, которые приняли Его* (Іисуса Христа), *вѣрующимъ во имя Его, Онъ*

далъ власть быть чадами Божіими, которыя ни отъ крови, ни отъ хотѣнія плоти, ни отъ хотѣнія мужа, но отъ Бога родились (Іоан. I, 12. 13); 3) живущій въ домѣ Отца въ тѣснѣйшемъ общеніи и единеніи съ Нимъ: *разве вы не знаете, что вы храмъ Божій, и Духъ Божій живетъ въ васъ?* (1 Кор. III, 16. 17). *Я живу, но уже не я, а живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. II. 20). *Соединяющійся съ Господомъ есть одинъ духъ съ Господомъ* (1 Кор. I, 17).

Такое единеніе возрожденнаго съ своимъ Богомъ и Спасителемъ, по исконному обычаю православной церкви, и выражается и запечатлѣвается въ св. Таинствѣ причащенія Тѣла и Крови Христовой, которыхъ новокрещенный, какъ уже равноправый членъ Церкви Христовой, по вѣрѣ своихъ воспріемниковъ удостоивается еще въ младенческомъ возрастѣ.

Вотъ какихъ великихъ и неизреченныхъ даровъ удостоился каждый изъ насъ, православные слушатели, въ св. таинствахъ Крещенія и Муропомазанія и неоднократно удостоивался въ св. Причащеніи уже въ младенческомъ и дѣтскомъ возрастѣ! Обо всѣхъ этихъ начаткахъ христіанскаго знанія, о которыхъ уже св. апостолъ Павелъ не хотѣлъ говорить христіанамъ изъ евреевъ, излагается, хотя и сокращенное, ученіе въ нашихъ катихизисахъ, которые тоже называются *начатками*.—Если же, къ общему стыду нашему, кто-нибудь изъ взрослыхъ православныхъ не знаетъ, или забылъ эти начатки, если ученіе о вѣрѣ во Христа Спасителя и о дарахъ Св. Духа по этой вѣрѣ въ первый разъ будто бы кѣмъ-либо изъ православныхъ слышится на Руси изъ устъ нерусскихъ и неправославныхъ [1]),—то трудно и придумать: на кого больше

---

[1]) Читатели знаютъ, какіе толки имѣлись въ виду при этихъ словахъ. На сколько эти толки до меня доходили, — кромѣ стараго, односторонне притомъ понятаго, протестанскаго ученія *о спасеніи или оправданіи одною вѣрою*, а не вѣрою и *дѣлами*, какъ учитъ православная Церковь,—я рѣшительно ничего не

должно пасть обвиненіе въ этомъ? На пасъ ли—служителей слова Божія, которые не научились еще достаточно вразумительно читать его въ храмахъ, и съ любовію и ревностію истолковывать своимъ наставамъ; на того ли или другаго воспріемника или воспитателя, на которыхъ также лежитъ долгъ предъ Богомъ вводить ввѣренныхъ имъ дѣтей въ кругъ покрайней мѣрѣ первоначальныхъ христіанскихъ понятій; на то ли или другое несчастное обстоятельство въ жизни отдѣльныхъ лицъ, допускаемое Промысломъ Божіимъ къ вразумленію нашему и къ возбужденію въ насъ большей ревности о распространеніи духовнаго просвѣщенія между крещенными въ безсознательномъ дѣтскомъ возрастѣ? Но во всякомъ случаѣ да сохранитъ насъ Господь, Пастыреначальникъ нашъ, отъ одного предположенія, будто бы Его Церковь—это общество не только призванныхъ ко Христу, но и возрожденныхъ силою Его Духа,—чтобы ея іерархи, эти преемники всѣхъ апостольскихъ полномочій по божественному непрерывному преемству рукоположенія отъ св. апостоловъ-очевидцевъ самого Спасителя во плоти, — чтобы и другіе священнослужители, имѣющіе свои полномочія чрезъ этихъ архипастырей,—когда-либо и гдѣ-либо сами не знали того, что они дѣлаютъ, Кому и чему служатъ и какими небесными сокровищами распоряжаются, когда читаютъ или проповѣдуютъ Слово Божіе, или когда совершаютъ святыя таинства Церкви!

Если же кто изъ насъ не довольствуется этими презобильно изливаемыми на вѣрующихъ дарами оправданія и освященія; если

нашелъ въ нихъ. Жаль, что и мы, говоря и пиша о *спасеніи*, не различаемъ *спасенія земнаго*, т. е. вступленія въ число спасаемыхъ на землѣ отъ *спасенія въ будущемъ вѣкѣ*, т. е. *оправданія на послѣднемъ судѣ Христовомъ* и отъ *вѣчно блаженной жизни*. Послѣдняго *спасенія* и протестанты не ожидаютъ отъ одной *безплодной* вѣры или отъ вѣры *безъ любви*; а для перваго и мы, если и можемъ говорить о *дѣлахъ*, то *только* о тѣхъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ, которыя со стороны вѣрующаго естественно необходимы при *оглашеніи* (въ выше изъясненномъ смыслѣ) и при *осуществленіи рѣшимости* приступить къ купели крещенія.

кто ищетъ необычайныхъ даровъ: пророчества — въ смыслѣ прозрѣнія въ будущее, новыхъ откровеній, непонятныхъ языковъ, и для этого усиливается по своему истолковывать нѣкоторыя изрѣченія св. апостола Павла о дарахъ Св. Духа въ первенствующей Церкви и нѣкоторые образы въ Апокалипсисѣ [1]), то такимъ мы скажемъ вмѣстѣ съ ап. Павломъ, *что если бы намъ явился дѣйствительно Ангелъ съ неба и сталъ благовѣствовать не то, что намъ положительно* и притомъ *однажды на всегда* открыто въ Сынѣ Божіемъ и что принято всею вселенскою Церковію: то и онъ *да будетъ анаѳема* (Галат. I, 8. 9); что намъ *ясно* дано знать больше, чѣмъ сколько мы можемъ исполнить всею своею жизнію; *что іудеи требуютъ чудесъ и еллины ищутъ мудрости*, а намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ же св. Апостоломъ, достаточно знать *Христа* распятаго, *Божію силу и Божію премудрость* (1 Кор. I, 22. 23). *О временахъ же и срокахъ*, о которыхъ и въ апостольскія времена иные любили толковать, признавалъ *ненужнымъ* писать и св. ап. Павелъ (1 Ѳесс. V, I); не признавалъ *апостольскимъ дѣломъ* знать о нихъ и самъ Христосъ Спаситель, когда уже по воскресеніи Своемъ, во время послѣдней личной бесѣды съ апостолами, предъ минутою вознесенія Своего на небо ска-

---

[1]) При этихъ словахъ разумѣлись тѣ изъ православныхъ, которыхъ жажда даровъ Св. Духа увлекаетъ въ собранія *ирвингіанской*, или, какъ сама она себя называетъ, апостольской общины, въ первой четверти текущаго столѣтія зародившейся, какъ извѣстно, въ Англіи и стремящейся возстановить, по крайнему разумѣнію, чины древней церкви: Апостоловъ, Пророковъ, Ангеловъ (т. е. епископовъ, см. Апокалипсисъ), Учителей и т. п. и разгадать ближайшее будущее въ судьбахъ міра, — и все это при помощи *новыхъ откровеній* или наитій Св. Духа во время собраній ирвингіанъ. Не видя такихъ *новостей* въ нашей Церкви, отъ которой впрочемъ ирвингіане весьма многое истинно древнее заимствовали въ чинѣ богослуженія своего, они полагаютъ и позволяютъ себѣ проповѣдывать въ С.-Петербургѣ, что наша православная церковная жизнь не знаетъ ничего о дарахъ Св. Духа, или о *помазаніи* свыше, которые будто бы и не сообщаются православнымъ.

залъ имъ: *не ваше дѣло знать времена и сроки, которые Отецъ положилъ въ Своей власти* (Дѣян, I, 7).

У каждаго изъ насъ, мм. гг., много другаго, положительно заповѣданнаго намъ, какъ христіанамъ, дѣла. Все то, что я сказалъ въ первыхъ двухъ чтеніяхъ о *содержаніи* нравственности, должно быть содержаніемъ именно христіанской жизни. Недостанетъ всѣхъ силъ и времени земной жизни на то одно, чтобъ какъ слѣдуетъ по христіанской совѣсти изучить и съумѣть исполнить обязанности любаго честнаго труда, быть дѣйствительно мастеромъ въ дѣлѣ своего земнаго званія, честнымъ представителемъ своей профессіи. Какой неистощимый запасъ нравственной энергіи и какая помощь Св. Духа нужна намъ и для того, чтобы пламень братской любви и неподкупность правды проникали наши семейныя, общественныя и народныя дѣла и отношенія, всѣ труды и обязанности каждаго изъ насъ и среди этихъ отношеній. Я позволю себѣ напомнить въ настоящій разъ только одну, общую всѣмъ и каждому изъ насъ, обязанность члена той святой общины, которая называется приходскимъ обществомъ, *приходскою церковію* или просто: *приходомъ*. Тамъ у святой купели, у которой мы произнесли наши христіанскіе обѣты, въ которой Господь чрезъ апостольскихъ преемниковъ оправдалъ, освятилъ и усыновилъ насъ Себѣ,—у того священнаго алтаря, у подножія котораго мы слагаемъ бремя грѣховъ своихъ и отъ котораго питаемся Тѣломъ и Кровію Господнею,—гдѣ мы получаемъ благодатное освященіе своихъ браковъ, гдѣ находимъ помощь и утѣшеніе въ тяжкія минуты искушеній и страданій, гдѣ и по смерти нашей будетъ возноситься молитва о насъ ко Престолу Всевышняго,—тамъ должна бы сосредоточиваться прежде всего наша общественная, духовно-христіанская дѣятельность, какъ чадъ Божіихъ, какъ овецъ стада Христова. Въ каждой приходской церкви, и богослуженіе съ его чтеніемъ и пѣніемъ, и внѣшнее устройство ея, и всѣ порядки и нужды приходской жизни должны быть

дѣломъ каждаго прихожанина, какъ приснаго въ этой скромной христіанской семьѣ; кто имѣетъ даръ читать назидательно для всѣхъ,—читай съ благословенія настоятеля церкви и къ его великой радости; кому Богъ далъ талантъ пѣнія,—пой къ общему духовному возбужденію и утѣшенію молящихся; кто хочетъ быть священнослужителемъ и проповѣдникомъ слова Божія,—готовься: священная литература и двери духовной науки, благодареніе Богу, нынѣ открыты и доступны всѣмъ. Почему же тѣ изъ васъ, которые справедливо желаютъ большаго назиданія словомъ и примѣромъ жизни, большихъ плодовъ вѣры и духа, большей пастырской попечительности отъ своего духовенства, — почему они сами, такъ много видящіе и понимающіе на свѣтѣ, не хотятъ взять на себя и раздѣлить съ нами наше священное, апостольское иго? Но если это дѣло, дѣло священнослуженія, какъ оно ни высоко-отрадно для принимающаго и исполняющаго его съ вѣрою, не всѣмъ можетъ быть по разнымъ причинамъ доступно; то всѣмъ христіанамъ доступна и всѣмъ обязательна та святая дѣятельность братской любви и справедливости, которая называется приходскою *благотворительностію*. Братская школа для разумнаго воспитанія всѣхъ приходскихъ и особенно бѣдныхъ дѣтей, братская богадѣльня для призрѣнія убогихъ и престарѣлыхъ бѣдныхъ обоего пола своей родной общины, и наконецъ братская лечебница для больныхъ ея членовъ: эти *три святилища и питомника духа Христова*, эти три наилучшія *украшенія* христіанскихъ общинъ, встрѣчавшіяся изстари и доселѣ кое-гдѣ сохраняющіяся въ русскихъ селахъ, должны быть при каждой христіанской общинѣ не только въ городѣ, но и каждомъ христіанскомъ селеніи, и никто изъ живыхъ вѣрою христіанъ не имѣетъ права, да и не можетъ, если онъ дѣйствительно живъ, по мѣрѣ своихъ силъ не участвовать въ нихъ: какое близкое каждому, благодарное, святое, для себя самого и для братій во Христѣ благотворное поле дѣятельности на всю жизнь, а особенно на дни во-

скресные и праздничные, на дни поста и покаянія! Какая бы изъ этой дѣятельности выросла неисчислимая духовная и матеріальная польза самихъ обществъ сельскихъ, городскихъ, польза народная, даже вселенская! Но, что гораздо важнѣе всего, какимъ бы прекраснымъ, вѣчно отраднымъ сокровищемъ добродѣтелей по духу Христову обогащались въ нашей земной жизни и украшались наши души — эти безсмертныя невѣсты вѣчнаго Жениха-Христа, и съ какимъ бы торжествомъ они вступили въ брачные чертоги Его въ послѣдній день всемірнаго воздаянія!

Мы видимъ уже, что выше-предложенный отвѣтъ на вопросъ: что значитъ быть христіаниномъ, еще не полонъ. Быть призваннымъ благодатіею Божіею къ покаянію и вѣрѣ во Христа и быть оправданнымъ и освященнымъ по этой вѣрѣ значитъ уже, правда, обладать всѣмъ, чего только можетъ желать отъ Бога падшій человѣкъ подъ вліяніемъ христіанской или спасающей благодати; но не значитъ еще: дѣйствительно пользоваться, какъ слѣдуетъ, этимъ духовнымъ сокровищемъ. *Сдѣлавшись* христіаниномъ, надобно еще *самодѣятельно*, съ помощію благодати, *пребывать* имъ въ своей *жизни*; а это значитъ *возрастать*: и въ своей *вѣрѣ*, а съ нею и въ радости оправданія и въ силѣ освященія, и въ тѣхъ аскетическихъ и общежительныхъ, внутреннихъ и внѣшнихъ *благахъ*, изъ которыхъ слагается вся человѣческая самодѣятельная жизнь или нравственность.

Жизнь духа, которая даже и тогда, когда она, повидимому, прекращается (въ душевныхъ болѣзняхъ, во снѣ) есть непрерывная работа,—движеніе впередъ или назадъ; остановка на одномъ пунктѣ въ этой жизни есть уже движеніе назадъ, подобно тому, какъ прекращеніе роста въ живомъ организмѣ есть уже признакъ приближающагося его разложенія. Св. апостолъ Павелъ ожидаетъ и отъ христіанъ *возрастанія* ихъ *вѣры* (2 Кор. X, 15); *кто не собираетъ со Мною*, говоритъ и самъ Спаситель, *тотъ расто-*

часть (Матѳ. X, 30; Лук. XI, 23). Средства же возрастанія христіанской вѣры, а съ нею и радости оправданія и дара освященія, суть тѣже самыя, которыми христіанинъ впервые удостоился этихъ небесныхъ благъ, именно: все большее и большее углубленіе въ неисчерпаемый источникъ Слова Божія — Священное Писаніе, которое для этого непрестанно и читается и объясняется въ нашихъ церковныхъ собраніяхъ и распространяется повсюду; для лучшаго же уразумѣнія Священнаго Писанія—чтеніе и слушаніе произведеній церковной письменности, начиная съ катехизисовъ, которые, какъ оказывается, забываются и образованными лицами, и восходя до твореній великихъ отцовъ церкви; далѣе—сердечная молитва, домашняя и общественная, которая ставитъ вѣрующаго въ непосредственное общеніе съ источникомъ благодати—Отцемъ Небеснымъ и Его Единороднымъ Сыномъ и Святымъ Утѣшителемъ Духомъ, со всѣмъ облагодатствованнымъ сонмомъ небожителей и прежде отшедшихъ въ вѣрѣ и покаяніи отцевъ нашихъ и со всѣми живыми братьями по вѣрѣ; особенно же участіе въ величайшемъ христіанскомъ торжествѣ видимаго единенія Спасителя съ каждымъ изъ вѣрующихъ, и всѣхъ вѣрующихъ между собою,—въ таинствѣ Евхаристіи, около котораго, какъ около центра, группируется весь строй ежедневнаго церковнаго Богослуженія. Содержа предъ нашимъ сознаніемъ и уясняя тѣ истины домостроительства нашего спасенія, которыя мы исповѣдывали предъ купелью Крещенія, возгрѣвая и питая въ сердцѣ тѣ чувствованія, то радостныя о безпредѣльной, уже изліянной на насъ, любви Божіей, и о высшихъ еще обѣтованіяхъ жизни будущей, то смиряющія и возбуждающія насъ къ непрестанному бодрствованію надъ собою, наконецъ соединяя насъ тѣснѣйшимъ союзомъ съ самимъ Тріединымъ Богомъ—источникомъ нашего оправданія и освященія,—всѣ эти богодарованныя средства, коль скоро мы самодѣятельно пользуемся ими какъ вѣрующіе, не могутъ не усиливать *самую эту вѣру*, какъ ту готовность всецѣло

предать себя Христу и Его дѣлу, которая привела насъ прежде всего къ купели Крещенія и была съ нашей стороны орудіемъ нашего оправданія и освященія.

Но очевидно само собою, что вѣра, питаясь общеніемъ съ Богомъ чрезъ Слово Божіе, молитву и Причащеніе Святыхъ Христовыхъ Таинъ, составляя уже сама по себѣ это общеніе, вызывающее все большую и большую жажду исполненія воли Божіей, что она, какъ воплотившая такимъ образомъ въ себѣ всю энергію самоопредѣленія христіанина, не можетъ ни существовать, ни возрастать, не проявляя себя непрестанно во всѣхъ тѣхъ сферахъ, въ какихъ только можетъ обнаруживаться человѣческая нравственность. Христіанинъ призванъ къ освященію *во всей* его *полнотѣ, чтобы его духъ, душа и тѣло во всей цѣлости сохранены были безъ порока въ пришествіе Господа нашего Іисуса Христа* (1 Θессал. V, 23). Какъ единственная съ помощію благодати свободно созданная падшимъ человѣкомъ добродѣтель, вѣра составляетъ и единственное *основаніе*, но только основаніе и всей его жизни; она есть тотъ камень, который существуетъ на землѣ не безъ пользы, но для того, чтобы на немъ благоразумный мужъ выстроилъ ничѣмъ непоколебимый домъ (Матѳ. VII, 24—27) всѣхъ своихъ субъективныхъ и объективныхъ, аскетическихъ и общежительныхъ благъ, изъ которыхъ слагается вся его нравственность и все его земное благополучіе; или: она есть то *сѣмя*, *посѣянное на доброй землѣ* (—XIII, 23), которое, чѣмъ глубже пускаетъ корни въ центрѣ духа человѣческаго, тѣмъ болѣе развѣтвляется во всей его внутренней и внѣшней дѣятельности и тѣмъ большіе приноситъ плоды добродѣтелей и соотвѣтственныхъ имъ внѣшнихъ благъ, такъ что гдѣ нѣтъ этихъ плодовъ, тамъ нѣтъ и сѣмени; *по плодамъ узнается* какъ вѣра христіанская, такъ и возрастаніе ея; *не всякій, говорящій* только: *Господи, Господи!* принадлежитъ къ числу оправданныхъ и освященныхъ (Матѳ. VII, 20. 21)!

Вотъ почему св. Апостолъ радостно говоритъ вѣрующимъ: *все ваше и настоящее и будущее*, и вся *жизнь* и весь *міръ, все ваше* (1 Кор. III, 21. 22. 23), но съ условіемъ, на которое и прошу просвѣщенныхъ слушателей въ заключеніе обратить особенное вниманіе въ виду тѣхъ иноземныхъ апостоловъ, которые, какъ говорятъ, проповѣдуютъ одно только блаженство вѣры во Христа, или *принятія въ себя Его;* именно: все ваше, *пока вы Христовы*, пока *вы стоите въ свободѣ, которую даровалъ вамъ Христосъ и не подвергаетесь игу рабства*, т. е. грѣху (Гал, V, 1). А искушеніе грѣха еще ближе къ христіанину, чѣмъ какъ оно было близко къ прародителямъ въ раю; тамъ—въ раю оно первопачально возбуждено было отвнѣ, а мы и тотчасъ по выходѣ изъ купели Крещенія, какъ было выше замѣчено, носимъ его въ себѣ самихъ, въ тѣхъ безсознательныхъ и еще свободно не истребленныхъ нами слѣдахъ нашей прежней грѣховности, которыхъ не имѣлъ Адамъ и которые готовы возникнуть въ нашемъ сознаніи и манить къ себѣ нашу свободу всякій разъ, когда энергія къ добру чѣмъ либо ослабляется или когда, какъ говоритъ евангельская притча, мы нравственно *спимъ* (Матѳ. XIII, 25). Искушеніе, правда, никогда не допускается *сверхъ силъ* человѣка (1 Кор. X, 13), и благодатная помощь, сила освященія даруется христіанину въ такой преизобильной мѣрѣ, *какою не обладалъ* и первозданный въ раю; но все же зло—у дверей нашего сердца и ничѣмъ не можетъ быть удалено отъ него, кромѣ нашего собственнаго, съ помощію благодати, свободнаго *бодрствованія и труда всей своей жизни.* Искушеніе есть даже необходимость для нашего совершенствованія, какъ необходима была заповѣдь въ раю, чтобы не одна благодать, а и сами мы съ ея помощію стяжали свое нравственное достоинство въ очахъ Бога, были бы не вещами или орудіями внѣшней, хотя бы и божественной силы, не имѣющими ничего сроднаго съ Его природою, а самостоятельными личностями, съ которыми Богъ можетъ *дѣйствительно*

вступать въ свободныя отношенія правды и любви, въ дѣйствительный религіозный союзъ; чтобы наконецъ вѣрующіе, сами содѣйствующіе своимъ добродѣтелямъ, тѣмъ способнѣе были ощущать уже здѣсь на землѣ блаженство своей доброй жизни въ общеніи съ Богомъ. Но все же гдѣ возможно и даже необходимо искушеніе, тамъ *возможно* хотя и *не необходимо* и паденіе, порабощеніе себя грѣху, ожесточеніе во злѣ и, какъ необходимое слѣдствіе того, *полное лишеніе себя всѣхъ плодовъ искупленія*. Вотъ почему не разъ взывая христіанамъ: *радуйтесь, всегда радуйтесь и еще говорю: радуйтесь* (1 Θесс. V, 16; Филип. IV, 4), тотъ же св. Апостолъ никогда не забываетъ внушать: но и *трезвитесь и бодрствуйте* (—6) надъ собою, *удерживайтесь отъ всякаго зла* (Ефес. VI, 11—13), чтобы *не угасить духа* вашего оправданія и освященія (1 Θес. V, 19), чтобы *кто* изъ васъ *не лишился благодати Божіей* (Евр. XII, 15). Словомъ: *совершайте* ваше *спасеніе* не только съ радостію, но и *со страхомъ и трепетомъ* (Филип. II, 12)!

Полный отвѣтъ поэтому на вопросъ—что значитъ быть христіаниномъ можетъ гласить такъ: *христіанинъ есть не только призванный къ вѣрѣ благодатію Божіею, не только вѣрующій и по вѣрѣ оправданный и освященный тою же благодатію членъ Церкви Христовой, но и возрастающій какъ въ вѣрѣ* [1]*), такъ и силою вѣры* [2]*) во всей нравственной жизни.*

---

[1]) По мѣрѣ возрастанія своего, вѣра естественно болѣе и болѣе отрѣшается отъ покаянныхъ чувствъ (хотя не отъ смиренія, какъ всегдашняго памятованія своего бывшаго зла, изглаженнаго милосердіемъ Божіимъ), отъ которыхъ она не отдѣлима при обращеніи,—а въ будущей жизни имѣетъ замѣниться видѣніемъ Бога лицемъ къ лицу.

[2]) Изъ выше въ этомъ чтеніи изложеннаго *понятія* о вѣрѣ читатель могъ замѣтить, что въ это понятіе входитъ и то, что называется обыкновенно какъ *надеждою* на Бога, такъ и *любовію* къ Нему; строго видѣлять эти послѣднія два понятія изъ перваго не возможно, а въ примѣненіи къ жизни—вредно: доказательство въ римско-католической казуистикѣ на счетъ обязанностей по каждой изъ этихъ трехъ, такъ называемыхъ Богословскихъ добродѣтелей.

Я кончилъ свой отвѣтъ на оба предложенные мною вопроса. Слушая этотъ отвѣтъ, въ которомъ приводилось не мало изрѣченій Священнаго Писанія весьма отвлеченнаго характера, много употреблялось и научныхъ выраженій, которыя болѣе или менѣе понятны только образованнымъ слушателямъ, кто либо могъ придти къ мысли: если и для насъ нужно такъ много и такъ иногда не ясно, не просто говорить, чтобы понять, что значитъ быть человѣкомъ и христіаниномъ, то возможно ли какое либо человѣческое и христіанское сознаніе и развитіе въ людяхъ простыхъ, неграмотныхъ? О какихъ психологическихъ тонкостяхъ по вопросу напр. о сознаніи, о наслѣдственномъ грѣхѣ, о благодати и свободѣ они могутъ имѣть понятіе? Признавая всю *догматическую* важность и *практическую* необходимость *оглашенія*, т. е. духовнаго просвѣщенія для каждаго приступающаго къ крещенію, а тѣмъ болѣе для крещеннаго уже въ безсознательномъ дѣтствѣ христіанина, и сочувствуя отъ всей души обычаю западныхъ христіанъ подвергать всякаго крещеннаго, по достиженіи имъ извѣстнаго возраста, испытанію въ усвоеніи имъ основныхъ истинъ христіанскаго вѣроученія и нравоученія (что у насъ могло бы достигаться въ народной школѣ),—не могу не сказать однакоже, что и неграмотный крестьянинъ своимъ нравственнымъ чувствомъ и опытомъ жизни, подъ вліяніемъ христіанскихъ обычаевъ и церковнаго Богослуженія, часто можетъ быть не менѣе глубоко проникнутъ своимъ человѣческимъ и христіанскимъ долгомъ, чѣмъ многіе образованные христіане. Народная же мудрость рѣшаетъ иногда труднѣйшіе христіанскіе вопросы, каковъ напр. вопросъ объ отношеніи свободы къ благодати, запутывающій умы самыхъ ученыхъ богослововъ, въ самомъ ясномъ и для практической жизни весьма удовлетворительномъ отвѣтѣ; такова напр. пословица, вполнѣ примѣнимая къ указанному вопросу: „на Бога надѣйся и самъ не плошай“. Если въ чемъ слѣдовало бы исправить ее, то это развѣ только въ томъ, чтобы вмѣсто:

не плошай, сказать: улучшайся съ Божіею помощію, или: совершенствуйся, иди впередъ!

Все безраздѣльное содержаніе религіозно-нравственнаго настроенія, насколько о немъ можно судить по внѣшнимъ поступкамъ, выразилось напр. въ едва-ли кому теперь памятномъ подвигѣ простаго русскаго крестьянина Владимірской губерніи, Ростовскаго уѣзда, деревни Евсеевки Василья Гаврилова Марина, по случаю пожара, истребившаго Московскій театръ въ 1852 году. Разсказъ объ этомъ подвигѣ, прочитанный мною въ Journal de S. Petersbourg № 66 1853 года, когда я только что начиналъ въ чужихъ краяхъ свое служеніе въ санѣ священника, такъ глубоко тронулъ меня, что я тогда же записалъ его, и онъ, кажется, заслуживаетъ того, чтобы и теперь и здѣсь вспомнить о немъ. Крестьянинъ Маринъ, занимавшійся кровельнымъ ремесломъ, а потомъ сдѣлавшійся котельникомъ на Колпинской фабрикѣ, въ мартѣ 1852 г. возвращался съ братомъ и 9-ю другими товарищами изъ Евсеевки въ Колпино чрезъ Москву. Переночевавъ въ Москвѣ, артель отправилась посмотрѣть Бѣлокаменную, чтобы въ 3 часа съ товарнымъ поѣздомъ отправиться дальше. Побывавъ прежде всего въ Кремлѣ, чтобы, по прекрасному русскому обычаю, поклониться его святынѣ, и полюбовавшись на Москву съ Ивановской колокольни, путешественники зашли на птичій дворъ, гдѣ и услышали, что театръ загорѣлся; артель тотчасъ направилась къ театру, который между тѣмъ уже былъ охваченъ извнутри пламенемъ, прорывавшимся и наружу; трое изъ рабочихъ при театрѣ, чѣмъ-то занятыхъ въ немъ до пожара, спасаясь отъ огня и дыма, пробрались на кровлю театра; но и тамъ дымъ душилъ ихъ и пламя все ближе охватывало ихъ со всѣхъ сторонъ; двое изъ несчастныхъ не выдержали, бросились внизъ и погибли на мѣстѣ. Масса народа, окружившая между тѣмъ театръ, — полиція, подоспѣвшая пожарная команда, къ несчастію не имѣвшая достаточно высокихъ лѣстницъ, а потому и никакой

почти возможности добраться до остававшагося въ живыхъ третьяго рабочаго, — вся эта публика въ безмолвномъ ужасѣ слушала его раздирающія мольбы—о помощи. Въ эту-то минуту и подошелъ къ пожару Маринъ. „Я молчалъ, но мое сердце забилось“, разсказывалъ онъ послѣ. Не теряя времени, онъ взялъ съ позволенія полиціи одну изъ лѣстницъ, веревку и желѣзный крюкъ и, пригласивъ брата слѣдовать за собою, приставилъ лѣстницу у одной изъ водосточныхъ трубъ зданія; осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ началъ подниматься по лѣстницѣ и добрался до послѣдней ступени ея; но до крыши было еще далеко. Маринъ опоясалъ себя веревкою, снова перекрестился и по трубѣ, трещавшей подъ его тяжестію, поднялся до карниза, куда братъ съ помощію поданной ему сверху веревки доставилъ крюкъ; Маринъ перебросилъ этотъ крюкъ вмѣстѣ съ веревкою чрезъ карнизъ на крышу, гдѣ едва живой работникъ прикрѣпилъ его и потомъ по этой веревкѣ, съ помощію Марина, среди дыма и пламени, среди треска и вѣтра, на глазахъ притаившей дыханіе публики, благополучно спустился до лѣстницы, откуда уже не трудно было спуститься и до земли.

Когда Маринъ съ спасеннымъ имъ рабочимъ достигъ лѣстницы, то вся безмолвная масса зрителей осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ; а когда онъ спустился на землю, то многіе изъ нихъ спѣшили выразить ему восторженную благодарность въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. „Я ничего не помнилъ, говорилъ потомъ Маринъ, кромѣ того, что сердце мое билось и какъ будто спрашивало: какъ бы спасти христіанскую душу, и какъ будто говорило, что Богъ мнѣ поможетъ“.

Въ этомъ подвигѣ выразилось все религіозно-нравственное настроеніе простаго человѣка: и его вѣра въ Бога, и его здоровое нравственное чувство, и его свободная, мужественная и самоотверженная рѣшимость на богоугодное дѣло, и его любовь къ ближ-

нему, соединенная съ умѣніемъ восторжествовать надъ матеріальными препятствіями.

Но всего дороже въ этомъ подвигѣ его естественность—эта простота добраго дѣла, совершаемаго не по какой-нибудь теоріи, не по утилитарнымъ или другимъ какимъ соображеніямъ, а просто потому, что христіанское, т. е. истинно человѣческое сердце таково: оно дышетъ добромъ. Маринъ среди общаго сочувствія, съ какимъ обступили его со всѣхъ сторонъ, самъ не обратилъ особеннаго вниманія ни на кого, не замѣтилъ даже имени того, кого онъ спасъ; онъ опасался въ это время только одного: какъ бы товарный поѣздъ не ушелъ безъ него въ Колпино,—и дѣйствительно Маринъ не опоздалъ и, прибывъ въ Колпино, взялся за свое обычное ремесло.

Понятно, почему имя Марина успѣли однакоже записать въ Москвѣ и почему блаженной памяти Государь Императоръ Николай Павловичъ приказалъ розыскать его и привести къ себѣ и, когда Маринъ явился во дворецъ, разцѣловалъ его и наградилъ.

Подобными фактами, свидѣтельствующими о таящемся въ русскомъ народѣ глубокомъ религіозно-нравственномъ чувствѣ, полны Русская исторія и нашъ современный бытъ: какъ напр. билось и доселѣ бьется сердце русскаго человѣка въ виду востока!

Съ прискорбіемъ должны мы однакожъ сознаться, что русская жизнь богата этими отрадными религіозно-нравственными явленіями преимущественно въ исключительныхъ обстоятельствахъ... Не вспоминая о прошломъ, можно было бы и въ современномъ бытѣ указать на многое, что говоритъ о скудости сознательнаго, прочнаго христіански-нравственнаго *развитія* народныхъ массъ и даже не однихъ только массъ: напр. на неумѣніе воспользоваться всѣми сокровищами земли, населяемой русскимъ народомъ; на его бѣдствія отъ неразумнаго истощенія почвы, обезлѣсенія ея, пожаровъ; на ужасающую смертность дѣтей въ младенческомъ возрастѣ отъ непониманія гигіеническихъ условій жизни; на рабство водкѣ или игрѣ,

или пустой модѣ и роскоши; на проявляющіеся часто признаки непониманія, равнодушія или даже совершеннаго эгоистическаго направленія относительно общественныхъ дѣлъ и потребностей сельскихъ, земскихъ, городскихъ и т. п.; на чаще и чаще встрѣчающійся разладъ въ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми, между самими супругами; на странныя у иныхъ понятія даже о значеніи и призваніи самаго семейнаго союза, этого перваго питомника всего духовнаго склада ребенка, гдѣ онъ впервые пріобрѣтаетъ задатки всѣхъ понятій о цѣли человѣческой жизни, ея радостяхъ и скорбяхъ, опасеніяхъ и надеждахъ, правахъ и обязанностяхъ.

Въ своемъ отвѣтѣ на вопросъ, что значитъ быть христіаниномъ, я не считалъ нужнымъ касаться того: что дѣлаетъ Божественная благодать съ христіаниномъ, коль скоро онъ утратилъ блаженство своего оправданія и силу освященія, впалъ въ тяжкій грѣхъ, т. е. снова поработилъ свою христіанскую свободу чувственности или эгоизму и порвалъ свое общеніе со Христомъ и Богомъ? Наиболѣе яснымъ отвѣтомъ на это служитъ: слышимая нами въ церкви ежегодно, начиная съ недѣли „блуднаго сына“ пѣснь: „покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче“, только что окончившееся время поста [1]) и наступающіе дни воспоминанія страданій Христа Спасителя и Его славнаго воскресенія,—время, когда Церковь возбуждаетъ всякаго грѣшника умереть грѣху вмѣстѣ со Христомъ, снова пройти скорбный путь зарожденія покаянной вѣры въ Него, этою вѣрою съ Нимъ воскреснуть въ св. таинствахъ Покаянія и Причащенія, чтобы и здѣсь на землѣ царствовать съ Нимъ нравственно, обладая въ своемъ сердцѣ *царствіемъ Божіемъ* и распространяя его оттуда по всѣмъ направленіямъ земной дѣятельности, и въ будущей жизни найти мѣсто, радостное возбужденіе и блаженную, нескончаемую дѣятельность всѣхъ силъ въ обителяхъ Отца небеснаго, число, величіе

[1]) Это послѣднее чтеніе происходило въ Вербное Воскресенье.

и красота которыхъ неизмѣримы,—въ общеніи съ сонмами свѣтлыхъ небожителей, блаженство котораго теперь недоступно нашему сердцу,—и въ непосредственномъ лицезрѣніи Тріединаго Бога и участіи въ Его славѣ, теперь превышающихъ всякій умъ.

Желая каждому изъ просвѣщенныхъ слушателей болѣе и болѣе съ помощію Божіею совершенствоваться въ христіански-нравственномъ разумѣніи и жизни, я не могу съ своей стороны не выразить членамъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія и ихъ дорогимъ гостямъ глубокой признательности за вниманіе, какого они удостоили мои посильныя размышленія, и твердой надежды, что никто изъ насъ не будетъ сожалѣть о часахъ, проведенныхъ за этими размышленіями.

Вы собирались сюда въ надеждѣ услышать что-нибудь полезное для себя въ эти святые дни, хотя, быть можетъ, и не всегда находили это; я съ своей стороны имѣлъ также искреннее желаніе подѣлиться съ вами, какими самъ богатъ, мыслями и какъ умѣю, по важнѣйшимъ въ нашей жизни вопросамъ. Общія наши намѣренія сами по себѣ были святы; а Богъ, какъ выражается св. Іоаннъ Златоустъ, и благія намѣренія цѣлуетъ!

2007111528